

ЖУРНАЛ

ПОСЛЕДНЯЯ СРЕДА

литература о жизни

Учредители:

Литературный клуб «Последняя среда»

Издательство «ЭРА»

Фонд независимого книгоиздания

Тема номера СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Сх, чусильмане те же фусские,
И фусские может быть чслам.
Милы глаза, нечного узкие,
Как чуть опкфитный ставень фач.

В. Хлебников

Издательство «Э.РА»

УДК 821

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

журнал
«Последняя среда»
тема номера «Средняя Азия»

М.: Издатель ИП Ракитская Э.Б. «Э.РА», 2014; 198 стр.

На первой странице обложки: Кузьма Петров-Водкин. Голова мальчика-узбека (1921 г.),

На задней стороне обложки: Самарканд (1926 г.)

Редакционная коллегия:
Андрей Пустогаров – гл. редактор
Михаил Ромм
Ольга Глухарева

Пишите: stogarov@pisem.net и вас прочтут

ISBN 978-5-000390-825

ISBN 978 -5-00039-082-5

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Оглавление

От редактора.....	5
-------------------	---

АНТОЛОГИЯ

О Азия!

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ (1853-1900).....	6
ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ (1885-1922)	6
НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ (1886 – 1921)	10
АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ (1886 – 1957).....	11
АННА АХМАТОВА (1889-1966)	15
НИКОЛАЙ УШАКОВ (1899 – 1973).....	17
ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ (1901-1957).....	18
СЕРГЕЙ МАРКОВ (1906-1979)	31
ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ (1909-1937)	33
СЕМЕН ЛИПКИН (1911-2003).....	37

САМАРКАНДИЯ

АЛЬБЕР КАМЮ Фрагменты эссе «Лето в Алжире»	38
К.С. ПЕТРОВ-ВОДКИН Самаркандия	42
ЛАРИСА РЕЙСНЕР Из книги «Афганистан»	54

АНТОЛОГИЯ

О, Азия!

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ	60
АНАТОЛИЙ ЛЕОНТЬЕВ	61
ВИКТОР ШИРОКОВ	62
ТЕМУР ВАРКИ	62
ИРИНА КУЗНЕЦОВА	68
МИХАИЛ РОММ	69
АМИРАМ ГРИГОРОВ	70
СЕОГЕЙ РАР	72
СЕРГЕЙ ЖАДАН	74

ПУТЬ КОРИБАНТОВ

- С.П. Толстов Путь корибантов76
Тимур Зульфикаров Охота царя Бахрам-Гура Сасанида 117

БЕНЕФИС

- Андрей Пустогаров Здравствуй, Азия!..... 130

УГОЛОК ПЕРЕВОДЧИКА

- Тамим Ансари Загвоздка перевода 143

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

ВЗЯТИЕ САМАРКАНДА

- Рассказ Магомета Суфи, самаркандского жителя, ткача шелковых материй..... 146

- В.М. Наше движение на восток 151

ЭКОНОМИКА ПРОЦВЕТЕНИЯ

- Андрей Пустогаров Гастарбайтическое чудо 157

МУЗА ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

- Екатерина Белавина Муза дальних странствий. Гумилев и Сандрар 165

AMARCORD

- Нина Леонтьева Моя Средняя Азия..... 178

От редактора

Этот номер был сверстан еще летом 2013 года, но по организационным причинам выходит в 2014 году. Тем же летом 2013-го была написана и статья «Гастарбайтическое чудо», тогда же опубликованная в интернете. Так называемые бюролевские беспорядки подтвердили актуальность темы, выбранной для очередного номера.

Но нам не хотелось бы сводить смысл того, что мы хотим сказать, к геополитике или проблемам (и ресурсам) трудовой миграции.

За антологией среднеазиатских стихов русских классиков мы поместили фрагменты эссе Альбера Камю «Лето в Алжире». Как известно, детство Камю прошло в пригородах Алжира. Там и зародилось его представление о средиземноморском духе, как «торжествующем вкусе к жизни, избытке сил, «душе», открытой радостям жизни – свету, солнцу и морю».

Для нашей малосолнечной родины источником духа, света и солнца могла бы стать именно Средняя Азия, земля, не чужая, как для русской культуры, так и для многих русских людей, связавших в 19-20 веках с ней свою судьбу. (Открытие новых миров посвящено публикуемое эссе Екатерины Белавиной «Муза дальних странствий. Гумилев и Сандрар»).

Средняя Азия могла бы стать для нас как источником вдохновения, так и полем приложения сил нашей страны – участвуя в развитии экономики и культуры стран Средней Азии, мы тем самым развивали бы экономику и культуру России.

АНТОЛОГИЯ

О АЗИЯ!

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ (1853-1900)

* * *

Газели пустынь ты стройнее и краше,
И речи твои бесконечно-бездонны –
Туранская Эва, степная Мадонна,
Ты будь у Аллаха заступницей нашей.

И всяк, у кого нечто бьется налево,
Лежит пред тобой, не вставая из праха.
Заступницей нашей ты будь у Аллаха,
Степная Мадонна, Туранская Эва!

Август 1878

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ (1885-1922)

* * *

О Азия! тобой себя я мучу.
Как девы брови, я постигаю тучу.
Как шею нежного здоровья.
Твои ночные вечеровья.
Где тот, кто день иной предрек?
О, если б волосами синих рек
Мне Азия покрыла бы колени
И дева прошептала таинственные пени,
И тихая, счастливая, рыдала,
Концом косы глаза суша.
Она любила! Она страдала!
Вселенной смутная душа.
И вновь прошли бы снова чувства,

И зазвенел бы в сердце бой:
И Мохавиры, и Заратустры,
И Саваджи, объятого борьбой.
Умерших их я был бы современник,
Творил ответы и вопросы.
А ты бы грудой светлых денег
Мне на ноги рассыпала бы косы.
«Учитель,— мне шепча,—
Не правда ли, сегодня
Мы будем сообща
Искать путей свободней?»

1921

ТИРАН БЕЗ ТЭ

ВСТРЕЧА

<1>

Ок!
Ок!
Это горный пророк!
Как дыханье кита, из щелей толпы
Вылетают их стоны и ярости крики.
Яростным буйволом пронесся священник цветов;
В овчине суровой голые руки, голые ноги.
Горный пастух его бы сочел за своего,
Дикий буйвол ему бы промолвил: «Мой брат!»
Он, божий ветер, вдруг прилетел, налетел
В людные улицы, с гор снеговых,
Дикий священник цветов,
Белой пушинкой кому-то грозя.
«Чох пуль! Чох шай!»— Стал нестерпимым прибор!
Слишком поднялся потоп торго и рынка, всегда мировой!
Черные волосы падали буйно, как водопад,
На смуглый рот

Последняя среда

И на темные руки пророка.
Грудь золотого загара, золотая, как желудь,
Ноги босые,
Листвой золотой овчина торчала
Шубою шиврат-навыворот.
Божественно-темное дикое око –
Веселья темница.
Десятками лет никем не покошены,
Стрижки не зная,
Волосы падали черной рекой на плечо.
Конский хвост не стыдился бы этих веревок,
Черное сено ночных вдохновений,
Стога полночней звездных,
Черной пшеницы стога.
Птичьих полетов пути с холодных и горных снегов
Пали на голые плечи,
На темные руки пророка.
Темных голосов жильё
И провода к небесам для разговоров,
Для темных с богом бесед.
Горы денег сильнее пушинка его,
И в руке его белый пух, перо лебеда,
Лебедем ночи потеря,
Когда он летел высоко над миром,
Над горой и долиной.
Бык чугунный на посох уселся пророка,
Птицей на нем отдыхая,
Медной качал головой.
Белый пушок в желтых пальцах,
Неба ночного потеря,
В диких болотах упала, между утесов.

А на палке его стоял вол ночной,
А в глазах его огонь солнечный.
Ок! Ок!
Еще! Еще!
Это пророки сбежались с гор

Встречать чадо Хлебникова.
Это предтечи
Сбежались с гор.
Очана! Мочана!
Будем друзья!
Облако камня дороже!
Ок! Ок! Как дыханье кита,
Из ноздрей толпы
Вылетали их дикие крики.
«Гуль-мулла», – пронесся ветер,
«Гуль-мулла», – пронесся стон.
Этот ветер пролетел,
Он шумел в деревьях темных,
Он шумел в песке морей.
«Наш», – запели священники гор,
«Наш», – сказали цветы –
Золотые чернила,
На скатерть зеленую
Неловкой весною пролитые.
«Наш», – запели дубровы и рощи –
Золотой набат, весны колокол!
Сотнями глаз –
Зорких солнышек –
В небе дерева
Ветвей благовест.
«Наш», – говорили ночей облака,
«Наш», – прохрипели вороны моря,
Оком зеленые, клювом железные,
Неводом строгим и частым,
К утренней тоне
Спеша на восток.
Месяц поймав сетки мотнею полета,
Тяжко и грузно летели они.
Только «мой» не сказала дева Ирана,
Только «мой» не сказала она.
Через забрало тускло смотрела,
В черном шелку стоя поодаль.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ (1886 – 1921)

ТУРКЕСТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.

Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «к оружию»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.

Забыли? – Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.

– «Что с вами?» – «Так, нога болит».
– «Подагра?» – «Нет, сквозная рана». –
И сразу сердце защемит
Тоска по солнцу Туркестана.

И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов,
Средь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов,

Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Воспоминаньем о невзгодах.

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ (1886 – 1957)

ЗА ЧИРЧИКОМ...

...Под пыльною листвою карагача и тута
Поник кишлак, прижались к юрте верблюжата.
И дети, словно угли, с кругляшками курута
Валяются в пыли под юртой полосатой.
Проходит медленно к синеющим горам Чимгана
Звенящая в пыли громада каравана.
Когда кумган жары прольется над полями
Из-за уснувших вершушек гор
Сверкнет поднос на синем дастархане,
И серебром зальется рисовый простор.
Выходят девушки на лунные дороги
И в теплый бархат пыли погружают ноги...

1923

ТАНЕЦ

Тыни мини тын тын,
тыни мини тын ...
Под удар дутара тюбетейки клин
Взвился точно кричат к серой бидане
Перья крыл трепещут в пыльной синеве.
Ах, моя услада,
сладость спелых дынь,

Последняя среда

Золотятся ноги – тыни мини тынь ...

Дост!!!

Лапа лапа лап лап, лапа

лапа лап...

Барабанов трепет в яром скрипе арб.

Хруст циновок нежен, взор ее – цветок.

В исступленьи диком кружится сто ног.

Барабанов вопль – тяпы дапы ляп

Бубен бьет под пляску --

Лапа лапа лап.

Дост!!!

Тыка тыка тын тын, тыкы тыки тын

Пиала Аллаха и кальяна дым.

Так пылают щеки – точно два граната,

Падают в истоме руки от халата.

Ах, моя услада, спелых много дынь

На больших подносах тыка тыка тын.

Дост!!!

1923

* * *

Ночь... Ночь Чимбайлыка, когда вся степь поет...

А ветер нежен, как девичья рука.

Тогда и радости, и грусти переплет

Волнует, как забытая строка.

Ночь... Ночь Чимбайлыка, мне кажется навек --

Что потерял я что-то этой ночью,

Что мечется во мне кочевья голос волчий,

Что неразрывно с далью связан человек.

1923-1924

ПЫЛЬ И ШЕЛКА БУХАРЫ

Скрипы арбы на извилистых улицах,
Стадо баранов под арбами крутится.

Пыль и шелка Бухары!

Крики мальчишек в чуплашках с корзинами,
Свиста погонщиков, вопли ослиные.

Пыль и шелка Бухары!

Втиснулись клином верблюды горбатые,
Сбоку идут каравано-вожатые.

Пыль и шелка Бухары!

Звоны пиал в чай-ханэ разливаются,
В пыль дым чилима спирально врывается.

Пыль и шелка Бухары!

Девушки с визгом кричат за дувалами,
В щели впиваются лица их алые.

Пыль и шелка Бухары!

А старые люди листают страницы,
И стих из Корана в губах шелестится.

Пыль и шелка Бухары!

1924

ЗЕНГИ-АТА

Кишлак-базар Зенги-ата
Спит в полденном зное.
Святой мазар Зенги-ата
Потонул в покое.

Священных птиц в Зенги-ата
Больше, чем в Каире.
И лучше роц Зенги-ата
Нет в подлунном мире.

Последняя среда

Изнежен тих Зенги-ата
Осколок Сагдианы.
Анашею Зенги-ата
Продымил чай-ханы.

Гнездится зикр в Зенги-ата
В круглом своде арок.
Смутный сон в Зенги-ата
Полдень жгуч и ярок.

1923

* * *

Кишлак камнями гор разбит на части...
В последней – отдых – чай-ханэ Назара.
Хозяину всегда светило счастье,
– Дорога шла к соседнему базару.

Стекало солнце лавою по глине крыш,
По золоту созревшего урюка,
А мысли шевелились, как сухой камыш,
И только пиала ложилась в руку.

Здесь настоящий отдых под мерный хруст,
Под хруст усталых лошадиных ртов.
И над циновками цветистый куст.
И чай прохожему всегда готов.

Курил чайханщик каждый вечер анашу,
Тогда казался мир ему чудесен,
С дутаром у порога под хрустящий шум
Он пел восторженно степные песни.

Луна с улыбкою качалась над Арыком,
А степь смеялась серебристым смехом,
Так ночь сплеталась с песней Чимбалыка
И голубела звонким эхом.

ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ

По солнцу и звездам, с звериной повадкой
К голому камню – голым плечем
Радость схватить мимоходом в охапку,
Крутость дорог мне всегда нипочем.

Дорога залегла от дней рождения
Морщинами раскрытых рук.
Не разгадать путей священных
Пути в предгорья, как волшебный круг.

Роня хруст в кузнечий стрекот,
Песок взлетал под тяжестью копыт.
А вечер плыл, как черный беркут,
Добычи кровью поливая пыль.

За подъемом всегда вьется дым очага
И всегда открывается новая даль.
Сколько верст я кругом отшагал,
Чтоб сравнить глаза и миндаль.

АННА АХМАТОВА (1889-1966)

* * *

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Всё так же льется Божья милость
С непререкаемых высот,

Всё те же хоры звезд и вод,
Всё так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

5 мая 1944

Последняя среда

* * *

Теперь я всех благодарю,
Рахмат и хайер говорю
И вам машу платком.
Рахмат, Айбек, рахмат, Чусты,
Рахмат, Тошкент! - прости, прости,
Мой тихий древний дом.
Рахмат и звездам и цветам,
И маленьким баранчукам
У черноколых матерей
На молодых руках...
Я восемьсот волшебных дней
Под синей чашею твоей,
Лапислазурной чашей
Тобой дышала, жгучий сад...

28 сентября 1945 Ленинград

ИЗ ЦИКЛА «ТАШКЕНТСКИЕ СТРАНИЦЫ»

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.

И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной, –
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.

То мог быть Стамбул или даже Багдад,
Но, увы! не Варшава, не Ленинград, –
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.

И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.

Азия

Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей-разлукой...

И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

1959

НИКОЛАЙ УШАКОВ (1899 – 1973)

ЖИВОПИСЕЦ

Над востоком прохлады ночная,
синих листьев безбрежный разлив.
Мчится пара, и пристяжная
скачет, голову наклонив.

Сквозь листву проступает сиянье,
освещен губернаторский дом,
и танцуют купцы и дворяне
за пылающим жарким окном.

Только шпор перебор,
только топот,
только музыка и говорок.
Сквозь деревья глядит на Европу
многоглазый, безмолвный Восток.

И художник мазурку танцует,
о художнике говорят,
замечательно он рисует
кровь на белых рубашках солдат.

1942,

Ташкент

ZOFIA

Выйдя из товарного вагона
в азиатской дальней стороне,
полька моисеева закона
написала «Zofia» на стене.

Я увидел синагоги Львова,
долгополых сюртуков квартал...
Азия в дожде была лилова,
дождик «Zofia, Zofia» лопотал.

Площадь вся под тучами лежала,
улыбалась, плакала во сне,
хлеб жевала, вшей в арык бросала
и читала «Zofia» на стене.

1943,

Ташкент

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ (1901-1957)

ПЕВЕЦ

У могилы Тимура, ночью,
сидели мы и курили,
Всеми порами тела
ощущая уход жары.
Плакали сычики,
хлопали мягкие крылья,
Как водяной ребенок,
во тьме лепетал арык.
Странник, никому не нужный,
тьма, отражение тени,
Поднимал к зеленому небу
зверячий голосок.

Деревянная сила усталости
скрипела в его коленях,
Между ступней и подошвой
потел путевой песок.
Века, положившие буквы
на камне и на бумаге,
От папиросных вспышек
отшатывались прочь.
Но глиняный мрак могилы
и медленный вой бродяги
Слитно пересекали
поистине мощную ночь.
Вот странник, привыкший рассказывать,
человек, владеющий песней,
Он ходит среди народа
и жалит, словно оса.
Сердце его покрыто
старой могильной плесенью,
Которая в полночь рождает
винтовки и чудеса.
Тень, отражение тени,
ноет в бездумье хмуром,
Широкую рвань халата
раскачивая без конца.
Требуя справедливости
и помощи у Тимура,
Мясника позабытых народов,
хромонового мертвеца.
Большие старые звезды
сединой осыпали купол.
Месяц застыл в полете,
мир начинал светать.
Вой оборвался кашлем,
и ночь опустила скупое
Легкий ветер нагорий,
настоянный на цветах.

Тут ничего не поделаешь –
старик уже вызвал бога.
Он движется толчками,
от ярости чумовой.
Он будет петь о восстаньях,
безжалостный и убогий.
Он где-нибудь попадетсЯ,
и мы расстреляем его.

1929

ПУСТЫНЯ И Я

Третий день
Мне в лицо,
Задыхаясь,
Дышала пустыня.
Солнце шло за луной.
Это были
Пустые шары.
Пустота громоздилась.
Предметы казались простыми.
Шли гуськом караваны
В Герат
И Мазар-и-Шариф.

Человек понимает
Что надо
Когда-нибудь
Сдохнуть.
А верблюды привыкли:
Ведь надо же
Что-то нести.
Человек нагружает
Верблюжки горбины
И лохмы,
А верблюды качаются,
Как человеческий стих.

Даже ястреб устал
И твердит
Байроническим тучам:
«Отчего мне так трудно
Летать
На просторе пустом?
Снизу
Я интересен, –
Такой отщепенец вертучий.
Сверху
Мне интересен
Паршивый сурок за кустом.

Я не ястреб, конечно,
Но стану печальным
Отныне:
Великански велик
Этот мир
Человеческих дум.
Шум людского песка,
Вековечная слава
Пустыни,
Слава рыжих валов,
Пожиратель культур
Кара-Кум.

Я не ястреб, конечно,
Но что-то такое
Замечал иногда,
Отражаясь
В больших зеркалах.
Доктор
Мне прописал
Лошадиную дозу покоя.
Есть покой,
Есть и лошадь,
А дозу укажет аллах.

Последняя среда

Я, пустыня и солнце...
Остаемся:
Мы вечные –
Трое.
Остальное,
До жизни включительно, -
Вдалеке.
Запевают ветра,
Происходит рождение героя.
Я приветствую череп,
Лежащий
На древнем песке.

Человек! – говорю я. –
Братишка!
Поэт!
Архитектор!
Инженер Сассанидов!
Юрист тамерлановых орд.
Абсолютно белея,
Принимаешь ты
Солнечный нектар,
А когда-то под солнцем
Был черен,
Прожорлив и горд.

Где арыки твои,
Города твои,
Стены твои
И бойницы,
Водоемы твои,
Инженер?
Все покрыли пески.
И классически грустная птица
На развалинах
Делает сцену
Пернатой жене.

Так и мы, –
Я сказал
И хотел удалиться
В барханы,
Чтобы чашу сомнений
Испить
До последнего дна,
Чтобы сделаться путником
Или пустынным ханом,
Чтобы ночь,
Одиночество
И луна.

Но почтенные путники
Путешествуют
В третьем классе
С тайной мыслью –
Поменьше вниманья
На себя обратить.
А последнего хана
Я видел недавно в сберкассе –
Он слюнявил бумажки
И ругался
На бюрократизм.

Это все только
Присказка.
Сказка
Стоит и хохочет.
Уважаемый доктор!
Покой –
Это не в духе моем.
Романтический ястреб,
Смотри на сурковые кочки!
И последний из ханов,
Подписывайся
На заем!

Последняя среда

Светоносный закат
Похож
На гигантскую карту,
Очертанья морей
Плывут
В неземной тишине.
На земле
Полыхают костры
Изыскательских партий,
На земле
Распивает чай
Водяной инженер.

Час закатной звезды.
Пески
Багровеют и стынут.
Миллиарды песчинок
Звенят,
Осыпая Узбой.
Мы один еще раз
Нападем на тебя,
Пустыня.
Это будет
Последний
Песчаный бой.

Мы пойдем на тебя,
И лопаты
Заблещут от злости,
Хлынут травы
И листья
Зеленой ордой.
Ты начнешь
Отступать,
Огрызаясь
Камнями и костью
Погребенных племен
И вымерших городов.

Азия

А когда через Азию
Руки протянут
Народы,
Боевыми клинками
Границы срубив, -
Зелень двинется
Дальше,
Каналами ринутся воды
И пойдут,
Клокоча,
На Герат
И Мазар-и-Шариф.

(1931)

ЗМЕЕВИК

Если б я в бога веровал
И верой горел, как свеча,
На развалинах древнего Мерва
Я сидел бы
И молчал.

Я сидел бы до страшной поверки,
Я бы видел в каждом глазу
Невероятную синеву
Сверху,
Невероятную желтизну
Внизу.

Я, как змей, завился бы от жара,
Стал бы проволочно худым,
Над моей головой дрожали бы
Нимбы, ромбы,
Пламя и дым.

Последняя среда

Хорошо быть мудрым и добрым,
Объективно играть на флейте,
Чтоб ползли к тебе пустынные кобры
С лицами
Конрада Фейдта.

Это милые рисунчатые звери,
Они танцуют спиральные танцы.
Вот что значит твердая вера –
Преимущество
Магометанства.

Я взволнован, и сведения эти
Сообщаю, почти уверовав:
Я сегодня дервиша встретил
На развалинах
Древнего Мерва.

Он сидел, обнимая необъятное,
Тишиной пустыни объятый.
На халате его, халате ватном,
Было все до ниточки
Свято.

О, не трогайте его, большевики,
Пожалейте
Худобу тысячелетней шеи!
Старый шейх играет на флейте,
И к нему приползают
Змеи.

Они качаются перед ним,
Как перед нами
Качается шнур занавески.
Песня свистит, как пламя,
То шуршаще,
То более резко.

Азия

А потом эти змеи дуреют,
Как на длинном заседаньи
Месткома.
Они улыбаются всё добрее,
Трагической флейтой
Влекомые.

А потом эти змеи валяются,
Пьяные, как совы.
Вся вселенная стала для них вальсом
На мотив
Загранично-новый.

Но старик поднимает палку,
Палку,—
Понимаешь ли ты?
Он, как бог,
Сердито помалкивая,
Расшибает им в доску
Хребты.

И, вздымая грудную клетку,
Потому что охрип
И устал,
Измеряет змей на рулетке
От головы
До хвоста.

Он сидит на змеином морге,
Старичина,
Древний, как смерть,
И готовит шкурки
Госторгу,
По полтиннику
Погонный метр.

<1931>

ВОСТОК

С первым ветром весны
торопись
на восток,
Где качается мак –
огнекрылый цветок.
Трактористы
костёр зажигают в ночи,
Кличут в тихих ущельях
седые сычи.
Будет узок твой путь
иль, как море, широк –
С первым ветром весны
торопись
на восток!

Там
парным молоком
закипают сады,
Там
на глине засохшей
овечьи следы,
Там
в пустынях пески,
по степям ковыли,
Дух неведомых странствий
встаёт от земли,
Синий месяц звенит,
как бухарский клинок.
С первым ветром весны
торопись
на восток!

Там
в дощатых домах
новосёлы живут,

Ходят ходики
мерной дорогой минут,
Там
в снегах забелел
великан перевал,
В дикой пропасти лунной
заплакал шакал,
И далёко в степи
говорит огонёк:
С первым ветром весны
торопись
на восток!

Торопись, торопись,
жизнь одна ведь дана –
Нужно жизни кувшин
жадно выпить до дна,
В нём по капле
от каждой реки
и ключа,
А бессмертная жажда,
как степь,
горяча.
Дальше, дальше спеши,
словно горный поток.
С первым ветром весны
торопись
на восток!

Там
великих хребтов
заревая стена,
Там
такая стоит
поутру тишина,
Что гудит,
как струна,
по дороге ветров

Последняя среда

Рокотанье
 далёких степных тракторов,
Поднимает пшеница
 зелёный росток.
С первым ветром весны
 торопись
 на восток!

Там
 сидят на кошме
 вечерами друзья,
Шёпот листьев услышат они –
 это я,
Это я
 тихой фарой в горах промелькнул,
Это я –
 по ущелью катящийся гул.
Ведь не зря
 я давал нерушимый зарок
С первым ветром весны
 прилетать
 на восток!

В тёплой трепетной дрёме
 шумят тополя,
Дышат чёрной истомой
 немые поля.
Ветер тронул огни
 и уносится прочь,
И засеяна звёздами
 чёрная ночь.
Бьёт крылами
 неопытный мотылёк.
С первым ветром весны
 торопись
 на восток!

Азия

С первым ветром весны
торопись
на восток,
Где в могучих стволах
бродит сказочный сок,
Где красавица полночь
идёт по степи,
Чтобы плечи твои
для объятий найти.
Помни:
людям даны –
путь, надежда и срок,
С первым ветром весны
торопись
на восток!

2 мая 1956 г.

СЕРГЕЙ МАРКОВ (1906-1979)

* * *

Пахучей краской свеже блещет борт,
Мешки с зерном и пыльны и дородны...
И вновь идут взглянуть на пароход
Стыдливые степные Джиоконды.

У каждой в легком трепете рука,
И взгляды каждой томны и глубоки,
Готовы разорвать цветной узор платка
Кудрей их непокорные потоки.

Спит городок в тени кривых углов.
Пустырь – зазеленевшая монета,
Глухая медь немых колоколов
И зори канареечного цвета.

Последняя среда

И понапрасну ночью дождик лил
И сделал почву черною и зыбкой.
Как хорошо – пойти бы от перил
В погоне за смущеньем и улыбкой!

Разливы канареечной зари,
И зори гор между собой не сходны,
Сейчас отнимут, скроют пустыри
Последнюю улыбку Джиоконды.

1926

* * *

Если голубая стрекоза
На твои опустится глаза,
Крыльями заденет о ресницы,
В сладком сне едва ли вздрогнешь ты.
Скоро на зеленые кусты
Сядут надоедливые птицы.

Из Китая прилетит удад,
Болтовню пустую заведет,
Наклоня красноватый гребень.
Солнце выйдет из-за белых туч,
И, увидев первый теплый луч,
Скорпион забьется в серый щебень.

Спишь и спишь... А солнце горячо
Пригревает круглое плечо,
А в долине горная прохлада.
Ровно дышат теплые уста.
Пусть приснится: наша жизнь чиста
И крепка, как ветка винограда!

Пусть приснятся яркие поля,
глыбы розового хрусталя
На венцах угрюмого Тянь-Шаня!

Азия

Дни проходят, словно облака,
И поют, как горная река,
И светлы свершенные желанья.

Тает лед ущелий голубой.
Мир исполнен радостного смысла.
Долго ль будет виться над тобой
Бирюзовой легкою судьбой
Стрекозы живое коромысло?

1933

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ (1909-1937)

* * *

Затерян след в степи солончаковой,
Но приглядишься – на шее скакуна
В тугой и тонкой кладнице шевровой
Старинные зашиты письма.

Звенит печаль под острою подковой,
Резьба стремян узорна и темна...
Здесь над тобой в пыли многовековой
Поднимется курганная луна.

Просторен бег гнедого иноходца,
Прислушайся! Как мерно сердце бьется
Степной страны, раскинувшейся тут,

Как облака тяжелые плывут
Над пестрою юртою у колодца.
Кричит верблюд. И кони воду пьют.

1929(?)

АЗИАТ

Ты смотришь здесь совсем чужим,
Недаром бровь тугую супишь.
Ни за какой большой калым
Ты этой женщины не купишь.
Хоть волос русый у меня,
Но мы с тобой во многом схожи:
Во весь опор пустив коня,
Схватить земли смогу я тоже.
Я рос среди твоих степей,
И я, как ты, такой же гибкий.
Но не для нас цветут у ней
В губах подкрашенных улыбки.
Вот погоди, – другой придет,
Он знает разные манеры
И вместе с нею осмеет
Степных угрюмых кавалеров.
И этот узел кос тугой
Сегодня ж, может быть, под вечер
Не ты, не я, а тот, другой
Распустит бережно на плечи.
Встаешь, глазами засверкав,
Дрожа от близости добычи.
И вижу я, как свой аркан
У пояса напрасно ищешь.
Здесь люди чтут иной закон
И счастье ловят не арканом!

.....
По гривам ветреных песков
Пройдут на север караваны.
Над пестрою кошмой степей
Заря поднимет бубен алый.
Где ветер плещет гибким телом,
Мы оседлаем лошадей.
Дорога гулко зазвенит,

Азия

Горячий воздух в ноздри хлынет,
Спокойно лягут у копыт
Пахучие поля полыни.
И там, в предгорий Алтая,
Мы будем гости в самый раз.
Степная девушка простая
В родном ауле встретит нас.
И в час, когда падут туманы
Широкрылой стаей вниз,
Мы будем пить густой и пьяный
В мешках бушующий кумыс

1934

из цикла «СТИХИ МУХАНА БАШМЕТОВА»

8

ВОСПОМИНАНИЕ О РУССКОЙ

Ты длинна, как солнца луч в амбаре,
Где лежат горячие хлеба...
Пыльные, цветастые татаре
Бьют в барыш в ладони на базаре...
В честь твою, Ирина, в Атбасаре
Начинались пляски и пальба.

Оттого ль, как рыжая лисица,
Ночью память грудь мою грызет.
Ты – крылата, коршуна сестрица.
Ты длинна, длинней полета птицы,
И горька. Горька, как дикий мед.

Оттого ль средь гульбищ сабантуя
Я один от кумыса не пьян.
Я с разлукой спорю, я ревную,
Я ношу занозу золотую
В самом сердце горестном, Мухан.

1931 – 1934

БАХЧА ПОД СЕМИПАЛАТИНСКОМ

Змеи щурят глаза на песке перегретом,
Тополя опадают. Но в травах густых
Тяжело поднимаются жарким рассветом
Перезревшие солнца обветренных тыкв.
В них накопленной силы таится обуза –
Плодородьем добротным покой нагружен,
И изранено спелое сердце арбуза
Беспощадным и острым казацким ножом.
Здесь гортанная песня к закату нахлынет,
Чтоб смолкающей бабочкой биться в ушах,
И мешается запах последней полыни
С терпким запахом меда в горбатых ковшах.
Третий день беркута уплывают в туманы,
И степные кибитки летят, грохоча.
Перехлестнута звонкою лентой бурьяна,
Первобытною силой взбухает бахча.
Соляною корою примяты равнины,
Но в подсолнухи вытканый пестрый ковер,
Засияв, расстелила в степях Украина
У глухих берегов пересохших озер!
Наклонись и прислушайся к дальним подковам
Посмотри – как распластано небо пустынь...
Отогрета ладонь в шалаше камышовом
Золотою корою веснушчатых дынь.
Опускается вечер.
И видно отсюда,
Как у древних колодцев блестят валуны
И, глазами сверкая, вздымают верблюды
Одичавшие морды до самой луны.

1929 (?)

СЕМЕН ЛИПКИН (1911-2003)

НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Бьется бабочка в горле кумгана,
Спит на жердочке беркут седой,
И глядит на них Зигмунд Сметана,
Элегантный варшавский портной.

Издаেকে занес его случай,
А другие исчезли в золе,
Там, за проволокою колючей,
И теперь он один на земле.

В мастерскую, кружась над саманом,
Залетает листок невзначай.
Над горами – туман. За туманом –
Вы подумайте только – Китай!

В этот час появляются люди:
Коновод на кобылке Сафо,
И семейство верхом на верблюде,
И в вельветовой куртке райфо.

День в пыли исчезает, как всадник,
Овцы тихо вбегают в закут.
Зябко прячет листы виноградник,
И опресноки в юрте пекут.

Точно так их пекли в Галилее,
Под навесом, вечерней порой...
И стоит с сантиметром на шее
Элегантный варшавский портной.

Не соринка в глазу, не слезинка, –
Это жжет его мертвым огнем,
Это ставшая прахом Треблинка
Жгучий пепел оставила в нем.

1948

САМАРКАНДИЯ

АЛЬБЕР КАМЮ

ФРАГМЕНТЫ ЭССЕ «ЛЕТО В АЛЖИРЕ»

(1938)

Любовь, которая тебя соединяет с городом, чаще всего тайная. Такие города, как Париж, Прага, даже Флоренция, замкнуты в себе и тем самым ограничивают свой мир. Но Алжир – и другие счастливые города-избранники на морских берегах – открываются небу, словно рот или рана. В Алжире можно полюбить то, что видно всем: море за поворотом каждой улицы, тяжесть солнечных лучей, красоту жителей. И, как всегда, в этой бесстыдной открытости есть еще иной, тайный аромат. В Париже можно затосковать по простору и взмахам крыльев. Здесь, по крайней мере, человек одарен с избытком, все его желания исполнимы и он может измерить свои богатства. Конечно же, надо долго жить в Алжире, чтобы понять, что чрезмерное обилие даров природы может иссушить душу. Ничто здесь не рождает желания больше знать, учиться, становиться лучше. Эта страна не преподает никаких уроков. Она ничего не обещает и не предвещает. Она только дает, но дает щедро. Она вся распахнута перед глазами, и ее узнаешь сразу, с первого же восхищенного взгляда. От ее наслаждений нет лекарства, и ее радости не пробуждают надежды. Ей необходимы ясновидцы, иными словами – безутешные души. Ей нужны бы подвиги во имя ясности разума, как всходят на костер во имя веры. Необыкновенная страна, она дает пищу равно и блеску, и нищете человеческой! Не удивительно, что чувственные богатства, какими наделен здесь каждый восприимчивый человек, сочетаются с крайним убожеством. Во всякой истине есть своя горечь. Так надо ли удивляться, если мне дороже всего облик этой страны, когда меня окружают последние бедняки? В этом краю, пока человек молод, он наслаждается жизнью в меру своей красоты. А потом – угасание и забвение. Люди делали ставку на свое тело и знали, что неминуемо проиграют. Для того, кто молод и полон жизни, в Алжире везде приют, во всем повод для торжества: залив, солнце, игра красного и белого на обращенных к

морю террасах, цветы и стадионы, девушки со стройными ногами. Но тому, чья молодость прошла, не на что опереться, и печали негде укрыться от себя. Есть на свете места, где человек может бежать от своей человеческой природы и тихо и мирно избавиться от самого себя – можно, к примеру, найти прибежище на террасах Италии, в монастырях Европы или любоваться холмами Прованса. А здесь, в Алжире, все требует одиночества и молодой крови. Гёте, умирая, воскликнул: «Света!» – и его последнее слово вошло в историю. А в Белькуре и в Баб-эль-Уэде старики сидят в кофейне и слушают хвастливые речи молодых людей с прилизанными волосами. Так алжирское лето раскрывает перед нами начала и концы человеческих судеб. В летние месяцы все, кто может, покидают город. Но остаются бедняки, и остается небо. Вместе с бедняками мы спускаемся к порту, здесь ждут сокровища: теплое море, смуглые женские тела. А вечером, насытившись этими богатствами, бедняки возвращаются к столу, покрытому клеенкой, и к керосиновой лампе – другого убранства в их жизни нет.

.....

Краткие мгновения, когда день опрокидывается в ночь... надо ли населять их тайными знаками и зовами, чтобы так нераздельно для меня с ними слился Алжир? Стоит недолго побыть вдали от здешних мест, и в этих сумерках мне чудится обещание счастья. По склонам холмов над городом, среди олив и мастиковых деревьев, вьются дороги. Вот куда возвращается мое сердце. Я вижу, как там черными снопами взмываются на зеленом небосклоне птичьи стаи. Небо, где вдруг не стало солнца, словно вздохнуло с облегчением. Стайки алых облачков редуют и понемногу тают. Почти тотчас же проглядывает первая звезда, видно, как она возникает и крепнет в толще небес. И внезапно все поглощает ночь. Что же в них неповторимого, в этих мимолетных алжирских вечерах, отчего они так много во мне пробуждают? От них на губах остается сладость, но не успеешь ею пресытиться, как она уже исчезла в ночи. Быть может, оттого-то она и не забывается? Этот край таит в себе такую волнующую, такую неуловимую нежность! Но когда на миг она открывается, сердце отдается ей безраздельно.

.....

Быть может, признак молодости – всепобеждающее стремление к легким радостям. Но еще того больше – торопливая, едва ли не расточительная, жадность к жизни. В Белькуре, как и в Баб-эль-Уэде, женятся совсем молодыми. Работать начинают очень рано и за десяток лет исчерпывают опыт целой жизни. К тридцати годам для рабочего игра уже сыграна. Подле жены и детей ему остается только ждать конца. Все его радости были коротки и безжалостны. Такова и вся его жизнь. И тогда становится понятным, что он рожден страной, где человеку все дается ненадолго. Среди этой щедрости и изобилия жизнь проносится в сильных страстях – внезапных, захватывающих, безоглядных.

.....

Я понимаю, нет счастья вне и выше человека, нет вечности вне отпущенного нам круга дней. Меня волнуют лишь эти ничтожные и несомненные блага, лишь эти относительные истины. А другие, «идеальные», мне непонятны, на них у меня не хватает души. Не в том дело, что нужно уподобиться животному, но в счастье ангелов я не вижу смысла. Знаю только, что небо останется, когда меня уже не будет. Так что же называть вечностью, если не то, что меня переживет? Я вовсе не хочу сказать, будто смертный доволен своей участью. Нет, это совсем другое. Не всегда легко быть человеком, еще трудней быть душевно чистым. Но быть чистым – значит обрести родину души, где тебе сродни все мирозданье и удары сердца слиты с неистовым дыханьем послеполуденного солнца. Старая истина: что значит родина, постигаешь в тот час, когда ее теряешь. Для тех, кто склонен к самоистязанию, родная страна – та, что их отрицает. Не хочу быть грубым, и пусть не подумают, что я преувеличиваю. Но, в конце концов, в этой жизни меня отрицает прежде всего то, что убивает. Все, что наполняет жизнь восторгом, в то же время делает ее еще абсурдней, бессмысленней. И алжирское лето заставляет меня понять: только одно еще трагичней страдания – это жизнь счастливого человека. Но, быть может, это еще и путь к жизни более значительной, ибо тут учишься не плутовать.

В самом деле, многие прикрываются любовью к жизни, чтобы избежать просто любви. Гонятся за наслаждениями и стараются «побольше испытать». Но это все умствования. Чтобы наслаждаться, нужно редкостное призвание. Человек существует, не опираясь на жизнь духа с ее приливами и отливами, приносящими и одиночество, и полноту. Когда смотришь на обитателей Белькура – как они работают, защищают своих жен и детей, и подчас кажется, их не в чем упрекнуть, – право же, можно втайне устыдиться. Нет, конечно, я не тешу себя иллюзиями. В жизни этих людей любви немного. Вернее сказать, ее немного остается. Но, по крайней мере, они ни от чего не увиливали. Есть слова, которых я никогда толком не понимал, например – грех. И, однако, я уверен: эти люди не грешны перед жизнью. Ибо, уж если что и грешно, то не отчаиваться в этой жизни, а возлагать надежды на жизнь загробную и уклоняться от безжалостного величия здешнего, земного бытия. Эти люди не плутовали. В двадцать лет жажда жизни делала их богами лета, и теперь, лишённые всех надежд, они остаются прежними. Я видел, как умирали двое из них. Они были полны ужаса, но молчали. Так лучше. Из ящика Пандоры, где скрывались все злосчастья человечества, древние греки последней выпустили надежду как самую грозную из казней. Я не знаю символа более потрясающего. Ибо наперекор тому, что принято думать, надежда – это покорность. А жить – значит не покоряться. Вот хотя бы один суровый урок, который дают летние дни в Алжире. Но погода меняется, лето уже на исходе. После такого буйства и пыла, первые сентябрьские дожди – словно первые слезы освобожденной земли, как будто за несколько дней весь этот край растворился в нежности. И, однако, в эту же пору над всей страной разливается любовный аромат цветущих рожковых деревьев. По вечерам или после дождя чрево земли еще влажно от семени, что пахнет горьким миндалем, все долгое лето она отдавалась солнцу и теперь отдыхает. И снова этим ароматом освящен брачный союз человека и земли, и в нас пробуждается единственная в этом мире подлинно мужественная любовь – преходящая и щедрая.

Перевела с французского Нора Галь

К.С. ПЕТРОВ-ВОДКИН

САМАРКАНДИЯ

Из путевых набросков 1921 года

Долгое время по приезде в Самарканд впечатления от окружающего были сумбурны.

Впечатления, накопившиеся за дорогу, еще не изгладились: самарская холера, голод, полувывсохшая Волга, безлюдная, как никогда; остатки войны Оренбургского фронта; повышающееся действие пустыни с неожиданным Аральским морем. Пустыня, киргизы, юрты; Ташкент с былым величием его бульваров; Салар-река, купанье в которой можно сравнить только с Арагвой, и, наконец, Самарканд.

Туземный город с копошащимся базаром и лавочками, несвязность памятников с этой жизнью – все это до тех пор не укладывалось в одно стройное целое, пока моя белая комната, зияющая дырами в потолок и на улицу, не начала заполняться этюдами и мои ручные мышата, разгуливая между ног моих и мольберта, почувствовали себя хозяевами винограда и орехов, которыми мы лакомились вместе. Комната была над каузом мечети.

Утро начиналось купаньем из кауза или, пересекая узенькие проулочки, спускался я к Серебряному роднику – лечебному роднику сартов, свежесть которого на добрую половину дня делала меня бодрым.

Раннее утро после такого купанья.

В пекарне о гончарное брюхо печки шлепались узорные хлеба – «лапошки». Чайхана дымила самоваром. У стен Регистана чернело и зеленело виноградом, жужжали люди.

Площадь Регистана меня мало тронула, очень знакомыми показались мне Улугбек и Ширдор. Особенно покачнувшиеся минареты на привязях, имитируя неустойчивость Пизанской башни, внушали мне скорее сожаление, чем удовольствие. Но когда эта официальная архитектура в один из праздников наполнилась тысячами правоверных – цветные ткани и ритмические волны молящихся сделали площадь неузнаваемой: заговорила геоме-

трическая майолика отвесов стен, углубились ниши и своды – на массовые действия рассчитанная, площадь себя оправдала.

В большей мере с площадью Регистана связаны для меня впечатления фруктовые.

На протяжении лета меняются натюрморты. Урюк и абрикосы, нежные персики, перебиваемые вишнями.

Понемногу тут и там вспыхнут первые гроздья винограда. Впоследствии виноград засиляет все; самых разных нюансов и форм, он царит долго и настойчиво, пока не ворвутся в него кругляши дыней и арбузов и, наконец, заключительный аккорд золотых винных ягод заполнит лотки и корзины. В лавочках кишмишовый изюм разыграется янтарем к этому времени. Среди всего этого пшеничный цвет узорных, хрустящих по наколам, лепешек.

Биби-Ханым приналегла на меня своими бегемотскими глыбами, – ее страшный силуэт я оценил лишь потом извне города: как члены не улегшегося в долину чудовища, торчат они над Самаркандом.

Гробница Тимура веет надуманным холодком дворцового зодчества.

Вот Шахи-Зинда, та сразу, как только вынырнули ее купола в прорезах священной рощи, – она стала моей любимицей. Шахи-Зиндой я понял человеческое творчество Самаркандии, как высотами Чупан-аты понял работу Тянь-Шаньских ледников и Зеравшана, источивших котловину междугория и сбросивших в дыру пыли гордыню Биби-Ханым.

Не обращающий на себя особого внимания портал Абдул-Азиса вводит в сказку лабиринта Шахи-Зинды.

Сотни ступеней подымают к гробнице Кусам-ибн-Аббаса, к таинственному колодцу, на дне которого находится чудесный город великолепнее Самарканда, где сад, подобный оживленной персидской миниатюре, в котором и доселе живет в ожидании вселенской победы ислама Кусам-Зинда, двоюродный брат Магомета. Зброшенный борьбою за Коран с песком Аравии к Зеравшану, здесь и погиб он под наплывом монголов.

От Абдул-Азиса до Шейх-Ахмета-Мистика, стеной которого кончается мавзолей, развертывается картина майолики Востока.

Первое ударное пятно в изумруде, перебиваемом глухим ультрамарином мавзолеев Туркан-аки и Бек-аки, образующих коридор рефлектирующих друг на друга цветистостей. Переливы цвета в тончайших узорах орнаментики, кончающихся сталактитами, спорят с вечерним небом и не сдаются небу чистотой и звучностью гаммы.

За Туркан-акой остатки мавзолея, в котором начинаются желтые оттенки с бирюзой и синим.

Дальше пустынный лабиринт, замкнутый молчаливыми стенами до дерева Шахи-Зинды, распластавшегося над сводами гробницы, прорывшего корнями и стену, и грунт.

Рассказывают: спасаясь бегством после окончательного поражения, Кусам-ибн-Аббас жестом отчаяния втыкает рукоятку нагайки в землю – рукоятка пустила корни и разрослась в дерево над могилою своего владельца... Всеведущий самаркандиолог Вяткин сам удивлен породю этого дерева, не встречаемого в Самаркандии.

Отсюда заключительная цветовая поэма. Здесь ясный ультрамарин, в нем разыгрались до полной звучности золотые, желтые и зелено-бархатные вариации. Их пронизывает скромными жилками откровение Востока – бирюза.

Эти солнечные стихи, втиснутые в непоколебимые узоры и линии, переплетаются вширь и ввысь.

Здесь магометанки юркают в темные своды гробницы.

Здесь, развалившийся на подушках, угощает нас зеленым чаем Мулла-Лисица. В нише на циновке татарин Галей, многознающий Галей из Казани. Задняя стена Ахмеда-Мистика китайской рельефной майоликой заканчивает лабиринт. Налево лесенка в низкую дверь наружу на кладбище Афра-сиаба

Здесь начало другой Самаркандии: снега Тянь-Шаня, высоты Чупан-аты, хребет Агалыка видны отсюда.

Любил я в неурочное время прийти на Шахи-Зинду. Галей спал. Друг Галей, он так просто очеловечивал Аллаха. Он имел на то право: одиннадцать лет и долгих зим с ревматическими сквозняками и лихорадками Зинды изучал он Коран и рычание внутренностями во славу Единого. И был Галей неузнаваем в кануны пятниц на шиитских действиях – он растворялся в низах

животной стихии – это была сфера до дремлющего растения, до спящего минерала. В этом было нечто мудреное, и Галей многого не говорил из того, что он знал...

Небо загоралось звездами. У гробницы Зинды слабо светились верхние окна. В ковре утопала босая нога.

Запоздалая мышь зашуршит листьями Корана

Я спускаюсь в подземную молельню, где жуть времени рассказывает об ушедших, идущих и сменяемых поколениях...

Древние люди умели сосредоточиваться над вещами и строить из них любые формы.

* * *

По воскресеньям приглашали сарты в кишлаки, где они проводят летние месяцы.

Праздники у самаркандцев часты и по любому поводу.

Не считая общественных, много праздников семейных. Да и в работе праздник необходим: пиала чаю, затяжка чилима для доброй беседы антрактируют их занятия. В этом вообще типичность всяческого Востока: жизнь – самое главное, формы жизни бесконечно разнообразны – лучшая из них в осознании этих форм, в пребывании самому в бесформии. Отсюда добродушно-хитрая улыбка восточного человека на европейца, изобретающего новые и новые формы и не исчерпывающего, в сущности, ни одной из них до конца.

Из семейных праздников изящны праздники свадебные и трогательны – детские.

Первенец отмечается и прической, и халатом. Бараны и пуды риса, пение и танцы для сотни приглашенных сопутствуют в течение нескольких дней его рождению.

На обрезание тот же праздник. Чинно усевшиеся вдоль кауза муллы открывают многодневный пир...

Воскресное утро. Свежеполитые улочки. За городом веселая пыльная дорога между садами.

Из аулов едут на базар. Ослы, лошади, нагруженные курами, фруктами, дровами. Арбы скрипят скошенными колесами по ухабам.

Последняя среда

В разлившихся арыках купаются ребятишки. Кутаются в бурнусы женщины, тайком выглядывающие из-под волосяных чадр, кокетливо дающие знать о их молодости холеной ручкой, унизированной перстнями.

В обычное время сияющий белизной хозяин встречает вас под тенью карагачей.

Ковры и подушки драгоценят темную листву, отражаются в зеркале водоема. Душистый чай и лучшие фрукты сада начинают трапезу.

Старший сын угощает кальяном.

Дремотный отдых с пилавом и беседою о том, что было: откуда пошли узбеки и таджики, как делается кишмиш, когда посажено гранатовое дерево – засыпаешь под журчание слов и арыка.

Солнце обойдет водоем; переключают ковры и подушки; настанет вечер.

Ласковые приветствия и возвращение в город по улегшейся пыли садовых проулков.

Впереди засветятся огоньки чайханов. Послышится гортанная речь и бречанье двуструнки.

На Регистанской свистит флейта и рокошет барабан заезжего цирка. Воняет шашлыком и пряностями.

Изъеденный с головы до пяток ночными москитами, я хожу ночевать на крышу у тубетеечного базара.

На крышах особый город: здесь проводят вечера и ночи.

Крышами женщины ходят в гости друг к другу.

Сверху не видно улиц. Заросшие травой и маком, здесь свои улицы и площади.

Хотя бы и слабый ветерок отгоняет не видимых глазом насекомых.

Хорошо раздуваются легкие: кажется, из глубины неба накачивает их воздух.

Звезды, звезды!

Кучами, отдельностями, величиною по грецкому ореху каждая, полощат они ночное небо.

Полярная низко у горизонта.

Вспоминается Африка: там Полярная была еще ниже. Собираются все мысли за день, за год, за всю жизнь – чего-то не хватает.

Кругом красота, полный мир... Нехватка внутри себя: не полные, не четкие восприятия и отображения не полны и смутны.

Пространственность еще только мерещится. В ней переломы и культуры, и самого облика человеческого, но как труден путь к ней – окован в трехмерии кубизма аппарат мой...

Край солнца выходит из-за Рухабада, зажигая майолику Ширдора.

На крышах подымались жены, дети, мужья. Потягивались в розовом сиянии сартянки. Снизу зажужжало весенним ульем. Новый день, новые поиски.

Внизу под аркадами древнего рынка раскладывались тюбейки. Стучали кузницы. Кричали о лепешках разносчики.

От Биби-Ханым надвигался караван верблюдов. Гордые морды, лебединые шеи и мудрые, мудрые глаза.

Вот последняя раса, недаром защитились они умершей почвой – цветом пустыни.

Ослы шныряют толпой.

Эти приноровились. Глаза бездумные.

– Лишнего не сделаю, хозяин, как ни горячись. Проковыряешь дыру на челке – тебе же хуже... Важничать, брат, нечем: судьба! Повернись она иначе, быть бы и мне хозяином и ковырять бы на тебе спину... Естественный подбор, брат, да...

Болтаются уши. Все для него знакомо. Ничего нет на земле особенного, и ослик толкает тюками прохожих, получает тумачи, прошныривая толпою базарников.

Садык разложил четыре халата, катушки ниток. В одной руке его роза, другой держит пиалу горячего чаю.

– Салам, товарищи! Как поживают?

– Здравствуй, здравствуй, Садык... Пора за город – к Чупан-ате.

* * *

Одна из дорог к высотам Чупан-аты ведет через Афра-сиаб – развалины древнего Самарканда.

Минуя кладбище, спускаешься на большую дорогу. Минуя каменный мост Сиаба, попадаешь в пригородную деревеньку, в конце которой кривой чайханщик останавливает поболтать,

предложить за добрую советскую цену винограда, и, наконец, вырываешься в пустыню.

Холмы отлого начинаются за деревенькой. Полузабытые сады. Одинокие ореховые деревья.

Две дороги окружают высоты, и обе сходятся у зеравшанской Арки.

Как ручейки, по каменистым гудам вьются тропинки – все они стягиваются к Чупан-ате, Отцу пастухов, легендарному герою, защищающему Самарканд от разлития Зеравшана.

Верстах в восьми на одной из выдающихся шапок возвышенности стоит мавзолей – мечеть Чупан-ата.

Возвышенность защищает, как искусственная насыпь, низменность от прорыва реки.

– Когда очень прогневаем Аллаха, горы и камни потеряют сцепку свою – все ворота для огня и воды откроются, – сказывал мне Галей.

И что бы было, если бы Зеравшан проточил высоты, – черный ил оказался бы на месте Самарканда.

Но скала прочная, объединенная бурным потоком, она отшлифовала пласты своих залежей в кремниевые плиты.

Древние отвели бушующий Зеравшан в параллельный ему арык Кара-Су.

Кара-Су питает рисовые поля, в Кара-Су любящая более спокойные воды рыба.

Памятник Чупан-ата для меня исключительный пример связи рельефа почвы с архитектурой.

Мыши и серые змеи – обитатели этой мечетки.

По обетам чьи-то руки наполняют сосуды с водой в углу мечети. У гробницы обычный стяг из конского волоса с навязанными ленточками тканей от болящих и просящих паломников, как в Италии в часовенках Св. Девы.

Отсюда предо мной вся Самаркандия.

К юго-западу едва видна Биби-Ханым. Налево цепь гор, возвышающихся до вечных снегов. На восток за рекой Ворота Самарканда, где проходит железная дорога. На севере до без конца уходит Зеравшан, расплываясь бесчисленными рукавами с хребтами черного ила.

Влево, от Зеравшана до Зеравшана, Самаркандия. Серебряно-зеленые градации, как в плоской чаше. Где-то там, в Бухаре, сливается ее далекий край с небом.

Небо я видел во все часы суток.

Днем оно невероятных разливов, от нежностей горизонта до дыры, зияющей в звезды на зените.

От окружения солнца оно имеет еще новые разливы до противостоящей солнцу точки.

Этот переплет ультрамарина, сапфира, кобальта огнит почву, скалы, делая ничтожной зеленцу растительности, вконец осеребряя ее, — получается географический колорит страны в этих двух антиподах неба и почвы. Это и дает в Самаркандии ощущение зноя, жара, огня под чашей неба.

Человеку жутко между этими цветовыми полюсами, и восточное творчество разрешило аккорд, создав только здесь и существующий колорит бирюзы.

Он дополнительный с точностью к огню почвы, и он же отводит основную синюю, давая ей выход к смешанности зеленых. Аральское море подсказало художникам эту бирюзу.

Первое мое восклицание друзьям моим о куполе Шахи-Зинды было: — Да ведь это вода! Это заклинание бирюзой огненности пустыни!

В угадании этого цвета в мозаике и майолике и есть колористический гений Востока*.

Мавзолей Чупан-ата сохранился лишь в своем корпусе. От облицовки осталась часть барабана и купола.

Изразцы растащены по музеям Европы. Обломки их ухе-тывают крышу и подветренную стену. На горе и ее склонах валяются обломки бирюзового откровения.

* * *

Бывало, ночь заставала меня на высотах Чупан-аты.

Небо над Атой становилось уютнее: звезды давали обозначение пространству сферы.

* Эта бирюза не только в памятниках зодчества: Афрасиаб блестит и сверкает именно ею в осколках утвари. Окончательное разрешение этого вопроса, мне думается, даст ключ к общему пониманию этнографического колорита вообще и определению происхождения археологических находок в частности.

Последняя среда

Спускаясь, сбиваешься, отыскивая тропинку, царапаешь ноги колючками.

Необъятный воздух, запах приторно-сладких и острых растений.

От аулов доносится женский плач, надрывный, то оскорбленный, то жалостный.

Плач изменил свои рулады. Перебросился в сторону, ему ответили другие плачи.

В теневых ложбинах склонов засверкали двойные точки: то шакалы стягиваются к жилью человека.

Заухали собаки в кишлаках...

На кладбище Афрасиаба сражения собак с шакалами: здесь между ними смертная борьба за добытого мертвеца.

Недолго залеживаются покойники в могилах. Часто степной волкодав, провожая без отдыха бегущую процессию с его хозяином на одре, застревает возле могилы, чтобы не уступить бранные останки своего господина другому лакомке, и за ночь уничтожает труп.

Окраины города спят.

Одинокий уборщик выметает участок, утонув вместе с фонариком в тучах пыли.

Из темноты уличной ниши трусовато-громко окликает ночной сторож.

Огрызнется под ногой почивший среди улицы пес.

Скрипучей лесенкой подымаюсь в мою белую комнату и прямо на сенник.

В окнах повисла Большая Медведица, и светится от серпа луны барабан Биби-Ханым.

Соскучившийся мышонок пискнет над ухом – куда лезешь, глупый.

Приятная усталость всего тела.

Глаза смыкаются сами собой. Чтоб не забыть: в Самарканде очень много мышей...

* * *

Афрасиаб представляет внушительную картину и прекрасный план древнего Самарканды, разрушенного Чингисханом.

Город окружен был громадной высоты стеной, остатки которой огибают холмы.

Центральная котловина представляется мне площадью бывшего водоема, распределяющего воду.

Основательные раскопки Афрасиаба откроют еще многие диковины, наряду с эстетическими ценностями они помогут дальнейшему освещению вопроса о движениях культуры между Азией, Африкой и Европой, потому что здесь действительно был некий узел Индии, Египта и Греции.

Терракота и стекло, найденные здесь, высокого стиля и техники.

На Афрасиабе есть и другое: здесь есть ложбина – любимое место слета орлов, где происходят дележи добычи, драки и любовь орлиная.

Здесь пасутся стада верблюдов.

Верблюдицы ласкают и лижут своих детей, а на холме, застыв на корточках, забывшийся монгол целыми часами не меняет позы.

Афрасиаб с восточным ветром поставляет самаркандскую пыль, самую мелкую пыль в мире, застилающую нос и уши, сушащую гортань, а с ветром западным снова принимает на свои развалины тучи этой же пыли. Обмен не вполне честный: в низинах и оврагах города пыль застревает и понемногу Самарканд растет, Афрасиаб же выветривается. В колодцах и норах его роятся одинокие искатели. Официально раскопки запрещены. Отделом охраны в ожидании организованных технически и научно исследований.

За западной частью Афрасиаба по дороге к вокзалу – селение прокаженных.

Жутко и тяжело видеть отщепенцев.

Безмолвные фигуры детей и старух сидят у дверей мазанок вдали от дороги.

Восточный закон гигиены запрещает прокаженным закрывать лица и носить чадры женщинам, чтобы отмечать чужаков и предупреждать здоровых при нечаянных встречах.

В восточном углу Афрасиаба, где Сиаб образует подкову, протекая глубокой щелью, находится могила Даниара.

Самый гроб длиною саженой в семь: мертвые останки росли на протяжении веков, удлиняя ложе святого, покуда забавники рационалисты не ограничили гроб каменными стенами со стороны обрыва.

Посмотрим, не спихнет ли упрямая нога Даниара мелочное ухищрение маловерных. Ниже гробницы в тени карагачей находится обширная терраса, на которой из-под могильной скалы выбивает родник Даниара.

В верхней части он только для питья, площадкой ниже он образует студёный бассейн, где можно не без труда окунуться. Из него родник стекает в Сиаб, смешиваясь с бурным изумрудно-серым потоком вод Сиаба.

Даниар в доброе время был пикниковым местом самаркандцев, остатки очагов подтверждают это. Теперь не до пикников строителям окраинных устоев, а наезжие больше заняты погрузкой муки, кишмиша и риса, – к черту пикники, когда родина дохнет с голоду!

Поэтому у Даниара сон и тишина под карагачами, и ничто не мешает забредшему живописцу вникнуть в построение на холсте видимого.

Вода Сиаба хорошо стирает белье: на сучьях тополей сквозняком ущелья оно быстро сушится.

На Афрасиабе производил я наблюдения и опыты над проблемой пространства и его восприятием. Любовался и постигал восточную бирюзу.

Иной раз засыпал на холме под жвачку верблюдов, и тогда орлы начинали кружиться над бранным телом. Свист и ветер их крыльев будили меня, и я колотил палкой о перья и когти хищников, тяжело управляющих движением.

Видел я Самаркандию с вершины Агалыка. Серая мгла пыли – низменность потонула в ней.

Крошечная царапина Биби-Ханым едва уловима глазом.

Ни зелени садов, ни бирюзы людского гения не видно отсюда, а вершина еще не снеговая. Снега рядом – за следующей грядой сияют они.

Не выдерживает масштаба человеческое зодчество пред куполами снежных вершин.

Да и все Искусство не есть ли только репетиция к превращению самого человека в Искусство?

Сама жизнь не только ли еще проекция будущих возможностей?

Чувства, разум и кровь не танцуют ли покуда шакало-собачий балет – да и балет ли еще предстоит поставить человеку на сцене вселенной?

* * *

Незаметно прокралась осень на улицы и в окрестности.

Первыми появились облака и тучи. Небо разукрасилось новыми красками – зори утренние и вечерние зарадужили небо из края в край.

Потянулись стаи пернатых, звеня далекой музыкой над Регистаном.

Заскрипели арбы с перинами и коврами возвращающихся из кишлаков.

Начались дожди – в Самарканде появилась липкая грязь.

Сарты всунули головы в плечи ватных халатов и свесили рукава.

Как галчата, под навесами своих лавчонок нахохлились торговцы.

Появились жаровни.

Октябрь кончался.

Над Чупан-атой рвались ветры, свистели в куполе. Зеравшан сделался еще чернее.

Снега ниже и ниже опускались к подножиям гор, и Ага-лык оделся в белое...

Для меня осень без России – не осень!

Все кончено; казалось, все изжито в Самарканде.

Последние приветы Шахи-Зинде, узбекам и таджикам.

Спасибо за их ласковую внимательность к любившим их огненно-бирюзовую родину...

Впервые опубликовано отдельным изданием: Петроград, изд. «Аквилон», 1923

ЛАРИСА РЕЙСНЕР

ИЗ КНИГИ «АФГАНИСТАН» (1925)

Глава первая

НАША АЗИЯ И АЗИЯ ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ

I. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

На протяжении нескольких сот верст одно и то же: мир. Бледный дол едва отогревается, и от поля к полю, справа и слева до края неба ходят медленные пахари.

За их плугом дымится легкое облако теплой земляной пыли. Вернувшийся домой кавалерист сидит на худой крестьянской лошади, и за ним, подпрыгивая, ползет борона, касаясь земли своей жесткой лаской. Как безумно далеко ушла война! Весенние реки заливают старые окопы, — невозможно себе представить падение снаряда среди робкой зелени озимей, на опушках болотистых рощ.

Бесконечный покой.

II. СТАНЦИЯ

Все теряют: азиаты, и крестьяне, и проезжающие красноармейцы. Ничто не сравнится с лицами, составляющими «толчок». Это не люди, а лес. Около крестьянки, предлагающей полотенце, столпились рыжие дубы, несколько пней, сожженных грозой, ветки без листьев, покрытые отсырелой корой, гиблые, изогнутые ивы. И там, где кора лесных лиц нежна и красновата, живет их голос, и этот голос шелестит, поскрипывает или рокочет.

— Сколько? Десять? Даю пять косых.

И, смеясь, как у себя в чаще, великаны качают мохнатыми шапками. В пальцах, разгибающихся как прутья, приготовленные для плетения корзин, у них зажаты бумажные деньги. Белки глаз из снега, не успевшего растаять на колючих хребтах этой страны.

Зрачок — таинственно текущие вешние воды, невидимые, пока молодая луна в них не бросит кусок серебра.

Чистильщик сапог, азиат, сидит на голой коричневой земле и сжимает между колен свою подставку, точно ящик с драгоценностями. Это пушкинский Черномор: это – его огненные глаза и мшистая волна волос на бороде. Равнодушный к судьбе волшебник сидят со своими глянцевыми ваксами и красной бархатной тряпочкой, вырванной из плаща Людмилы, и бесстрастно наблюдает босые ноги прохожих, до колена выпачканные в грязи. Его лицо темно, а ремесло эфемерно.

III. ТУРКЕСТАН

Между совершенно плоским небом и плоской землей – дым, уходящий в ничто. Белый лунный свет на мертвых долях, озера и холмы нетающего снега и замураванная тишина на протяжении сотен верст. Дороги, опустошенные копытами Тимура, сожженные зноем и стужей; пустыни, которые не спят и не грезят: они не существуют.

Читать невозможно; жгучие слезы Гейне всасываются черной рыхлой землей. Даже дебелая пышность Елизаветы Петровны, ленивые и грязные анекдоты ее царствования, даже холод Бестужева, мужицкая широта Разумовского, даже шуваловские кружева и ломоносовские оды блекнут в этой степи, где камни из лунного света и облака, окаменевшие в пустоте.

Здесь не может быть истории, этого искусства мертвых. Все относительно на куске земли, где песок смешан с солью и солнечным светом.

IV. ПОЛУСТАНОК

Киргизка, поставив под овцу неопрятный глиняный сосуд, лениво выпрастывает ее продолговатые сосцы. Возле матери шелковистый ягненок на больших и слабых ногах. Его мордочка, которой он тыкается в подол дикарки и в пустое вымя матери, имеет чистый античный рисунок, – тот беспомощный и порочный профиль, который так любил ампир. Пахнет азиатским жильем, горькими травами и мехом. В степи нежнейший звон ветра в сухих прошлогодних травах. Поют песчаные холмы, где согретье солнцем пески пересыпаются, как жемчуг, восходят волной,

падают в мгновенные долины и опять ссыпаются в подвижный вал с серафической, непрерывной и сонливой музыкой.

Воздух полон степных жаворонков. Тысячи влюбленных крылий трепещут в синем и золотом и с легким стоном тают в ослепительном блеске неба, и небо ими полно, как ангелами.

Холмы золотого песку, с которого верблюды неторопливо снимают зеленоватый пушок.

Долины, точно янтарные чаши, поставленные рядом, полные запаха трав и, как пену, источающие червонный свет. Холм у холма – это сот возле сота: они медленно наполняются огненным медом дня.

V. ПРОШЛОЕ

...Как далеко мы уже уехали. Не на сотни и тысячи верст, а на много сот лет, на целую вечность в прошлое. Здесь ведь скалы, пески и ущелья – как вчерашний, едва истекший день – помнят Тамерлана; и скрип его диких повозок, иноходь его конницы еще живет там, где теперь лежит железная дорога.

Сколько солнца, меда и целебных запахов источает пустыня, каким темным изумрудом пылает Ташкент, и наконец, эта средневековая Бухара!

Здесь есть крытые базары, которые тянутся на две-три версты. Они прохладны, под крышей воркуют голуби, в щели льется золотой полуденный дождь, а справа и слева, у порога крохотных лавок, сидят пестрые халаты, чалмы белее снега, и старики с бородами пророков, высчитывая барыши и плутни, покоятся с видом богов и нюхают влажные розы.

Везде бегут крохотные ослики с вьюками свежего клевера и тростника, с женами в чадрах, бог знает с чем. Иногда среди этой толчеи проезжает наш кавалерист в высоком шлеме, и со спины он выглядит как победитель Иерусалима, паладин Красной Звезды.

И все-таки, несмотря на пестроту красок, блеск и внешнюю упоительную красоту этой жизни, меня обуревают ненависть к мертвому Востоку. Ни проблеска нового творческого начала, ни

одной книги на тысячи верст. Упадок, прикрытый однообразным и великолепным течением обычаев. Ничего живого...

Лучше всего сады и гаремы. Сады полны винограда, низкорослых деревьев, озер, лебедей, вьющихся роз, палаток, граната, голубизны, пчелиного гудения и старинных построек, да и аромата, конечно. Такого крепкого и густого, что хочется закрыть глаза, лечь на раскаленные плиты маленького раскаленного двора и быть легче ласточек, легче маленьких деревянных столбиков, на которых висят в густом воздухе старинные балюстрады. Под деревьями расстилают ковры, подают чай с пряными сладостями. И тишина такая, что ручьи немеют и деревья перестают цвести.

А вот и гарем. Крохотный дворик, на который выходит много дверей. За каждой дверью – белая комната, расписанная павлиньими хвостами, убранная сотнями маленьких чайников, которые стоят в нишах парочками, один большой и один маленький, совсем как голубь с голубкой. И в каждой комнате живет женщина-ребенок, лет тринадцати-четырнадцати, низкорослая, как куст винограда.

Все они опускают глаза и улыбку прикрывают рукой. Их волосы заплетены в сотню длинных черных косичек. Они бегают по коврам босиком, и миниатюрные ногти их ног выкрашены в красный цвет. Лукавые и молчаливые, эти бесенята в желтых и розовых шальварах уселись вокруг меня, потом придвинулись, потрогали своими прохладными ручками, засмеялись и заболтали, как птицы. Кажется, мы очень друг другу понравились. В общем, они – очаровательнейшее вырождение из всех, какие мне пришлось видеть.

VI. КУШКА

Кушка – пограничный пункт между Россией и Афганистаном. Вокруг его старинной крепости громоздятся пыльные песчаные горы. Ветер подымает на их склоне тучи желтого праха и разносит его, как пепел целого мира, сожженного неизвестным завоевателем.

Но улицы городка тенисты, вдоль тротуаров шумят ручьи, ленивые тутовые деревья, разомлев от жары, роняют переспелые

ягоды на чистые дворы казарм, на крыши и пороги выбеленных домов, в которых расквартирован гарнизон. Словом, настоящий пограничный городок, белый, зеленый и крепкий, со своим военным населением и тревожной бдительностью, преодолевающий жару, и лень, и лихорадку. Лихие, деловитые коменданты, седые трубачи и племена, угоняющие друг у друга еженощно стада жирных баранов; эти угоны и есть преткновение нашей восточной политики, знаменитый джемшидский вопрос.

От столба, вбитого в лысый затылок какой-то старой горы, начинается настоящая Азия, огороженная синеватыми линиями гор и золотым поясом пустыни. До самого Чильдухтерана, первого привала в Афганистане, нас провожает эскадрон кавалерии. До вечера звучит нам русская речь, и среди белых чалм мелькают красноармейские шлемы. Вечером они уходят; при свете фонаря над разгоряченной головой лошади наклоняется милое и взволнованное лицо кушкинского коменданта, и затем его руки, пожимавшие наши, и вся его славная фигура времен «Капитанской дочки», и глаза, в которых влажный бдеск,— все исчезло, и мы остались одни.

VII. ИЗ КУШКИ ДО ГЕРАТА

Ночь – надо начать с нее.

После целого дня, проведенного в седле, после солнечного жара, медленно растущего от рассвета к белому полдню и, как река, разливающегося к вечеру, ночь – такое огромное счастье, награда за всю усталость, слабость и жажду.

Дорога, горячая и каменистая, идет из одной мертвой долины в другую, от песчаных гор к плоскогорьям, ровным, твердым, похожим на плиту необозримой могилы, с которой вечность давно стерла надписи.

Степь, только степь, и по краю ее плавные, убегающие друг от друга, отроги Гиндукуша, над ними бледное, зноем истерзанное небо.

И все-таки жизнь не вся выпита солнцем. Она только пригнулась лицом на пески, затаила дыхание, бесконечно смирилась.

Но в пыли, в увядшей листве – везде живое. Пепельные ящерицы оставляют на пути извилистые следы; упрямые скарабеи среди золота и янтаря раскаленной дороги скатывают свои навозные шарики. В колючих кустах шелестит саранча, кузнечики дождем сыплются из-под конских копыт, и воздух полон их сухой скрипичной музыкой.

Проходит час, другой, третий – время превращается в длинную, красную ленту, дорога – в содрогание и толчки сердца. Зной опьяняет, солнце нагибается так близко; оно обнимает голову, проникает в глубину мозга, осеняет его длинными и вместе мгновенными вспышками.

И тогда мне предстает Белая Азия, голая, горячая, на раскаленном железном щите.

АНТОЛОГИЯ

О, АЗИЯ!

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

* * *

... На машине в полуденный зной
мы сквозь город Каган пролетали,
а Сережа сидел за спиной
и лениво играл на гитаре.
Но когда похоронный кортеж
показался из-за поворота,
инструмент, как веселый оркестр,
зазвенел, к изумленью народа.
Красный гроб проплывал на руках
по дороге, ведущей в пустыню,
где асфальт и железо в песках
перемашаны с нефтью и синью.
Сослуживцы майора брели
вслед за гробом походкою шаткой...
А Сережа запел о любви
и о жизни прекрасной и краткой.
Потому что он был молодым,
он закончил щемящим аккордом
и воскликнул: – Житуха – живым! –
Я добавил: – Прощение – мертвым... –
И кощунственный этот настрой
прозвучал неожиданно свято
над измученной зноем травой,
и над скважиной буровой,
и над вышкой с фигурой солдата.

1967

АНАТОЛИЙ ЛЕОНТЬЕВ

АЗИЯ

Соне Губайдулиной

Желта, как закат, Европа,
Ленива, глуха, дремотна.
Желты на её запястьях
Гирлянды спелых огней.

Но Азия – в силу входит,
Чугунным волосом колет.
Сумрак глаз её свежих –
Возвышенной и черней.

Ещё фонари над кумирнями,
Кичливые минареты,
Глухие её дувалы –
Загадочны и хитры,

Но нет уже скул сарматских,
И кизяковой гарью
Сердце не разъедают
Глиняные бугры.

О, Азия крепко пахнет
Анисом, айвой, шафраном
И гербовую вязь сплетает
В могучих своих садах.

Халата уж не стыдится,
А просто его не носит, -
Да, просто его не носит,
Отверженность отстрадав.

И соты воспоминаний
Цветным одеваает флёром
И царственными руинами,
Где чопорно вянет дрок,

Последняя среда

И девушек плосколицых
Бросает в пучину странствий
И землю даёт им видеть
Дождливой, тающей, дымной,
С часовнями у дорог ...

1962

ВИКТОР ШИРОКОВ

* * *

Люблю восточного базара
неунывающий азарт.
Еще судьба не досказала,
не разложила мятых карт.
И вот торговец сладкогласный
тасует цены и слова.
А солнце не жалеет красок,
и медом пахнет пахлава.
Мир рынка всюду одинаков,
но здесь вольготно и светло.
И я, как записной гуляка,
ловлю последнее тепло.

4.11. Фрунзе

ТЕМУР ВАРКИ

* * *

Где-то в предгорьях
на тридцать восьмой параллели
дождь и туман.

Хмурятся брови
хребтов. В середине апреля
дым по домам

Стелется низко.
И в воздухе горном цепляясь
за бахрому,

Куст тамариска
Приснится, покажется – аист,
мне одному.

Где-то в предгорьях
на тридцать восьмой параллели
старая мать

слушает море
бессонного сердца в постели,
чтоб задремать.

В зябкости крапа
чадят кизяками постройки,
преет навоз.

Родины запах
въедается в кожу, поскольку
горек до слез.

ДУШАНБЕ – ПОНЕДЕЛЬНИК

Мне тебя не хватает в раю,
В душанбинском далеком краю...
Здесь под солнцем трава выгорает
В середине звенящего мая. –
Гул роящийся ищет дупло
По Гастелло, Нагорной... – тепло,
Горячо! –В Киблаи – На Водянке...
Там, Аки-Ермурод на тачанке
Разъезжая, поет: «Кук-кур-руз!!!
Подходи и таджик, и урус,
И еврей, и какой есть народ!!!
Будет рад вам Аки-Ермурод!»...
Мне тебя не хватает в раю,
В златотканном, парчовом краю...

Последняя среда

Слышишь, иволга первой поет?
И молочник кричит: «Шир да биё!»*
Там майнашка на спелом гранате,
Между спелых грудей винограда
Суетится и «криком кричит»!
И в нее не летят кирпичи...
Веришь? Нет? Ну, и ладно, я тоже!
Нет рогатки, допустим. Негоже
Мелочиться нам! Марди худо**,
Этот город настроен на до!
Он дойдет, достоин и дождется
Слез твоих, не стыдящихся солнца...

МУЭДЗИН

Черный дрозд муэдзином запел с минарета арчи:
...Ас-сиротал-лазина, – вознес он до звездной парчи,
Абрикосовоклюво сбивая созвучия с веток,
Плачет нежная грусть кочевая по мнимому свету.
Черный дрозд каландаром воспел падишаха грозы,
Щедрым песенным даром ответил на неба призыв.
Я пришел, но ушла ты по звездной искристой парче.
Я остался. Крылатый, скажи мне, ты знаешь: Зачем?

* * *

Я устроюсь безмолвным дворником
под окном твоим и негромко
буду чутким шагов поборником
и следы собирать в котомку.

Я устроюсь во двор привратником,
неусыпным и днем, и ночью,
от ворот поворот соратникам,
и моим, и твоим, и прочим.

* шир да биё (тадж) – кому молоко! (дословно – подходи за молоком)

** марди худо (тадж) – божий человек

Королевским гвардейцем встану я,
чтоб ловить ароматы пьяно.
Почему безголова статуя?
Не заметишь ты, что не странно.

Попрошайкой у арки сяду я,
замотаюсь, чтоб не признала.
Мне, как башне, что всё не падает,
той, что в Пизе, так надо мало.

А потом призовут к смотрящему,
и он выделит мне 2 метра,
но позволит по-настоящему
целоваться тебе и ветру.

* * *

Любовь моя, ты ходишь по земле,
вонзая каблучки, тревожа сердце.
Хотел уже, как Будда, я рассесться
да вечность коротать, и вот – алле.

Любовь моя, ты ходишь по земле,
ей мимоходом запуская сердце.
Пусть вертится земля. Не отвернется
платану от мурашек по спине.

И вот в тени платановых аллей
плывет, волнуясь, вязь морская листьев –
под мачтами меж берегов скалистых.
А ты идешь навстречу по земле.

А ты летишь навстречу по земле.
И кажется, что легче листьев этих
шагов не видел я и в том столетье,
когда в тумане парус мой белел.

Любовь моя, ты ходишь по земле,
как Иисус по сердцу христианина.
А я молюсь на Мекку из Медины
туда, где ты, – шагам твоим вослед.

КАЗАШКЕ

Говорят, нам не место в московской тцете-суете.
Ты в подлунной Орде родилась, я – у мира на крыше*.
Дочь Великой степи, что мы здесь потеряли и ищем,
В этих джунглях бетонных, неласковых, в жирной черте

Кочевой неоседлости? Где наши седла с тобой?
Позабыты в Кыпчакской степи, где буран табунится,
Где примяты ковьяль, и купается в нем кобылица,
И волнуясь, дрожит, и щекочет нас влажной губой.

Там ветра ворожат, и сшибаясь, Тэнгри** и Тобет,***
Вечный бой продолжают и маками степь осыпают.
Прожил век волкодав, и разбухшая морда тупая
Отступила. Волчица со стаей пришла на обед.

Не спасти нам табун. Нам самим бы уйти от клыков.
В новый век 21-ый врывается та же погоня,
Запах жертвы почуявши, бани кровавой и бойни.
Век продажи, кинжальных щенков и зыбучих песков.

Но однако недолгим союзом с тобой я горжусь.
Разве в дни роковые Москву не спасали мы джузом? -
Чтобы брови твои, нисходящие к точке союза,
Вовлекали Великие Луки в пленительный джуз.****

Помнишь утро охоты? – Пустили по следу борзых,
И летели два вихря в игре кыз-куу над снегами...*****
Я тебя на подъеме, на скифском настиг ак-кургане,*****
И едва не лишился меня мой согдийский язык*****.

* крыша мира – Памир, Таджикистан.

** Тэнгри- бог неба, представляемый в образе волка, дух волка, покровителя монголов.

*** Тобет- казахский волкодав, среднеазиатская овчарка. Казахская легенда гласит о вечной вражде волка и волкодава. По легенде последний волк побеждает последнего волкодава.

**** джуз – род, племя, племенной союз у казахов. Большой, Малый джузы. Ведут начало от рода Чингизхана.

***** кыз-куу – дословно «догони девушку», конное состязание, где парень должен догнать девушку и поцеловать на скаку. Девушка должна отбиваться кнутом.

***** ак-курган- белый курган

***** согдийский язык – древний восточно-иранский язык, на котором разговаривали предки таджиков в Согдиане со столицей в Самарканде.

Ты в февральской Москве подрумянила щеки слегка.
Мир опять изменен, перелистан и перелицован,
Но хотелось бы вновь оказаться под шубой песцовой,
Даже если опять я на время лишусь языка.

Я в трамвае за миг по снегам и векам пролетел...
И – свою остановку. Тебя же не выдал и мускул.
Мы могли бы с тобой рифмоваться на трепетном русском
И болтать и шутить о московской тцете-суете.

В РОЩАХ ФИСТАШКОВЫХ

В рощах фисташковых, в рощах челона, олу, дулона
Над Душанбе, над холмами хромая пасется луна.

Там над Табачкой боярка дурманится, брызжет в цвету,
Вишня невестится и ежевика сочится во рту.

Ветер листает страницы и рвет их для семечек дней.
Дырку в кармане ветровки никто не заштопает мне.

Дальше и дальше страницы, границы верстаются, но
Время лукавит и не сокращает того, что должно.

Все еще помню, как ты хохотала, влажнела луна,
Как на холмах наливались челон, алыча, дулона.

Что остается мне – память под солью и перцем седин?
Лампу мечтаний до блеска видений натер Алладин.

Помнишь, как мартовский ветер – в созвездии рыбы –
Магриб
Пел нам в грозу и под влагою полнился зреющий гриб?

Где этот ветер, чей шепот смущает примятый ковыль?
Нет ни весны, ни страны, только шорох летящей листвы.

Там в одиноких садах заросли на стволах имена.
Там запустенье живет, и дрова собирает война.

Последняя среда

Вот отчего, отчего, отчего, отчего, отчего
Алые маки встают, окружая засохший челон.

В рощах фисташковых, в рощах челона, олу, дулона
Над Душанбе, над холмами хромая пасется луна.

Там, где прошла ты, был ветер улыбочив, певуч и медов.
Тысячи маленьких солнц поднимались из пьяных следов.

Ветер листает страницы и рвет их для семечек дней.
Дырку в кармане ветровки пусть вовсе не штопают мне.

ИРИНА КУЗНЕЦОВА

* * *

Солнце сорвалось с цепи...
Путь до конечной цели –
Сам по себе бесценен.

Дышат покоем степи,
Ветер швыряет репья
В стены былых кочевий.

Высятся мавзолеи
Из обожженной глины –
Там, где погост старинный,

Тополь вдали белеет,
В небе прозрачном рея –
Стаею журавлиной..

Память дает картины –
Пригоршнями с ладони,
Звонкие, как монеты.

В бисере паутины
Время беззвучно тонет.
Смерти как будто нету...

Крест полумесяц выгнул
В вечном законном браке –
Как тетива на луке..

Звезды придут, как иглы,
Колющие во мраке,
Словно глаза ПОДРУГИ

(5.04.05)

МИХАИЛ РОММ

СТРОИТЕЛЬ

*Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что там строишь, кому...*

Брюсов

Серый туркмен в своем красном жилете,
Что ты там строишь опять?
– Строю я офисы, где ваши дети
Будут себя продавать.

Я голодаю на проклятой стройке,
Я не слезаю с лесов,
Чтоб ваши дети, одетые в «тройки»,
Стали, как части часов.

Чтоб закрутились, как шестерни, сжаты,
Чтоб закалялись, как сталь,
Чтобы в момент неизбежной расплаты,
Жизни им было не жаль.

АМИРАМ ГРИГОРОВ

ЧТО-ТО ПЕРСИДСКОЕ

Грустит поток пляд в ночном дыму
Не приходи, не надо, я пойму
Тут вся округа в торфяном огне
Застыли водомёты всей земли
И в целом мире мальвы отцвели
А ты не вспоминаешь обо мне

Москва сбегает от своей жары
Грустит неглинной мраморный арык
И на поклонке ангел бьёт поклон
Грустит бездомный вспоминая дом
Напоминая рыбу подо льдом
Он смотрит сквозь витринное стекло

Ночного магазина в молоке
Сухого смога, вечно налегке.
Не говори, молчи, не отвечай
Как будто город разорён дотла
Грустит таджик печаль его метла
И жестяной скребок его печаль

Вся тишина парси в его устах.
Пьянит вода и улица пуста
В бильярдной гулкой люда не найти
Там пустота, хоть покати шаром
И будто отдалённый слышен гром
Но то гремят вагоны на пути.

Как будто город скомкан, будто смят
Его сады и телефоны спят
И не ответит ныне абонент
До сентября, а то до ноября
Течёт по небу облачная рябь
И ты не вспоминаешь обо мне

Азия

* * *

О Восток, в кишлаках киша,
Пузырится твоя душа,
Чемоданы, базар-вокзал,
Саксаул ты мой, аксакал.

Уходя, обратишься вспять,
В полосатый халат одет,
Соль земли упадёт на пядь
И пески заметут твой след.

О Восток, я навек твой сын,
Возвращайся дождём косым,
Блеском глаз, желваками скул,
Аксакал ты мой, саксаул.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОЛОКАН

Когда на кровлю ляжет ровно
Песок, со звуками воды
Проспект амир тимура словно
Осыпан золотом орды

И от жары под каблуками
Асфальт чирикает чижом
И водомёт журчит о камень
На языке моём чужом

И во дворе родном ни звука
Печаль травую не расти
Лишь сон дудука стон дудука
Моё последнее прости

Куда девается прохожий
Средь минаретов и оград?
Все части азии похожи
Как бухара на самарканд

Последняя среда

Поверив в сказку о Рассее
Чураясь медленной езды
Глядишь, как сонный свет рассеет
Звезда над улицей Звезды

И вспомнишь, выйдя далеко за
Пределы азии одной,
Как сохнут пыльные стрекозы
Спя над арычною водой

И выйдешь в азию другую
Где каждый продавец знаком
Ты не торгуешь? Не торгую,
Увы. И цокот языком.

И не расслышишь в гуле свыше
Судьбы последних молокан
И над землёй отчизны бывшей
Стоят пустые облака

СЕОГЕЙ РАР

ТЫ

В племени твоём не разбираюсь,
Узнавать узор из розок не учусь,
Только долькой палладина каюсь,
Что твоя мне не понятна грусть.

Мне милы улады минаретов,
И дворцов седые изразцы,
но люблю тебя я не за это:
Просто жизнь ты водишь под уздцы.

И она, как лошадь высших толков,
Чутко ушком пламенным прядёт.
Цокот её в закоулках гулких
На рассвете слышит звездочёт.

КОКАНД

Мира проспект. Нет мира!
В биеньи эфира где-то дефект.
Ладана! Мирры!
Чтоб перепутанный спектр
Установился
Покоем Эмира.

В рознице окон, воротец и арок
Беглый орнамент – не повторим.
Пламенем рук переходит в подарок
Хрупкий узор, нам в наследство дарим.

Дальних небес бирюзовой прорехою
Света надмирного спит колизей.
Пей святотатство! Богатство Эмирово
Тянется толпами в пыльный музей.

Давних даров порассыпаны данницы.
Вязанки, вьюки, верблюдов горбы...
На затухающем гомоне ранницы
Вскинуты в небо оглобли арбы.

Воздух дрожит, изразцам уподобленный...
Тенью, тяжёлой как поступь монет,
Высясь над площадью контуром дробным,
В утро всплывает седой минарет.

СЕРГЕЙ ЖАДАН

* * *

Мы приехали ночью, продвигаясь сквозь тьму
караваном из трех грузовиков,
обойдя перевал, что лежал в дыму
и простреливался одним из пехотных полков.

Во дворе было слышно соседей и всю их родню,
на морозе вздымалась от ртов анаша,
и бойцы поближе жались к огню,
набивая привычно рожки калаша.

И все женщины, что стояли внутри,
от дверей отступили, впуская нас,
и держали большие армейские фонари,
отгоняя тени от скул и от темных глаз.

Капитан говорил ей: сестра, все пути,
засветились во тьме на подъемах крутых,
чтоб могли к вам сюда пастухи добрести,
допивая упрямо из фляжек своих.

И потоки, сестра, и речушки в снегу,
что застужены, словно горла детей,
все горят серебром, даже звезды вверху
загустели сейчас эхом добрых вестей.

Твой малыш подрастет и расскажет, в чем соль,
что случится еще, назовет наперед,
будет в нем наша горечь и злость, наша боль,
что заводит нас, объединяет, несет.

Слушать будут его зверь, и птица, и полоз речной,
ему хватит любви быть всегда начеку,
сберегая заваченный груз, отбивая конвой,
сохраняя контроль над мостами через реку.

Азия

И пока рождаются дети от нас,
пока дети растут еще в этих краях,
есть кому воевать у пристрелянных трасс,
биться есть кому в наших свирепых рядах.

Пока духи и мертвые входят в наши ряды,
нас Спаситель любой не удержит, любой Аллах.
Все проходит, сестра, вечны только следы
от шрапнели и пуль на наших черных телах.

И пусть мести науку изучит твой мальчуган,
пусть научится жить среди наших земель.
И, порывшись в своем рюкзаке, капитан
положил заводской ТТ на постель.

И все мы, что стояли у него за спиной,
доставать стали следом ножи, амулеты, пруты,
кто-то вынул наваху с рукояткою костяной,
и назад отступил, чтоб другие могли подойти.

Там уже было золото – видели мы –
и фарфор, и бронза, и куча теплых вещей,
и стояло за окнами черное небо зимы,
и в него подымались дымы от печей.

И тогда одна из женщин ушла с фонарем
в снег глубокий, словно ведьма с луной.
Пастухи и бойцы шли за нею гуськом,
не проваливаясь, словно бы над водой.

С украинского

ПУТЬ КОРИБАНТОВ

В этом разделе мы публикуем фрагменты двух книг: – книги известного советского археолога С.П. Толстова «Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования» (Москва, МГУ, 1948), в которой речь идет о дуалистических-диалектических первобытных и зороастрических мифах народов Средней Азии, а также о корпорации жрецов-корибантов, общей для Средней Азии и Восточного Средиземноморья – а также отразившей поэзию этой мифологии книги Тимура Зульфикарова «Охота царя Бахрам-Гура Сасанида».

С.П. ТОЛСТОВ

ПУТЬ КОРИБАНТОВ

(Архаические элементы в общественном строе дофеодальной Средней Азии)

I. КАВИ И КАРАПАНЫ

(Пережитки дуально-родовой организации и первобытных тайных союзов в древней и ранне-средневековой Средней Азии)

1. Ферганский науруз

В посвященном описанию Ферганы параграфе «Истории династии Тан» мы находим любопытный отрывок, в котором рассказывается о характерном обычае, связанном с празднованием Нового года в этой области Средней Азии.

«В начале каждого года царь и вожди разделяются на две партии. Обе партии избирают: каждая одного человека, который одевается в доспехи и сражается (с другим), его толпа помогает ему кирпичами и камнями. Когда один из них убит, останавливаются, и по этому определяют, будет ли год хороший или плохой».

Этот рассказ представляет значительный интерес, так как в описанном обряде ритуальной борьбы между двумя половинами населения города с полной уверенностью можно видеть от-

ражение чрезвычайно широко распространенного обычая первобытных народов: ритуального состязания двух фратрий.

.....

В Ахман-ат-Такасим фи-Марифат ал-Акалим ал-Макдиси (конец X века) мы находим любопытные сведения о ритуальной борьбе в Гургане (Джурджане), приуроченной к мусульманскому празднику жертвоприношений (Курбан-байрам).

«Видишь их (жителей главного города Гургана), как они в день заклания двумя группами ссорятся из-за головы верблюда – израненные, избитые и расстроженные».

Эти данные повторены Макдиси несколько ниже в другом контексте:

«В Джурджане происходят междоусобия из-за толка и между ними и жителями Бекрабада (бывает) бой из-за головы верблюда в день праздника».

Речь идет о борьбе между жителями двух разделенных рекой с мостами половин столицы Гургана – Шахрастана и Бекрабада. Если в данном контексте перед нами с полной несомненностью выступает архаический ритуальный характер состязаний, своими корнями уходящий в местную религиозно-бытовую традицию, и лишь позднее приуроченный к мусульманскому празднику.

.....

Особенно интересен факт деления каждого города на две части, находящиеся между собой в ритуальной вражде. Аналогии этому явлению мы найдем в многочисленных примерах планировки поселений у целого ряда первобытных и стоящих на рубеже классового общества народов. Каждая из фратрий занимает определенную часть деревни, отделенную от квартала другой фратрии улицей, площадью или рекой.

В этой связи заслуживает, как нам кажется, внимания выясненная нами планировка древних хорезмийских городов и укрепленных поселений эллинистически-кушанской эпохи.

Из целого ряда древне-хорезмийских поселений, обследованных нами в 1937-1940 гг., в четырех нам удалось выяснить внутреннюю планировку.

.....

В трех случаях центральная улица, идущая по длинной оси городища, и в одном случае (Куня-уаз) – стена, делящая городище поперек, делят каждое из этих поселений на две половины, представляющие собой каждая замкнутый, сплошь застроенный квартал.

С моей точки зрения, ничего нельзя привести против того, что здесь мы имеем дело с древним прототипом того деления раннесредневековых городов Средней Азии и Восточного Ирана на две находящиеся между собой в традиционной, имеющей ритуальную окраску, вражде части.

Ритуальный характер ферганских новогодних состязаний и их более поздних хорасанских аналогов заставляет нас обратиться к источникам, освещающим тот комплекс идеологических явлений, с которым они связаны – комплекс домусульманской среднеазиатской религии.

Средняя Азия – область, где зороастрийская религия проявила наибольшую стойкость перед победоносным наступлением ислама³⁰, область зороастрийской ортодоксии, ничуть не пострадавшей от мощных влияний буддизма, манихейства и христианства, – наконец, несмотря на старые и новые попытки ревизовать это положение, наиболее вероятный древнейший центр оформления зороастризма в законченную религиозную систему.

Исторические корни иранского эпоса, материал которого неразрывно связан с зороастрийской мифологией, лежат, по мнению В.В. Бартольда, на территории Восточного Ирана и Средней Азии. Новейшие исследования советских археологов снова и снова указывают на восточно-иранские и особенно среднеазиатские области, как древнейшие центры зороастрийской религии.

Уже достаточно давно исследователи, работавшие над историей первобытных религий, представители этнографической науки, обратили внимание на родство самого авестийского дуализма – этой основы основ зороастрийской системы – с весьма архаическими верованиями первобытных народов.

Л.Я. Штернберг не только убедительно показал, что дуалистическое мировоззрение характерно для большинства перво-

бытных народов, но и вскрыл за величественным мифом об Ормузде и Аримане – братьях-близнецах и одновременно непримиримых врагах, из борьбы между которыми возникает мир – отражение архаических, повсеместно распространенных среди как первобытных, так и цивилизованных народов, близнецных мифов.

Объяснение этому этнографическая наука нашла благодаря развернувшемуся за последние десятилетия широкому исследованию одного из наиболее древних и универсальных институтов первобытного общества – так называемой дуальной организации, т. е. деления племени на два первоначальных рода или фратрии. Диффузность первобытного мышления, не проводящего непроницаемой грани между человеческим обществом и окружающей его природой, простирающего обобщения, сделанные в одной из этих сфер – на другую, не могла не явиться предпосылкой для перенесения на природу столь фундаментального явления общественной жизни первобытных людей, как дуализм фратрий, проходящий красной нитью через все стороны производственной, общественной, бытовой практики первобытных племен.

Совместная собственность и хозяйство, совместная жизнь, решающая роль в организации брака – исключенного в пределах своей фратрии, все это получило в примитивном сознании наших предков гипертрофированное отображение. Фратрии каждого племени осознавались не изолированно, как локальное явление. Напротив, деление людей на две фратрии мыслилось столь же присущим самой природе человека, как, например, деление на два пола. Не случайно в этой связи мы часто видим, что в своем мифологическом преломлении дуализм фратрий переплетается с дуализмом полов. Определенной фратрии данного племени соответствовали определенные фратрии всех других близких и далеких племен, и не случайно одним из первых вопросов, который австралийцы или меланезийцы задают приехавшим к ним европейцам – это вопрос, к какой фратрии их гость принадлежит. Названия фратрий в языках соседних племен – часто перевод одного и того же слова, и весьма обычным фактом является широкое распространение одних и тех же названий, как правило, уже утра-

тивших смысл в языковом сознании их носителей – вне границ не только племен, но и лингвистических групп, на протяжении тысяч километров, среди десятков племен и народностей – факт, позволяющий первобытному человеку, среди любого, самого далекого племени, найти своих «братьев по крови» и своих потенциальных «супругов». Универсализм фратрий в рамках человечества перерастает в первобытном сознании в универсализм их в рамках вселенной. Не только все люди, но и все явления природы оказываются распределенными между двумя фратриями.

Отсюда единство первобытного этногонического и космогонического мифа. Происхождение людей и происхождение мира неотделимы друг от друга, и создатели-праотцы каждой фратрии являются одновременно создателями-праотцами соответствующей половины мира.

Этот факт первобытного космогонического дуализма, вырастающего из дуальной организации, позволил нам несколько лет назад, в нашем анализе генезиса зороастрийского мировоззрения, притти к заключению, что зороастрийский дуализм является развитием первобытной дуальной мифологии, восходящей своими корнями к дуализму фратрий.

Здесь мы должны обратить внимание на другую сторону вопроса – на связь дуалистической космогонии с первобытной мифологической концепцией двух братьев-врагов, почти универсально распространенной и, как не раз отмечалось в этнографической литературе, тесно связанной с дуализмом фратрий.

Уже древнейшая часть Авесты даст нам указания на близнецный характер мифа об Агура-Мазде и Ангро-Майнью:

«Два духа, два близнеца в начале провозгласили от себя чистое и нечистое мыслей, речей и поступков» (Яшт, XXX, 3).

Вендидад и Бундахишн дают нам далее грандиозную картину творения мира врагами-братьями и их жестокой борьбы. В фаргарде I Вендидада мы читаем, как Агура-Мазда последовательно создает шестнадцать плодородных, богатых водами и стадами стран для человека. В противовес каждому творению брата Ангро-Майнью создает чудовищ, враждебных человеку животных, стихии и пороки: 1) речную змею и зиму, дело дэвов, продолжающуюся 11 месяцев в году; 2) муху Скайтъя, убиваю-

щую скот; 3) греховную похоть; 4) рогатого муравья Бравата; 5) грех неверия; 6) москита; 7) пери Кнатхайти и др.

Из других мест Авесты и Бундахишна мы узнаем о создании Агура-Маздой первозданного быка (ср. ирокезский миф, согласно которому первым из животных, пришедших к масляному источнику Иосеги, был бык) и первого человека Гайомарта.

Первозданный бык гибнет от принявшего образ змея Ангро-Майнью, но из его семени и тела возникают животные и растения. Ангро-Майнью в противовес этому населяет мир вредными животными – змеями, скорпионами, лягушками, ящерицами, волками и др.». В свою очередь Агура-Мазда в противовес каждому виду вредных животных и демонов создает полезных животных, борющихся против творений Ангро-Майнью. Так, собака создана в противовес волку, ихневмон в противовес змее, лиса в противовес демону Кхава и т. д..

Анализ авестийских легенд и восточно-иранского эпоса позволяет и здесь найти мотивы, отражающие взаимосвязь близнечного не только космогонического, но и генеалогического мифа, традиции о происхождении ритуальной вражды двух половин народа, сочетающейся с сюжетом о брачной связи враждебных героев обеих половин. Рядом с сильно абстрагированными фигурами братьев-врагов Агура-Мазды и Ангро-Майнью выступают гораздо более конкретные и менее подвергнувшиеся теологической обработке фигуры культурных героев – врагов – Ажи-дахака, с одной стороны, и убитого им Йимы, за которого отомстил его потомок Трэтаона – с другой.

«Йима, блистающий, богатый стадами», сын Виванхао – Джемшид иранского эпоса – типичная фигура первобытного культурного героя, связан с образом Агура-Мазды, в качестве первого пророка которого он выступает в авестийской традиции, «воспитатель, кормитель; хранитель и хозяин земных существ», в царстве которого нет «ни ледяного ветра, ни жгучей жары, ни смерти», «владелец золотого плуга и золотого бодила».

Йима был первым, кто, выйдя в полдень и «следуя путем солнца», взрезал землю своим золотым сошником. Под его мудрым руководством земля заполнилась «стадами, людьми; собаками, птицами и огнями, блистающими и жаркими», он своим

плугом раскрыл для людей, когда им стало тесно, «новые земли для поселения», наконец, когда над миром простерлась угроза страшной, все уничтожающей ледяной зимы, заменяющей в ирано-среднеазиатской мифологии всемирный потоп, Йима построил первое укрепленное селение – Вара, о котором мы еще будем ниже говорить, где укрыл «семя людей, животных, растений и огней, ярких, пылающих».

В Шах-намэ он выступает как культурный герой, научивший людей употреблению оружия и ткацкому искусству, скотоводству, установивший деление общества на жрецов, воинов, земледельцев и ремесленников, открывший людям сведения об употреблении драгоценных камней, металлов, лекарств, благовоний, установивший ритуал Нового Года (Науруз) в день весеннего солнцеворота и т. д.

Большой интерес для нашей темы представляют обстоятельства гибели Йимы. Мы оставляем в стороне благочестивые объяснения причины его падения нарушениями законов Агура-Мазды – это, вероятно, является позднейшим морализирующим искажением мифа. Согласно Шах-намэ, он пал от руки Даххака (выступающего в Авесте под именем Ажи-Дахака), чудовищного змея (Авеста) или чудовищного человека с двумя приросшими к плечам змеями, питавшегося мозгом детей (Шах-намэ).

Как отметил уже Дармстетер, образ змея в Авесте тесно связан с образом Ангро-Майнью, которого этот автор считает лишь трансформацией древнего змея – Ажи. «Речная змея» – это первое создание брата-антагониста Агура-Мазды, созданное в противовес первому творению последнего – родине авестийского человечества Айрьянем-вэджо. Любопытно, что одновременно с этим Ангро-Майнью создает зиму, положившую конец жизни людей в Айрьянем-вэджо, зиму, с наступлением которой связан последний подвиг Йимы.

«Речная змея» I фаргарда Вендидада может быть таким образом увязана с Ажи-Дахака последующих частей Авесты.

Но в Авесте гибель Йима описана несколько иначе, чем в Шах-намэ. После своего грехопадения он был убит своим родным братом Спитйурой, распилившим его пополам.

Характерно, что в перечне слуг Ангро-Майнью в цитируемом месте Яшт XIX Спитйура поставлен рядом с Ажи-Дахака.

Итак, миф об Йиме и Спитйуре – Ажи-Дахака раскрывается перед нами как вариант уже знакомого нам первобытного мифа о двух культурных героях, близнецах-врагах.

Но этим дело не ограничивается. В версии Шах-намэ выступает пока еще не встречавшаяся нам сторона исследуемого мифологического комплекса: связь рассказа о братьях-врагах с формами организации брака – Даххак, убийца Джемшида (и как мы видим, первоначально его брат) женится на двух сестрах Джемшида – Шехрназ и Эрневаз, как бы реализуя этим действующее в первобытном обществе право супружества мужчины одной фратрии на женщин противоположной фратрии. Нас но должно, конечно, смущать, что если принять нашу идентификацию – сестры Джемшида будут одновременно и сестрами Даххака. Сам термин «сестра», выступающий в Шах-намэ в своем новейшем смысле, связанном с описательной системой родства новоперсидского языка, звучал, конечно, в первоначальном варианте мифа совершенно иначе. Важно, что речь идет здесь о родственныхницах Джемшида, о женщинах, близких ему не только телесно, но и духовно, гегр. социально, что выявляется во всем их поведении в момент столкновения Даххака и Феридуна. Это, прежде всего, женщины враждебной Даххаку общественной группы и одновременно его жены. Не надо забывать, что близнецы первобытных мифов, являясь братьями, являются одновременно представителями разных фратрий – факт, с точки зрения обычных норм первобытного строя, невозможный, но мифологически вполне законный. Бундахишн дает нам не менее характерные данные. Оказывается, и Йима, и его сестра сочетались браком с дэвами, что позднейшая жреческая морализация рассматривает как одно из грехопадений Йимы. На деле перед нами снова отражение брака представителей фратрии Агура-Мазды (Йима и его сестры) с представителями фратрии Ангро-Майнью.

Обратимся ко второму комплексу – комплексу Ажи-Дахака и Трэтаоны.

Ажи-Дахака – тотемическая ипостась Ангро-Майнью – чудовищный змей или человек, наделенный чертами змея, связан-

ный, как мы показали, с «речной змеей» Вендида I, корреспондирует, как Йима с Ямой, с Ахи, облачным драконом индийской мифологии.

Итак, перед нами комплекс мифологической змеи, связанной с источниками влаги, в первую очередь, влаги небесной. Ему противостоит Трэтаона, также связанный с комплексом воды. Трэтаона – Феридун, сын Атьвя, тождественного с ведийским Трита (Траитана) Аптья – «сыном воды», по Бундишишну, потомок Йима в 9 колене. Но если в лице Ажи-дахака перед нами выступает в качестве хозяина вод чудовищная змея, то Трэтаона и Атьвя связаны с другим животным образом. Это – бык. В Авесте род Атьвя характеризуется как «богатый быками».

«Будь богат быками, как потомки Атьвя, богат конями, как Пурушаспа», – читаем мы в Яшт XX (к этому тексту мы еще вернемся ниже).

В Шах-намэ бычьи черты Феридуна выступают еще резче. Он, после того как отец его (Аптья-Йима?) погиб от рук Даххака, вскормлен нашедшей его коровой Бермая. Она также погибает от руки Даххака, и, выросши, Феридун является мстить Даххаку, вооруженный железной палицей, увенчанной головой быка:

«Он станом кипарис, с лицом как у царей

И опоясан он и ходит с видом царским,

В руке же палица с бычачьей головой».

Поразив Даххака, Феридун приковывает его к горе Демавенду, где чудовище остается до конца мира.

В дальнейшем быкоглавая палица выступает как символ власти каянидских царей и как распространенное вооружение древне-иранских воинов.

Любопытно указать, что быкоглавая палица Феридуна переживает в персидском вооружении вплоть до конца Средневековья.

Не менее характерен быкоглавый посох среднеазиатских дервишей (один экземпляр такого посоха хранится, между прочим, в Московском Музее истории религии).

В Бундахишне бык – первое творение Агура-Мазды, выступает, как мы видели, в качестве одного из важнейших действующих

лиц космогонической мифологии зороастризма. Из частей тела убитого Ангро-Майню первозданного быка возникают растения. Из семени быка зарождаются животные. На спине священного быка Сарсаока 9 родов людей переправляются через море Вурукаша, чтобы заселить вновь созданные земли – Киршвары.

«Духу быка» посвящен ряд гимнов Авесты.

В свою очередь, речная змея – первое творение Ангро-Майню, и образ змеи как враждебного миру Агур-Мазды существа, проходит через всю мифологию Авесты и Бундахишна.

Перед нами выступает таким образом весьма характерный комплекс борющихся между собой мифических героев, тотемический образ каждого из которых совершенно прозрачен. Бык и змея, враги-антагонисты и, в архетипе, братья-близнецы выступают перед нами как два, пожалуй, наиболее фундаментальных образа среднеазиатско-восточно-иранской мифологии.

Отмеченная нами связь этого проявления дуалистической мифологии на изучаемой нами территории с явлениями брачной жизни ярко выступает и дальше. Нам уже пришлось отмечать наличие отражения первобытного генеалогического мифа в красивом романе о любви Заля – потомка Феридуна и Рудабэ – дочери Даххакида Михраба, плодом которой явился величайший из героев восточно-иранско-среднеазиатского эпоса Рустем. Интересно, что и с самим Рустемом связано сказание о женитьбе его на дочери одного из князей враждебного Турана. Здесь в исследуемом мифе вплетается третий комплекс братьев-врагов, связанный со сказанием о сыновьях Феридуна. Здесь речь идет о трех братьях, но один из них, Сельм, является в достаточной мере бледной фигурой. Действительными действующими лицами выступают Иредж и его убийца – Тур. И вот потомок Иреджа Рустем приезжает в город потомка Тура – Семанганского царя и вступает в брак с его дочерью Техминэ. У них рождается Сохраб, впоследствии неузнанный и убитый в сражении отцом.

В сказаниях о Рустеме мы соприкасаемся еще с одним мифологическим циклом, записанным, правда, на другой территории, но в близко родственной населению Средней Азии этнографической среде – в Причерноморской Скифии. Я имею в виду записанные Геродотом генеалогические сказания скифов, со всей

убедительностью показывающие, что в первоначальном варианте мифа о Рустеме, как и в мифах о Трэтаоне и Йиме, выступали одни и те же элементы, и лишь позднейшая циклизация на почве Восточного Ирана и Средней Азии, увязав искусственной генеалогической связью параллельные генеалогические мифы различных племен, вошедших в состав ранних государственных образований этой территории, элиминировала многое, монотонно повторяющееся во всех этих мифах, выпятив в одних одни элементы, в других – другие.

Я уже отмечал близость скифских преданий с циклом Даххака – Феридуна – Заля – Рудабэ.

Сейчас мне представляется возможным пойти еще несколько дальше и попытаться показать, что в скифских мифах мы видим хотя и неполное, но более близкое к архаическому прототипу отражение первоначального мифа, одинаково нашедшее отражение и в мифе о Йиме и Спитйуре-Ажи-Дахаке, и в мифе об Ажи-Дахаке и Трэтаоне с его продолжением в легенде о Зале и Рудабэ, и мифе о сыновьях Феридуна с его продолжением в рассказе о Рустеме и Техминэ.

Напомню содержание скифской традиции.

Геродот рассказывает два варианта этой легенды: «скифский» и «эллиноскифский». Оба они по существу передают одно и то же, выпуская в одних случаях одни, в других другие детали и меняя имена. Весьма вероятно, что здесь два параллельных мифа, восходящие к мифологии двух различных скифских племен.

Прародителем скифов выступает по эллинской версии Геракл, – конечно, греческая замена скифского имени, почему-либо ассоциировавшаяся с именем аргосского героя. Скифская версия дает нам это скифское имя – это Таргитай – сын Зевса (опять греческая подстановка) и дочери реки Борисфена. Геракл-Таргитай (далее берем из эллинской версии) прибывает в страну, называемую Гилеей, где вступает в половую связь с обитавшей в пещере полудевушкой-полузмеей (мотив Заля – Рудабэ), которая нашла его пропавших коней (мотив Рустема). Однако Геракл, идя в Гилею, «гнал перед собой быков Гериона» (что позволяет в свете разнообразных преданий о тотеме-путеводителе видеть в образе

скифского Геракла-Таргитая антропоморфизацию быка, связанного через свою мать, дочь Борисфена, со стихией воды – мотив Трэтаоны). Мною уже отмечалась связь этого мотива с тюркским мифологическим образом прародителя тюрков Огуза – слово, синонимически означающее в тюркских языках «быка» и «реку» и специально Аму-Дарью. Уходя от девушки-змеи, Таргитай-Геракл оставляет ей лук и пояс с подвешенной к нему золотой чашей, чтобы их получил достойнейший из сыновей (мотив Рустема).

Они достаются младшему из трех сыновей. Старшие изгоняются из страны (отголосок, более полно представленный в комплексах Йимы – Спитйуры и сыновей Феридуна кровавой борьбы трех, герр. двух братьев). В скифской версии братья мирно уступают младшему упавшие с неба золотой плуг, ярмо (мотив Йимы), секиру и чашу (в целом близко к мотиву Огуза). Таким образом в скифском мифе перед нами выступают черты, связывающие его не только со всеми тремя звеньями генеалогического цикла Авесты – Шах-намэ, но и с тюркским циклом Огуз-кагана, позволяя видеть именно в скифском варианте дошедшую до нас в наиболее полном виде хотя и с деформацией (может быть и не в мифе, а лишь в его передаче Геродотом) очень важного звена – убийства брата братом или братьями.

Составными элементами общего прототипа всех вариантов (не считая более архаичного компонента огуз-кагановского цикла в уйгурском варианте) являются:

- 1) мотив о трех (двух) братьях-врагах, представителях тотемов быка и змеи;
- 2) о браке между представителями этих двух враждебных тотемов;
- 3) о золотых орудиях земледелия и скотоводства, которые получил младший (пострадавший впоследствии) брат.

В качестве также общего и очень важного элемента и скифского рассказа и мифов о Зале и Рустеме выступает матрилокальность брака и матрилинеальность наследования фратрий, отраженная во враждебной встрече с отцом – сюжет, вошедший, вероятно, из скифской среды в русскую эпическую традицию (Илья Муромец и Сокольник).

Несколько слов о сюжете трех братьев.

Если мы в Йиме признаем воплощение быка, а в Спитйуре (resp. Ажи-дахака) змеи, то тотемическое обличье третьего из братьев выступает перед нами непосредственно из самого текста Авесты. Третий брат Йимы Тахма-Урупа выступает в образе «сильной и быстрой лисицы», побеждающей Ангро-Майнью, принявшего образ коня, оседлав которого, Тахма-Урупа гонял 30 лет через весь мир. Наконец, Бундахишн упоминает и четвертого брата – Нарсе.

Таким образом сюжет трех братьев может быть расширен до сюжета о многих братьях, однако решающую роль в комплексе всегда играет конфликт двух из них, в котором остальные выступают в роли молчаливых статистов, или конфликт одного из братьев против всех остальных.

Сюжет борьбы змея и быка и брака представителей этих тотемов, столь мощно представленный в Авесте и прослеженный нами в скифском мире и на северной периферии Скифии, широко распространен и за пределами индо-иранской и скифской групп народов.

Очень яркий образец этого сюжета мы находим в древнееврейской мифологии. Я имею в виду замечательный рассказ книги «Исход» о золотом (resp. солнечном) тельце и медном (хтоническом) змее.

Два брата, Аарон и Моисей, ассоциируются здесь – в полном противоречии с их обычным идиллическим содружеством, имеющим явно позднейшее происхождение, с двумя враждебными тотемами – золотого быка – Аарон и медного змея – Моисей.

Как известно, Моисей уничтожает золотого тельца Аарона и истребляет при помощи левитов три тысячи человек его поклонников. В этой связи интересно, что Гольдциэр подчеркивает связь колена Левин со змеей, к древнееврейскому имени которой он сводит этноним левитов.

Связь колена Левия с тотемом змеи тем более для нас интересна, что в Бытии, XLIX, 6, Иаков проклинает Симона и Левия за то, что «они во гневе своем убили мужа и по прихоти своей перерезали жилы тельца».

Таким образом, авестийский конфликт в полном объеме развивается перед нами в библейской генеалогии, с той, однако, раз-

ницей, что в конечном счете тотем-змея выступает здесь в мифе о Моисее на первый план в качестве доброго начала, и жрецы змея – левиты становятся общеизраильской жреческой кастой, в то время как в Авесте преимущество отдается быку и его жрецам.

Насколько прочное место в древнееврейской религии занимает культ змея, можно судить по тому, что уничтожение культа медного змея, «которого сделал Моисей», IV кн. Царств (XVIII, 4) относится лишь ко времени Езекии, сына Ахаза, царя иудейского. Он наряду с другими идолами уничтожает и медного змея, «потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Н е х у ш т а н».

Интересное преломление конфликта змея и быка с тем же разрешением столкновения в пользу первого, как в Библии, я склонен видеть в афинском мифе о Тезее и Минотавре. Эпосим Афин, девственная Афина-Паллада, нераздельно связана с тотемом змеи. Священный хтонический змей Эрхифоний, сын богини земли Геи, спутник Афины и важнейший атрибут ее изображения, змеиный скальп (ср. Афины Партенос Фидия) на голове богини, живые священные змеи, содержащиеся в ее храме, эгида с головой змееволосой горгоны, все это с неоспоримостью доказывает это положение. В соответствии с этим в образе человека-змеи выступает и основатель Афин – Кекропс.

Тезей, афинский культурный герой, покровительствуемый богиней города, убивает марафонского быка и, проникнув в Критский лабиринт, выходит победителем из борьбы с быкоглавым чудовищем – Минотавром. Сочувствие здесь явно на стороне «змеиного» героя.

Отметим, в этой связи, что на Крите, с его мифами о Минотавре, с его бесчисленными изображениями быков, с его тавроболиями – рядом с культом быка существует культ женского божества, символом которого являются змеи.

Культ железа как культ, враждебный фратрии змеи, ярко выступает в сюжете Даххака, победителем которого, наряду с Третаоной, выступает кузнец Каве, носящий фартук из бычьей кожи и имя, очень близкое к иранскому имени быка (Gavo). Любопытно, что и в комплексе исследованных Потаниным мифов героизмееборцы постоянно оказываются связанными с железом.

Если универсальность образа быка и змеи, господствующей пары тотемов Средней Азии и окружающих ее стран, получает объяснение в дуальной мифологии, отражающей архаический дуализм фратрий, то остается пока неясным место в системе древних среднеазиатских тотемистических представлений третьего животного, хотя и уступающего по своей роли в мифологии анализируемой выше паре, но все же занимающего место намного более значительное, чем прочие тотемы древней Средней Азии, не исключая и собаки, играющей в зороастризме столь заметную роль.

Асп «конь» – излюбленное окончание топонимических и личных имен древней Средней Азии и Ирана. Упомянем прежде всего это слово как составную часть имен многочисленных героев Авесты – прежде всего Каянидских царей. Из географических названий упомянем *З а р и а с п у*, одно из имен древних Бактри и орошавшей область этого города реки, – имя, которое может быть переведено как «златоконная». Не менее характерно название Хазараспа – одного из древнейших городов Хорезма. Современная узбекская легенда связывает возникновение этого города, название которого этимологизируется как «тысяча коней», с именем пророка Сулеймана, который, подмешав к воде протекавшего здесь источника опьяняющий напиток, хитростью овладел тысячью прилетавших на водопой крылатых коней, отрезал им крылья и заставил служить человеку.

Наконец, Авеста дает нам также небезынтересный материал, освещающий, как нам кажется, и вопрос об отношении образа коня к двум анализированным нами выше образам.

Конь в Авесте и Бундахишн тесно связан с *А н г р о-М а й н ь ю*.

Напомню замечательный рассказ об Ангро-Майнью, принявшем образ черного коня и побежденном в этом образе братом Йимы – Тахма Урупой, выступающим в виде «сильной и быстрой лисицы». Напомню рассказ о тесно связанном с Ангро-Майнью демоне Апаоша, в образе черного коня, побежденном Тиштрией-Сириусом, наиболее характерным образом которого является образ быка с золотыми рогами.

Иконографическая связь коня и змея ярко выступает на мало-азийских рельефах с изображением «великой богини», где змей является несомненным атрибутом всадника – спутника богини и самой богини.

В эллинской мифологии крылатый конь Пегас, тождественный с крылатыми конями хазараспской легенды, рождается из крови змееволосой Горгоны.

Напомню еще раз текст, противопоставляющий «богатого быками» Атвья и «богатого конями» Пурушаспа – представителей двух родов, *gesp.* фратрий. Это противопоставление коня и быка как фратриальных тотемов в свете предыдущего изложения заставляет говорить о тождестве фратрий змея и фратрии коня, о принадлежности коня к комплексу тотемов змеиной фратрии.

В этой связи, возможно, лежит объяснение генезиса образов гиппокампа, крылатого (или бескрылого) коня-змея, образа, широко распространенного в среднеазиатском и близко родственном ему скифском изобразительном искусстве и вряд ли являющегося прямым заимствованием из Греции.

Нам уже приходилось писать о тесном взаимоотношении двух дуалистических систем первобытной идеологии – системы, основанной на дуализме фратрий, и системы, основанной на дуализме полов. Мы не можем здесь возвращаться к вопросу об их хронологическом взаимоотношении. Отметим лишь, что в мировоззрении современных первобытных народов они, как правило, сливаются воедино – и одна фратрия – а вместе с тем все ассоциирующиеся с ней явления мира – рассматривается, как мужская а другая как женская. Элементы этой классификации мы уже отмечали вскользь в анализируемых выше мифах. Афина, богиня-змея, ассоциируется с землей, ночью (сова, как атрибут богини). Коза является тесно связанным с Афиной животным. Бык – Минотавр, олицетворяет мужское начало и ассоциируется с солнцем, как и бык Митра.

Аполлон, мужское божество, змееубийца, ассоциируется с солнцем. Он богат стадами коров, из-за которых он ведет борьбу с ловким ребенком-вором, Гермесом, об имени и змеином кадуцее которого мы говорили выше.

Девственница Артемида, его сестра, ассоциируется с луной. Атрибутом ее является олень.

Бык – Геракл, убивающий еще в колыбели змеи, присланных Герой, победитель Лернейской гидры, ассоциируется с кругом солнечных божеств, в скифском мифе женится на деве-змее и гибнет по греческому мифу от яда гидры, в результате посмертной мести убитого им коня-человека – кентавра, невольным оружием которой является жена Геракла.

Потомок быка Феридуна – Заль женится на происходящей от Змея Даххака Рудабэ.

Всадник и конь – неизменный атрибут великой богини Скифии и Восточного Средиземноморья. Змей является ее другим атрибутом, змея, конь и женщина в характерном иконографическом сочетании выступают в изображении древневавилонской хтонической богини Лабарту (изображаемой стоящей на спине коня, в свою очередь, стоящего на змее и держащей в руках пару змей).

В комплекс явлений живой и неживой природы, классифицируемых с первой фратрией, входило солнце, день, мужское начало, золото, позднее – железо, тотемы барана, собаки и лисицы. В комплекс явлений, классифицируемых со второй фратрией, входили луна, ночь, земля, женское начало, медь, тотемы коня, оленя, козла, видимо, волка, ящерицы, лягушки, рыбы.

Стихия воды классифицировалась по обоим фратриям, и бык и змея в своем позднем оформлении выступают как водные божества. Видимо, это связано с представлением о нижних и верхних, земных и небесных водах.

По этим двум фратриям распределяется с большей или меньшей последовательностью большинство божеств и героев Восточного Средиземноморья.

Однако было бы ошибкой пытаться искать полной последовательности в этой классификации. Тотемы, духи и герои первобытной мифологии прошли, чтобы превратиться в могущественных богов античного мира, достаточно долгий путь разнообразных трансформаций и контаминации образов, сложной синкретизации мифов разных племен, чтобы эта первоначальная классифи-

кация сохранила свою последовательность. По существу можно говорить лишь об определенной тенденции каждого образа, его большей связи с одним из исследуемых нами комплексов, что, конечно, не исключает проникновения в его сложный состав элементов, связанных с образами другой фратрии.

Нельзя, впрочем, не учитывать и другой стороны вопроса – наличия более древнего пласта дуалистических мифов, в которых бык, как фратриальный тотем, вообще отсутствует, и тотемами обеих фратрий выступают различные виды змей

Мотив борьбы двух змей, чаще всего – красной и белой, широко распространен в ирано-арабском фольклоре, отраженном в сказках «1001 ночи». На северо-западе Евразии этот сюжет выступает в кельто-германской мифологии. Напомню борьбу красного и белого драконов на дне колодца в древне-британских мифах, отраженных в цикле сказаний об Артуре, причем тотемная основа мифа ярко выступает в связи красного дракона с «туземцами», белого с «пришельцами», в позднем оформлении первого с кельто-британцами, а второго с саксами.

Дуалистический характер мифа делает несомненным тотемную связь обеих змей первоначально с фратриями.

Процесс вытеснения одного из змеиных фратриальных тотемов быком, нам представляется, связан с осознанием значения отцовства, с осознанием роли мужского семени в процессе воспроизводства – явление, как мы знаем, в первобытной истории сравнительно позднее. В связи с этим один из ранее второстепенных клановых тотемов – бык, один из универсальных символов мужской силы, сперва ассимилируется с фратриальным тотемом, а затем вытесняет его. Следом этого процесса является возникновение древнего и очень широко распространенного (вплоть до Северной Америки, где, как мы видели, у ирокезов бык играет в дуалистической космогонии сходное с авестийской космогонией место) образа рогатой змеи, разновидностью которой является и «рогатый змей Срувара» мифа о Крсаспе. Может быть это дает право несколько сложнее, чем мы сделали выше, трактовать этот миф, видя в борьбе Крсаспы со змеем скрещение двух мифов фратрии змея: комплекса интихиумы (возлияние) и

комплекса борьбы змея-коня и змея-быка (рога Срувары). Может быть и в рыбах (resp. змеях) – быках – вишапах мы должны видеть эту переходную форму между древней и новой формой тотема бычьей фратрии.

Вытеснение образа змея образом быка идет, однако, как правило, гораздо быстрее, чем аналогичный процесс в отношении змея-коня, чем и обусловлена раскрытая выше и хронологически восходящая, видимо, к энеолиту (Мохенджодаро, Анау, Крит, Элам), противоположность фратрии быка и фратрии змея, вытеснение которого второстепенным тотемом той же фратрии – конем протекает значительно позднее.

Впрочем, это положение нельзя считать вполне универсальным. В некоторых случаях, по-видимому, фратриальные тотемы змеи оба трансформируются в коней, и тогда перед нами выступает мотив борьбы двух коней – белого и черного (Тиштрия – Апаоша) и мотив близнецов-коней (Ашвины – Диоскуры).

Таким образом мы можем подвести итог: под ранне-анимистическим близнечно-дуалистическим мифом Агура-Мазды и Ангро-Майнью мы можем раскрыть более древний, доанимистический тотемно-дуалистический миф о двух тотемах – демиургах, эволюционный ряд которых раскрывается, как переход от мифа о двух змеях, о змее и быке к мифу о коне и быке.

5. КАВИ И КАРАПАНЫ

Среди врагов зороастрийской религии, «духов и людей», список которых монотонно повторяется в заклитиях поздних частей Авесты, после Яшу, Пайрика, Сатра, неизменно стоят два имени, представляющих для нас особый интерес в виду того места, которое они занимают в Гатах и памятниках пехлевийской литературы (Бахман-Яшт, Дадистан и Даник и некоторые другие). Это – Кави и Карапаны («kik» и «karap» пехлевийских текстов).

Сочетания в этих списках-заклитиях имен кави и карапанов с именами заведомых духов побудило некоторых старых и новых интерпретаторов Авесты считать и их представителями мира демонов.

Однако в древнейшей части Авесты, в Гатах, они рисуются несомненными людьми – наиболее враждебными к учению Заратуштры представителями дозораострийских жреческих корпораций Средней Азии и Восточного Ирана.

Анализ авестийских текстов позволяет прийти к выводу, что ритуальная деятельность обоих жреческих объединений была связана с оргиастическим культом священного напитка Хомы и жертвоприношениями животных (в частности с кави связываются жертвоприношения рогатого скота – Гата XXXII, 14). Так в Гата XLV, II мы читаем: «Карапаны и кави объединили свои силы, чтобы погубить своими преступными делами род людской. Их собственная душа, их собственная природа их так ожесточили, что они идут к месту, где находится мост Синват, чтобы стать навсегда жителями обители лжи («друдж»). Гата XXXII, 12, говорит: «Мазда проклял того, кто учит убивать скот, того, благодаря кому карапаны соблазнились, удалились от истины и могущество стало уделом тех, кто любил ложь. Через это могущество соблазнитель заставил их прийти во владения порочного духа, разрушителя мира».

В Гата L, II мы читаем: «Кто друг святейшего Заратуштры, о Мазда? Кто просит его об истине? Какова святая чистота? Кто тот справедливый, кто проповедует на благо Доброму Духу? 12. Они не дружественны ему, Заратуштре святому, педераст и последователь кави, разрушители земли... 14. Своим учением и своим законом, своими делами и своими словами, карапаны не дают произрастать обильным произведениям пастбищ для процветания стад».

В Гата XLIII, 20 автор обращается к Агура-Мазде, говоря: «Я спрашиваю тебя, что (должно быть) для тех, которые противятся (закону Мазды), при помощи которых карапаны, усихи предали стада Аешме, благодаря кому кави достигли могущества?».

Отметим попутно, что в Гатах более конкретно выступают карапаны, своими действиями препятствующие процветанию скотоводства. Облик кави гораздо менее ясен, хотя стоит – это важно будет в дальнейшем – подчеркнуть, что им приписываются обладание могуществом, властью и жертвоприношения рогатого скота.

В пехлевийской литературе мы сталкиваемся со сходным явлением. Кави (kik) там только упоминаются, причем всегда, как в поздней Авесте, рядом с карапанами, в то время как о последних мы узнаем ряд очень важных подробностей.

Так, в Зад-Спарам 15.3. 17 I (SBE XLVII, 143 – 147) перед нами выступают пять братьев-карапов – Братрухш, Братройшин, Братреш Тур (он же Тур-и-Братарвахш, впоследствии убийца Заратуштры), Хазан и Вадаст в качестве жестоких врагов Заратуштры, преследующих его от колыбели до смерти.

Облик кави и карапанов (<– kaṣran) выступает перед нами яснее, если мы обратимся к анализу самих терминов.

Смысл загадочного названия одной из групп противников Заратуштры – карапанов, разъясняется как имя «членов жреческого братства бога-змея» первоначально просто «членов фратрии змея», отсюда и весь ряд значений – «жрец», «бог», «брат», «змей» и употребление имени в качестве широко распространенного этнонима (обычный путь фратриальных имен, благодаря своему межплеменному распространению чрезвычайно часто вытесняющих в качестве обозначения широких этнических общностей более узкие племенные имена). Однако и наша гипотеза может опереться не только на эти довольно сложные лингвистико-мифологические сопоставления. Мы располагаем и другим материалом, непосредственно отображающим социально-культурную сущность исследуемого нами явления. Я имею в виду широко распространенную в античном Восточном Средиземноморье религиозную корпорацию – братство корибантов.

Корибанты – служители малоазийско-фракийской матери богов – Кибелы и ее спутника, многоликого Диониса – Сабазия. Это религиозное братство, проникшее в эллинский мир с Востока, характеризуется оргиастическим характером культа, сопровождаемым экстатическими танцами, аккомпанируемыми ударами оружием в щиты или звуками тамбуринов. В иконографии корибантов, среди прочих символов, вряд ли не центральное место занимает змей. Весьма характерно в этом отношении изображение на пантикапейской фреске так наз. «гробницы 1905

года» или «склепа сабазиастов» (римское императорское время) фигур пляшущих корибантов, держащих в каждой руке по змее.

Змей является одним из важнейших атрибутов Сабазия, с культом которого связано, как показал Ростовцев, описанное изображение танцев корибантов. Другим его атрибутом является конь, а изображение этого бога в виде конного лучника вводит его в круг лунных богов-всадников – образ, широко распространенный в мифологии Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

Весьма интересно, что близко родственная корибантам организация идайских дактилов, о которой у древних авторов мы видим лишь легендарные данные («куретов и корибантов считают потомками идайских дактилов», пишет Страбон, X, 3 22) возводилась к 5 «первым мужчинам», культурным героям Фригии – прямая параллель пяти братьям – карапанам зороастрийской традиции. Любопытно и тесно связанное с этим представлением само название дактилов – «пальцы» – символ пятиричности, ярко отраженный в пережиточных религиозных верованиях и ритуале шиитских сект Средней Азии и Ирана, на связи которых следуемым комплексом мы остановимся ниже особо.

Сходство между вскрытым нами выше ритуально-мифологическим комплексом, ассоциирующимся с карапанами, жреческим братством фратрии змеи и комплексом корибантов, при полном тождестве имен, само по себе настолько убедительно, что его было бы вполне достаточно, чтобы считать историческую взаимосвязь обеих корпораций прочно установленной. Однако мы располагаем и прямым показанием античного автора, которое, будучи взято изолированно от нашего материала, звучало маловероятно, но, увязанное с ним, получает значение первоклассного исторического свидетельства. Я имею в виду слова Страбона: «Некоторые говорят, что корибанты пришли из Бактрии».

Я далек от того, чтобы понимать это свидетельство буквально. В нем, вероятно, мы имеем лишь туманный отголосок представлений о некогда существовавших корпоративных связях малоазийско-фракийских союзов корибантов с их далекими восточными двойниками.

Как мы покажем ниже, этнографический материал делает весьма вероятным факт столь широкого территориального распространения организаций этого типа, объединяемых общим именем и сознанием единства.

Перейдем ко второму интересующему нас имени *kavi* (ср. скр. – *kavi* – «поэт», «мудрец») – имени, замечательному своей близостью с именем царей полулегендарной бактрийской династии *kava* ~ *kavi* → *kai* (отсюда «кайяниды»), при одном из которых – праведном Кави (Кава)-Виштаспе подвизался Заратуштра. Этимология этого имени раскрывается перед нами из сопоставления с древнеиранским в усечении → (санскр. *go* – «бык», «крупный рогатый скот» новоперс. *gaw*. английское → *cow*, немецкое → *kuh*, «корова», позволяющее говорить о закономерности сопоставления *kava* →.

Мы уже говорили выше о быкоглавой палице, как символе власти каянидских царей, прозрачно указывающей на их связь не только по имени с религиозной корпорацией, ассоциирующейся с образом тотема – быка. Видимо, можно предполагать первоначальную связь царей – кави со жреческой корпорацией кави. В этом объяснение и тождества имен и постоянное упоминание Гат о «могуществе кави» и, наконец, весьма характерная двойственность отношения авторов зороастрийских текстов к кави – в противоположность последовательно враждебному отношению к карапанам.

Впрочем, об этом ниже.

Особое значение получает в этой связи имя параллельного с Трэтаоной героя бычьей фратрии, змееборца-кузнеца Каве (*Kaveh*). Этот одетый в фартук из кожи быка, ставший потом знаменем царей Ирана, сохранившимся до конца сасанидской эпохи, вождь восстания против нечестивого царя-змея Даххака, является ономастически истинным праотцом Каянидов, вытесненным, видимо, в процессе циклизации различных мифов, образом другого быка-змееубийцы – Трэтаоны. Весьма вероятно, что в ранних среднеазиатско-восточно-иранских мифах присутствовала концепция священного царя-кузнеца – образ, вполне объяснимый в свете этнографических данных, ибо у первобыт-

ных народов железного века, особенно у африканцев, мы постоянно встречаемся с кузнецом-жрецом, в одних случаях высоко почитаемым, в других, наоборот, презираемым, но вызывающим страх.

В связи с нашим сопоставлением карапаны – корибанты, я думаю, уместно будет вспомнить, что как карапаны в Средней Азии имеют в качестве своих двойников к а в и, так и корибанты в Восточном Средиземноморье имеют двойников – к а в и р о в, организация, часто смешиваемая с корибантами.

Если история корпорации корибантов раскрывалась перед нами, как развитие на средиземноморской почве древней, связанной с фратрией змея – коня – луны и хтонической сферы среднеазиатско-малоазиатской культовой организации карапанов, то и среднеазиатская корпорация к а в и, связанная с фратрией быка-солнца, дала свое развитие на средиземноморской почве в корпорациях, связанных с культом кавиров.

Однако этим дело не ограничивается. Гораздо более фундаментальным проявлением влияния жреческой корпорации фратрии быка-солнца на средиземноморской почве является более позднее историческое движение, связанное с организацией митраистов, культ и устройство которых известны нам несравненно лучше, и это дает нам возможность ретроспективным светом осветить и остающиеся пока темными черты устройства древних союзов фратрии змеи и фратрии быка.

Чтобы не повторять общеизвестные вещи, ограничусь кратким резюме:

1. Корпорация последователей Митры – тайное общество, с иерархическим расчленением на семь ступеней посвящения со сложной обрядностью инициации, сопутствующих приему в состав общества и движению по ступеням посвящения.

2. Некоторые из ступеней посвящения носят имена животных (ворон, лев) и представители этих ступеней носят во время религиозных церемоний маски этих животных.

3. Основным обрядом общества является интихиума – ритуальное убийство тотема и причащение ему, проливающее свет и на генезис митраистического мифа.

4. Жизнь общества концентрируется вокруг тайных святилищ – митреумов, сочетающих в себе храм быка – Митры и место для общественных собраний и коллективных трапез.

Все эти черты позволяют нам подойти к пониманию исторических корней обеих исследуемых нами организаций, развитием одной из которых, несомненно, является корпорация митраистов, развитием второй – менее широко распространенная, но все же достаточно внушительная корпорация сабазиастов.

Обе корпорации с их связью с фратриями, с их тайными культурами, сложной системой инициации, сложной градацией членства по степеням посвящения, своими танцами в масках, своими коллективными трапезами и целым рядом других, не менее характерных признаков, исторически раскрываются перед нами, как проявление одной из чрезвычайно типичных для эпохи расцвета и упадка материнского родового строя общественно-культурных организаций. Я имею в виду генетически тесно связанные с фратриями первобытные объединения, известные в литературе под названием тайных с о ю з о в.

Выдающаяся роль тайных союзов в жизни первобытных народов, особенно на поздних этапах материнско-родового строя и позднее, общеизвестна. Тайные союзы генетически связаны с союзами мужчин и системой возрастных классов и инициации – явлениями, возникающими на ступени расцвета материнского рода, когда мужчины создают свои организации, ведущие борьбу за закрепление в обществе господствующего положения мужчин, оттесненных на второй план по сравнению с женщинами системой матрилинейной филиации и матрилокального брака и ведущей ролью женщин в общинном домашнем хозяйстве. Мужские союзы отражают первые шаги движения по пути к патриархату.

Зарождение на последних этапах матриархально-родового строя рабства и имущественной дифференциации, подготавливающих крушение первобытно-общинного строя, возлагает на мужские союзы новые функции, содействуя их трансформации в «тайные общества», террористические организации, осуществляющие примитивные функции публичной власти, охраняющие зарождающуюся собственность, обуздывающие межплеменные

распри мерами религиозного, а иногда и физического террора, обеспечивающие подчинение непосвященных, рабов и женщин.

Отдаленный отголосок тайных союзов дожил в Средней Азии до недавних дней.

Я имею в виду своеобразные представления узбеков и таджиков, казахов, киргиз, населения В. Туркестана и других областей о так называемых «чильтанах» – сорока «тайных святых» или «сокровенных людях» («риджалъ-аль-гайб»). Это представление, как показало исследование М.С. Андреева, имеющее длительную историю, прослеживаясь в литературных источниках вглубь по меньшей мере до XIV века и переплетаясь с другими верованиями суфийского и исмаилитского круга, несет на себе ряд черт, позволяющих установить тесную его связь с традициями тайных союзов первобытных народов.

В представлениях о чильтанах могут быть отчетливо выделены два пласта. Один – суфийско-исламистский, отделяющийся сравнительно легко, являясь лишь внешней оболочкой глубоко архаического ядра. Для нас интереснее второй, более древний пласт, отраженный, прежде всего, в верованиях широких народных масс, особенно – в глухих уголках Средней Азии. Согласно верованиям этого круга, чильтаны – это сорок людей, днем пребывающих в виде людей обычных, так что никто не подозревает об их принадлежности к корпорации, а ночью собирающихся вместе, в пещере, в горах. По представлению жителей долины Ях-су (Вост. Бухара), чильтаны похищают у людей скот, уводят его в свои горные убежища, режут и питаются им. Таджики этого района зовут их «чильтан-каракчи» – «воры-чильтаны», что не мешает им почитать их как «святых».

В Туркестанском районе М.С. Андреев записал рассказ, одним из эпизодов которого является коллективная трапеза чильтанов, причем пищей их здесь служит рыба. Деятельность чильтанов, по представлениям народа, разнообразна, но не вполне ясна. Они, с одной стороны, выступают в роли защитников людей от злых сил, помогают одиноким путникам находить дорогу в пустыне, помогают людям при помощи магических действий избавиться от той или иной опасности или достигнуть успеха в том или ином деле.

Вместе с тем их следует опасаться. Ни в коем случае нельзя начинать какое-нибудь дело или отправляться в путь, повернувшись в ту сторону, где в данный момент находятся чильтаны. Существуют даже специальные рукописные таблицы, которые служат для того, чтобы узнать, в какой стороне горизонта они находятся в данный день месяца, чтобы избежать табуированного направления в их сторону. По одной таджикской легенде, записанной в Северном Афганистане, чильтаны нагими вторгаются в город, захватывают у жителей фрукты и другие продукты и поедают. Когда же народ добивается у их руководителя, чтобы они ушли, они уходят, но зато на город, на людей и животных обрушивается мор, от которого жители избавляются, лишь умилив чильтанов.

Характерно, что с представлением о чильтанах были связаны оргиастические радения – мужские и особенно женские, связанные с ночными плясками и ритуальным гомосексуализмом, на которых мы остановимся ниже. Число участников этих радений, как и чильтанов, должно было быть ровно сорок. Здесь явная параллель как с оргиастическим характером организации корибантов-карапанов, так и с секретными церемониями первобытных союзов.

Чильтаны имеют иерархическую организацию, возглавленную «одним» (як-тан) «гроссмейстером» этого своеобразного ордена. Ниже стоят «четыре», имеющие название «кутб» – «полюс», и управляющие четырьмя странами света. По другим представлениям, видимо, как правильно отмечает М.С. Андреев, сложившимся под влиянием древнеиранского представления о семи высших духах, охраняющих семь кешваров (областей), за «одним» следует «семь» (хафт-тан). Для нас интересно первое, более, видимо, специфичное для чильтанов, как таковых, представление об «одном» и «четырех». Эти 5 высших представителей чильтанской иерархии, видимо, соответствуют 5 «братьям-карапанам» пехлевийской традиции, во главе с их предводителем Тур-и-Братар-Вахшем.

Особенно важен для нашей темы способ пополнения числа чильтанов. В случае смерти одного из сорока, чильтаны выбирают среди людей того, кто им внушает доверие и нравится, и похищают его. По некоторым представлениям, они похищают взрослых людей, но несравненно более часто поверье, что они похищают

юношей и особенно маленьких детей. Дети постоянно находятся под угрозой их похищения чильтанами, и матери защищают их от этого магическими действиями и жертвоприношениями чильтанам. Смерть ребенка связывается во многих районах Средней Азии с представлением о похищении чильтанами.

Я подчеркиваю этот момент особо, ибо представление о смерти как этапе посвящения в таинства является одним из важнейших элементов верований, связанных с инициацией детей и юношей в первобытные союзы.

Трудно, конечно, сказать имеем ли мы здесь дело с поверьем о не существовавших уже в то время, когда собирал свой материал М.С. Андреев, тайных религиозных корпорациях – или с реальной, местами сохранившейся организацией, за внешней тонкой оболочкой ислама сохраняющей нетронутые пласты первобытных верований и ритуальной практики. Думаю, что живость представлений и реалистические подробности некоторых, передаваемых М.С. Андреевым рассказов, заставляют предполагать скорее второе и видеть здесь, правда, почти исчезнувшую, форму общественно-культового объединения.

«Тайные союзы» являются организацией, историческая роль которых в процессе становления классового общества учтена еще в ничтожной мере. Если в цитированной выше нашей работе мы попытались подчеркнуть их значение как общественной силы, организованно выступающей в процессе преобразования общества, переходящего от доклассовой к классовой, рабовладельческой стадии своего развития, здесь я считаю особенно важным подчеркнуть их роль в процессе межплеменной консолидации, в процессе перехода от племени и конфедерации племен – к народу как новой форме этнографической общности.

6. АТЕШ-КЕДЕ

Широкая улица, разделяющая городище Джанбас-кала на два фратриальных жилых массива, начинаясь от хорошо укрепленных ворот этого древнего селения, упирается противоположным концом в развалины высокого здания с мощными глинобитными стенами и сейчас еще, хотя ветры и дожди и пре-

вратили его в оплывший глиняный холм, господствующие над обширной площадью городища.

Нами раскопана лишь лучше сохранявшаяся половина здания. Но и ее достаточно, чтобы решить вопрос о его назначении

Поднявшись по глиняному пандусу, мы попадем сперва в узкий предвходный коридор, из которого налево ведет дверь, некогда закрывающаяся створкой, опирающейся на каменную пятю.

Через комнату, назначение которой определить не удалось – слишком сильно она была разрушена промоиной, мы попадаем в небольшое помещение в с.-з. углу дома, являвшееся главной комнатой раскопанной части здания. Комната трижды перепланировалась. В древнейшем своем виде она представляет весьма характерную картину: в центре поднимается тщательно сложенное из крупного сырцового кирпича овальное возвышение с плоской поверхностью, покрытой гладкой глиняной обмазкой. Кругом комнаты идет узкая (в 1,5 кирпича) и низкая (в 1 кирпич) вымостка, расширяющаяся у противоположной входу короткой стены в широкую кирпичную платформу.

Между центральным возвышением и вымосткой остается неширокая канавка, со всех сторон окружающая овальное возвышение.

Через некоторое время комната была перепланирована. Был настлан новый глиняный пол, перекрывший прежнюю вымостку. Центральное возвышение стало ниже, сохранив, однако, свою форму. Вместо старой широкой вымостки вокруг комнаты была воздвигнута скамья той же ширины, где и прежняя вымостка (в 1,5 кирпича), но гораздо более высокая (ок. 40 см). Вся комната оказалась сплошь заполненной белой минерализованной золой, – золой от топлива, а не от пожара, золой, характер которой говорит о полном сгорании топлива.

После того как золы накопилось слишком много, ибо она не выбрасывалась из помещения, пол был снова нивелирован поверх уплотненной золы. А так как центральное возвышение оказалось ниже пола, посредине последнего было оставлено овальное углубление, повторяющее очертания возвышения, оказавшегося, таким образом, на дне своеобразной овальной ванны.

Анализ всего изложенного привел нас к выводу, что в исследуемой комнате мы должны видеть зороастрийское святилище изучаемого поселения, святилище, где горел неугасимый огонь, вероятно, на металлическом жертвеннике, поставленном на овальном алтаре.

Зола священного огня не выбрасывалась из помещения и, по мере новых нивелировок, жертвенник оказывался все ниже, пока не ушел на дно углубления в середине пола.

По своей первоначальной планировке святилище огня в Джанбас-кала очень близко к святилищу в храме огня в Шапуре и к маленькому храму огня VI-VII вв. н. э., раскопанному нашей экспедицией в 1938 г. в Тешик-кала. Не меньший интерес представляет другая комната нашего здания, расположенная между тремя описанными и стеной городища.

Это – огромное (14 x 8 метров) помещение с совершенно гладким полом, на котором в изобилии лежали фрагменты бытовой керамики и раздробленные кости животных – остатки пищи. Перед нами, несомненно, место каких-то многолюдных собраний и трапез.

В целом – перед нами не что иное, как общинный «дом огня», один из тех «домов огня», которые для более позднего времени описывает у жителей Согдианы ал-Бируни. По ал-Бируни «дома огня» были в каждом селении. В этих домах во время многочисленных годовых праздников древние согдийцы собирались для общественных трапез.

Скудные данные ал-Бируни и материалы раскопанного нами памятника первых веков до н. э. становятся ясными в свете этнографических данных.

«Дома огня», под тем же именем («алау-хона»), до сих пор сохранились в деревнях горных таджиков. Это – специальная постройка при мечети (след древней роли этих сооружений в культурной жизни отдаленных предков современных таджиков), где мужчины селения собираются для решения общественных дел и проводят большую часть свободного от работы времени, совместно доставляя дрова для постоянно горящего здесь большого очага и продукты для совместных трапез. Это же помещение служит местом, где находят себе приют прибывшие в селение чужеземцы.

По существу тождественны с «алау-хона» горных таджиков «михмон-хона» – «дома для гостей» ягнобцев, о которых описавший их А.Н. Кандауров пишет: «Это, во-первых, место, где собираются сельчане-мужчины для решения совместных дел (ремонт и работы по ирригационной сети, пользование общественными пастбищами, ремонт дорог, дола, касающиеся сельсовета и т. д.), где даются также советы односельчанину по делам семьи и хозяйства, где, наконец, просто проводят время за совместной беседой, слушают выступления местных музыкантов, певцов и сказочников; во-вторых, место, где собираются мужчины селения или квартала вечером, осенью и зимою для традиционной совместной трапезы (это особенно характерная черта ягнобской михмон-хоны); в-третьих, место, где оказывают гостеприимство путнику, лицу, постороннему для данного селения, остановившемуся по каким-либо делам в селении на некоторое время или на одну ночь».

«Алау-хона» горных таджиков через ягнобскую «михмон-хона» связывается с еще одним бытовым явлением, несравненно более широко распространенным в Средней Азии.

Исключительно крупная общественно-бытовая роль среднеазиатской чай-ханы, мне представляется, позволяет и в этом, на первый взгляд, весьма непервобытном учреждении, видеть упрямо прошедший через эпоху ислама осколок того же доисламского общественно-культурного учреждения.

Чай-хана – не только гостиница и место, где за деньги можно получить питье и пищу. Это – место, где мужское население городов и селений Узбекистана и Таджикистана проводит значительную часть свободного времени, место общественных собраний и деловых встреч.

Обычно в каждой «махалля» среднеазиатского города есть своя, постоянно посещаемая жителями этого квартала, чай-хана, где протекает значительная часть их досуга.

При этом именно с чай-ханамы связан характерный институт складчинных угощений, широко распространенных, главным образом, среди мужской молодежи, совместно приготовляющей в своей квартальной чай-хане традиционное мужское блюдо – плов.

Обособленность мужской и женской кухни (даже дома плов, как правило, готовят мужчины), столь типичная для быта оседлого населения Средней Азии – явление глубоко архаичное, восходящее еще к ступени охотничье-собирательного и, позднее, мотыжно-земледельческого хозяйства и связанного с ними межполового разделения труда (мужчина – охотник, женщина – собирательница, позднее – земледелец и гончар).

Г. Кунов прослеживает это характерное разделение мужской и женской кухни, при котором каждый пол prepares продукты своего производства – у северо-американских индейцев (мужчина prepares мясную, женщина – растительную пищу), у меланезийцев (мужчина в мужском доме жарит мясо и печет таро и ямс, женщина дома варит пищу), и, наконец, у наиболее близко стоящих к общественному укладу древней Средней Азии – полинезийцев (мужчины вообще становятся главными поварами – в связи с тем, что из-за утраты керамики искусство варки пищи было почти утрачено. Женской сферой становится приготовление напитка – кава).

Вообще разграничение мужской и женской сферы труда и быта, закрепляемое табуацией для обоих полов всего связанного со сферой противоположного пола, вплоть до почти полной бытовой изоляции обоих полов – явление весьма характерное для первобытных народов всех частей света.

Элементы такой табуации несомненно были налицо в быту народов Средней Азии еще в очень недавнем прошлом. Выяснение исторических корней института затворничества женщин не может пройти мимо этой стороны вопроса. Являясь в своей средневековой форме, в основном, порождением патриархально-рабовладельческого уклада семьи, многими своими конкретно-бытовыми чертами этот институт уходит еще в матриархальную эпоху с ее бытовой изоляцией полов.

В Средней Азии до недавнего прошлого сохранялись не только сферы труда и быта, запретные для женщин, но и сферы, запретные для мужчин. Было бы большой ошибкой предполагать, что женщины были замкнуты в четырех стенах семейных домов. Женщины имели свои, недоступные для мужского пола формы

объединения, наличием которых как бы компенсировалось отстранение их от общественной жизни мужчин.

В этом отношении особенно характерно женское скотоводство горных таджиков. Скот на летовках обслуживается исключительно женщинами, причем в течение первых семи дней по выходе на летовку доступ туда для мужчин табуирован.

Генетические связи таджикских «алау-хона» и ее дериватов «михмон-хона» и «чай-хона» resp. «атеш-кеде» в древней и средневековой Средней Азии совершенно прозрачны. Это не что иное, как мужские дома, – столь широко известные для Меланезии, Микронезии, Индонезии, Индокитая, Северной и Южной Америки, в модифицированных формах – для Полинезии, Африки, Южной Азии и в виде пережитков – для Индии, Передней Азии, Средиземноморья, Европы.

Почти постоянное местопребывание мужчин, коллективно организующих свое питание, место решения всех общественных дел, место остановки приезжих, наконец, место общественного культа, танцев и театрализованных действий и календарных праздников – эти признаки делают идентичность «домов огня» и «мужских домов» несомненной.

Впрочем, и в Средней Азии, вернее, в непосредственном соседстве с ней, на южном склоне Гиндукуша, мы встречаем мужские дома в полном расцвете, лишённые какого бы то ни было налета зороастризма или ислама.

Я имею в виду «громмы», «танцевальные дома» кафиров Гиндукуша, прекрасно описанные Робертсоном, посетившим в 1888 г. деревни кафиров, тогда еще не обращенных огнем и мечом афганцев в ислам.

Этнография Кафиристана вообще имеет совершенно исключительное значение для истории дофеодальной Средней Азии. Кафиры, сумевшие до конца XIX века сохранить независимость от бесчисленных, в течение тысячелетий сменявших друг друга феодальных владык соседних долин, сочетавшие во времена Робертсона примитивные рабовладельческие отношения с полнокровной родовой организацией, патриархальной в основных чертах, но в билатеральной экзогамии сохранившей пережиток матриар-

хальной стадии, – это живой осколок домусульманского Тохаристана, причудливым ходом истории доживший до наших дней.

Их укрепленные прямоугольные деревни, обращенные вовне глухими вертикальными деревянными стенами двух- или трехэтажных домов, ступенями спускающихся к центральной площади или улице, живо напоминают нам, несмотря на различие материала, с одной стороны, публо Новой Мексики, с другой, – нашу Джанбас-калу. Как подземное святилище – «кива» в публо и «дом огня» в Джанбас-кала, средоточием деревни является «громма» – дом для церемониальных танцев, общественных празднеств, храм местных божеств и место для гостей. Так, громмы деревень кафиров Пресун (Вирон) – «очень велики, так как служат как дома для гостей и должны вмещать большое количество людей. В одном углу обычно имеется небольшое святилище, содержащее грубо вырезанный идол какого-то божества». Доступ женщинам внутрь громмов запрещен. Они могут только наблюдать за церемониями через отверстия между редкими балками стен.

Уже Шурц, основываясь на данных Робертсона, сопоставил эти «танцевальные дома» кафиров с мужскими домами первобытных народов.

Мы можем сделать из вышеизложенного весьма существенный вывод: мужские дома в домусульманской Средней Азии были одним из широко распространенных и общественно значительных бытовых явлений. Они были связаны с общественными трапезами и ритуальными плясками, являясь центрами архаических оргиастических культов. И, как везде, мы можем проследить на этнографическом материале, именно в них нужно искать наиболее глубокие исторические корни тех неотделимых от мужских домов, «тайных *gesp.* мужских союзов» Средней Азии, анализ которых является объектом нашей работы.

7. КАВИ, КАЯНИДЫ И ЦАРИ-ЖРЕЦЫ ДОМУСУЛЬМАНОКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Образ пророка Авесты, Заратуштры, тесно связан с комплексом фратрии быка *gava* ~ *kava* ~ *kavi*. Мать Заратуштры *Dughdhavo* связывает с этим комплексом его своим именем, довольно про-

зрачно раскрываемым как «дева-корова» или «дочь коровы». Она зачинает пророка не от его «отца» Пурушаспы, играющего в зороастрийской традиции двусмысленную роль «старца Иосифа» Евангелия, а от коровьего молока и священного растения Х о м ы.

Перед нами последовательно матриархальный и крайне архаический миф, отражающий верования, наблюдаемые у наиболее отсталых народов – в частности, у австралийцев. Заратуштра принадлежит, таким образом, к материнской фратрии, фратрии Кава или Kavi, к фратрии быка. Отец его, точнее, в архаическом слое мифа – муж матери, Пурушаспа принадлежит к другой фратрии – фратрии «змея-коня», к фратрии карапанов. Его собственное имя, Пурушаспа, мы видели выше в Авесте противопоставленным, как имя фратрии коня, имена фратрии быка Атвья. Это дает основание думать, что в имени отца пророка мы встречаем лишь синоним одного из названий его фратрии. Фратриальная принадлежность Пурушаспы сказывается в его поведении во время первых покушений карапанов, когда он оказывается их сообщником, непосредственным исполнителем покушения.

Спасается младенец-пророк в бычачьем хлеву, под покровительством своего тотема. В этой связи можно вернуться к противоречивому отношению Авесты к кави. Кави, как таковые, как мы видели, выступают в тексте как враги Заратуштры, рядом с карапанами. Однако Кави Виштаспа, да и вообще вся династия каянидов – бактрийских кави выступает в качестве положительных образов Авесты. Мне думается, вряд ли здесь можно видеть простой результат изменения отношения Заратуштры к «царям-кави», связанное с победой его учения.

Я склонен рассматривать само имя кави в двойственном значении. С одной стороны, это параллельная жрецам змеи, карапанам, организация жрецов быка. С другой – это титул главы корпорации быка, совмещающего этот пост с политической властью в качестве царя-жреца. Религиозные реформаторы, атраваны, учение которых персонифицировано в Гатах в образе Заратуштры, как будто, на первый взгляд, одинаково враждебны обоим древним культовым союзам – и кави и карапаны клеймятся авторами Гат как враги Заратуштры. Однако зороастрийская тради-

ция не оставляет сомнений в том, что именно вожди религиозно-го союза фратрии быка объединили под своей властью племена древней Бактрии, став, следовательно, над обеими фратриями. Этим можно объяснить и проникновение культа Ангро-Майнью в образе черного коня в официальную религию окружения Кави Виштаспы, и само имя этого царя, и наличие при его дворе карапанов. Вероятность этого тем значительнее, что и у первобытных народов – в частности – у хопи и цуньи, мы сталкиваемся с взаимосвязью культов обеих фратрий: члены братства антилопы активно участвуют в ритуальном «танце змей» – важнейшем элементе аграрного культа индейцев пуэбло.

Эта тенденция синкретизации обоих фратриальных культов нашла полное выражение и завершение в индо-арийской мифологии и культе. Бык и змея – важнейшие священные животные почти всех народов Индии. Бык и змея вместе являются важнейшими атрибутами одного из величайших божеств Индии – Шивы, не говоря уже о Вишну, змеиная символика которого имеет резко выраженный характер.

Мы уже отмечали тенденцию синкретизации обоих фратриальных комплексов в образе Крсаспы. Видимо, еще ярче эта тенденция проступает в образе Сиявуша-Сиявахша, рисуемого Шах-намэ в образе всадника на черном коне, ассоциирующегося с Сабазием (комплекс змеи) и вместе с тем своей огненной инициацией связанного с кругом солнечных божеств.

Вместе с тем, реформаторское движение с его монотеистической тенденцией, сформировавшееся, видимо, как оппозиционное крыло в недрах более могущественной «корпорации быка», восстает против этого развивающегося в процессе трансформации первобытного анимизма политеистического синкретизма. «Кави, достигшие могущества, благодаря объединению с карапанами», оказываются, по Гатам, в лагере врагов Заратуштры. Тенденции монотеизма сочетаются, таким образом, здесь с ортодоксальностью фратриального культа кави. Адептам Заратуштры враждебны не кави вообще – они сами кави, а «кави, объединившиеся с карапанами». «Религиозная революция» зоорастризма выступает таким образом формально, как реакция,

как борьба за чистоту древнего фратриального культа кави. Не случайно первыми делами Заратуштры при дворе Виштаспы являются уничтожение культа черного коня и изгнание посрамленных карапанов. Пришедшие к власти атраваны – это те же кави, но кави-монополисты, кави, находящиеся не в условной, ритуальной, а в фактической, непримиримой вражде с карапанами.

Так из подготовленной, в процессе сопровождающей трансформацию первобытной «военной демократии» в примитивно-рабовладельческое общество социальной борьбы, переходом политической власти в руки вождей фратрии кави, окончательной победы религиозной корпорации кави над ее соперниками карапанами, рождается принципиально новая форма религии, зороастрийский маздеизм, религия уже не первобытно-общинного, а архаического рабовладельческого строя.

Наша интерпретация двойного смысла термина «кави» позволяет нам вновь вернуться к тексту, послужившему отправным пунктом нашего исследования. Ритуальное состязание фратрий в домусульманской Фергане возглавляется царем и служит обеспечению урожая. Эта роль царя в связанном с фратриями ритуале аграрной обрядности заставляет нас поставить вопрос – можно ли считать царей-жрецов, совмещавших светскую власть с постом главы общественно-культурной корпорации, институтом, характерным и для Средней Азии лишь отдаленного, авестийского времени?

Обратимся к тем немногим фактам, которые сохранили для нас источники, рисующие политический строй Средней Азии в эпоху, непосредственно предшествующую арабскому завоеванию. Уже в исходном тексте нашего исследования царь Ферганы танского времени возглавляет ритуальную церемонию новогоднего состояния фратрий. Эта роль древних среднеазиатских царей, как руководителей общественного культа, выступает и в других источниках. Так, по Нершахи, царь домусульманской Бухары ежегодно возглавлял ритуал продажи новых идолов на специальном рынке. Как мы пытаемся показать в другом месте, этот «базар идолов» был одним из важных звеньев культа умирающего и воскресающего божества Средней Азии – Сиявуша, среднеазиатского Сабазия, причем статуэтки этого божества ежегодно уничтожались,

чтобы, в знак воскресения бога, быть замененными новыми, как это имело место в античном мире с изображениями бога Адониса.

Фрэзером была блестяще показана связь культа умирающего и воскресающего бога растительности с институтом царей-жрецов, одинаково типичным и для древнего Средиземноморья, и для Африки, и для Южной и Восточной Азии. Отметим важные для нас черты исследованного Фрэзером комплекса «священных царей». 1) Представление о царе, как о персонификации племени, физическом носителе его безопасности и благополучия, в частности, связь физического состояния царя и плодородия почвы; 2) связанное с этим ритуальное убийство царя, своей болезнью, слабостью или старостью ставящего под угрозу персонифицированное в нем благосостояние страны; при этом такое убийство нередко принимает архаическую форму ритуального единоборства царя и претендента; 3) божественное происхождение царской династии; 4) роль царя как жреца, прежде всего, как жреца умирающего и воскрешающего бога растительности и одновременно как воплощения этого бога.

Все эти элементы мы находим отраженными в институте царской власти домусульманской Средней Азии и зафиксированными в китайских и, частично, арабских источниках.

Мы уже отметили два факта роли царя как верховного жреца календарно-аграрного культа в Фергане и Бухаре. Налицо и остальные элементы интересующего нас комплекса. Хорезмийская царская династия возводила свой род к Сиявушу-Сабазию. Теофорное имя, связанное с этим богом, было употребительным именем хорезмшахов этой династии (шестой и четырнадцатый шахи списка аль-Бируни) – так же, как имя Аттиса, мы видим частым среди фригийских и лидийских царей. Весьма вероятно, что передаваемое китайцами в форме Чжао-ву фамильное имя царей Хорезма, Бухары, Кабудана, Ташкента, Маймурга, Кушании, Кеша, Варданы – является транскрипцией имени Сиявуша. Царь носил титул бога. Так он, по данным согдийских документов VIII века и сведениям, даваемым ибн-ал-Асиром о процессе афшина Хайдера ибн-Кауса, титуловался в обращенных к нему письмах.

Физическая особа царя была священна и, по крайней мере в некоторых царствах, он не имел права «стричь, а иногда даже

показывать волосы, чтобы не навлечь этим неурожая на свое государство».

Большой интерес представляет один текст из записок о Западных Варварах Вэй Цзы, относящийся к Самарканду Танского времени:

«Первый день шестого месяца считается у них началом года. Когда приходит этот день, царь и народ одевают новые одежды и подстригают волосы и бороды у опушки леса к западу от столицы и в течение семи дней состязаются в стрельбе из лука с коня. Когда приходит последний день, в качестве мишени помещают золотую монету на листок бумаги. Кто попадет, тот получает право быть царем в течение одного дня».

Этот ритуал, на связь которого с исследуемым им комплексом обратил внимание уже Фрэзер, является, несомненно, переживанием обычая замещения места вождя путем ритуального состязания, первоначально, вероятно, поединка.

Бесспорно, к этому же комплексу входит описанный Табари (II, 1146) согдийский обычай, согласно которому в Самарканде ежегодно ставился стол с угощением кушаньями для храбрейшего воина Согда. Прикоснувшийся к угощению этим вызывал на бой своего предшественника. Победитель в поединке, убивший своего противника, в течение года сохранял почетное звание первого героя Согда, но в установленный срок должен был ждать у стола с яствами нового претендента.

У кочевых соседей среднеазиатских земледельческих государств, кочевников-тюрков VI – VIII вв. н. э. пережитки обычая ритуального убийства кагана, по китайским сведениям, были еще живыми. Вот что пишет по этому поводу хроника династии Тан:

«При возведении государя на престол ближайшие важные сановники сажают его на войлок и по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают поклонение перед ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковой тканью, потом, ослабив ткань, немедленно спрашивают: сколько лет он может быть ханом?».

Тот же институт мы находим у хазар (в связи с исследуемым им циклом божественных царей хазарский обычай поставил сам

Фрезер), политический строй которых является сколком с политической организации западно-тюркского каганата, с которым неразрывно связан подъем Хазарии. Сакральный характер власти хазарских каганов, рядом с которыми правила фактические цари-беги – общеизвестен.

Вывод, нам кажется, ясен. На всем протяжении домусульманской истории Средней Азии царская власть в ее государствах сохраняла архаический сакральный характер, цари являлись воплощением божества и верховными его жрецами.

В этом, нам думается, ключ к тому своеобразному характеру отношений между среднеазиатскими царями и теми, возглавленными, как увидим ниже, древними тайными союзами, народными движениями, которые развертываются в Средней Азии в эпоху арабского завоевания. Но об этом ниже.

Сейчас отметим лишь то, что если для VIII века н. э. институт царей-жрецов являлся живым институтом среднеазиатской действительности, тем более понятно, что на заре среднеазиатской истории, в темную эпоху Авесты этот институт выступает еще более мощно.

И если в VI-VIII вв. ферганский царь возглавляет ритуальное состязание фратрий, тем более понятно, что в первой половине первого тысячелетия до н. э., в эпоху формирования древнейшей Авесты, главы тайного союза фратрии быка, кави, возглавляли процесс консолидации древнейших государственных образований Средней Азии.

* * *

Нам остается подвести некоторые итоги. Зороастризм с его дуалистической мифологией, с его близнецами-врагами, грандиозная борьба которых формует мир, с его мифами о борьбе выросших в космические образы тотемов быка и змеи – тотемическая ипостась тех же братьев-врагов, в ряду великих религий евразийской цивилизации сохраняет наиболее архаический характер. Древние дуалистические близнечно-тотемические мифы, неотделимые от самой фундаментальной организации первобытного общества – дуально-родовой организации, при-

сутствующие во всех религиях древности в редуцированной форме, оттесненные на второй план политеистическим пантеоном стихийных божеств, в своем соподчинении отражающих новую, патриархально-рабовладельческую фазу истории общества – здесь выступают на поверхность, пронизывая собой всю ткань религиозной идеологии. Элементы формирующегося политеизма еще подчинены здесь мощному комплексу первобытного анимистического и тотемического дуализма.

И это понятно, ибо мы видим, анализируя «ферганский науруз» и планировку Джанбас-калы и их переживания в средневековой Средней Азии, что дуальная организация, создавшая эту древнюю систему религии, продолжала здесь жить, каждодневно питая корни религиозного дуализма, что по крайней мере в народных массах жили все те элементы первобытной религиозной организации, которые обеспечивали стойкость первобытных верований.

А большие общинные дома-кварталы Джанбас-калы раскрывают перед нами и «сокровенную тайну» этой устойчивости, ибо продолжало в рамках примитивно-рабовладельческого строя жить общинно-родовое хозяйство, в котором коллективистический быт не мог не соединяться с общинным характером сельскохозяйственного производства. Сила продолжающей свое историческое существование в рамках рабовладельческого строя общины неизбежно накладывала свой отпечаток на форму политической организации. Государство как орудие власти рабовладельцев над рабами и свободными общинниками, в качестве средства господства над последними широко использовало религиозные традиции предшествующего исторического периода. Так формировался и закреплялся образ носителя политического суверенитета патриархально-рабовладельческих государств Востока – неограниченного владыки, поддерживающего свою власть всеми средствами военно-полицейского террора – по отношению к рабам и покоренным иноземцам, и верховного вождя-жреца, власть которого была освящена древней религиозной традицией – по отношению к свободным соплеменникам.

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ

ОХОТА ЦАРЯ БАХРАМ-ГУРА САСАНИДА

Фрагмент поэмы

Царь Бахрам-Гур Сасанид! святы бессмертны стрелы псы
кони жены охоты твои!... Йездигирт! Йирт!.. Йи!..
Вот скачут мечут на нагих шелковых конях четвероногих
постелях десять нагих блаженных блудных медово
уязвленных удовлетворенных царем жен жен жен!..
Царь побереги пощади свои несметные семена царя свои
зерна свои жемчужные избыточные урожаи!..
Царь зачем золотые семена золотые монеты динарии рабам
неистово даришь расточаешь разбрасываешь швыряешь?
Царь как горная река неистовствуешь?
Царь гуляешь?
Царь умираешь?
Царь в раба претворяешься?

Нет!..
Не щадит!..
Не бережет!..

И тонут жены кони лани стрелы псы шиповники ущелья
реки горы в половодье царских урожаев!
Царь! пусть жены рабыни разъятые раскрытые распахнутые
до медового алмазного пупка скачущие ярые царей
царевичей цариц рождают!
Пусть будет народ царей коней а не народ рабов баранов!
Айя!

Царь Бахрам-Гур Сасанид! Царь царей! Летит твоя охота по
этим путям и тем, по аду и по раю!
И пыль загробных адовых путей в небесах пыль звездная
августовская звездопадная пыль млечных охотничьих путей
гуляет оседает опускается на брэнную землю и на брэнные
скоротечные очи наши...
Царь, гуляешь? Царь, сыплешь палыми звездами?

Последняя среда

Царь! Пыль от тех земных пьяных царских охот поднялась
восстала навеки в небеса и стала Млечным Путем...

Да!..

Айя!.. И в ночах вечная она жалит скоротечную душу, жалит
скоротечную жизнь, жалит скоротечные очи поэта!.. очи
моя!..

Йа!..

...Но!

Но царь ты устал.

И сошел с коня

Бахрам-Гур Сасанид Шахиншах, ты устал от охот, от псов, от
коней, от жен, от газелей, от стрел устал устал устал

И сошел с коня

И в ущелье Рамит-Ситора-Звезда стала охота твоя и там у реки
зеркальной насквозь хрустальной до самого дна реки Сиемы
постелили на песчаных жемчужных отмелях византийские
фригийские лесбийские ковры и румские лебединые
родосские круглые подушки с запахом корицы и мяты и
шелковые китайские одеяла твои и ты возлег на одеяла и
спал и цветущие кусты древовидной дикой жимолости и
кудрявой снежной алычи тихо осыпали невинные кроткие
цветы на спящее младое крутое тело твое и на лицо огненное
двадцатилетнее твое на лицо царя

И древовидная жимолость и скоротечная скоромлечная
алыча кротко неслышно нежно роняли сыпали лепестки
ласковые на тебя

И ты спал у реки вешней два дня и был наг наг ибо после
потных охот не было сил у тебя накрыться шелковыми
одеялами и огонь молодого хмельного яблоневого тела шел
от тебя и согревал тебя и мешал не давал опасной прохладе
реки остудить тебя...

И была тишина над сном царя и даже орел-ягнятник
бородач над царем не летал не бродил в небесах а сон царя
оберегал сидя у спящих ног царя и смилив необузданные
необъятные когти кривые извилистые погромные своя...
Но!

Но в ярых румских рубиновых лакомых пуховых несметных спелых персиковых одеялах волнах лежали томились вились жадно дыша две жены близ царя.

И одна была Азада.

И она была телом медная.

А вторая была Дилором.

И она была телом золотая.

И они были родные сестры.

А их отец был ярый древний лучник палач воин Науфаль-Халиль-Султан-Зульфикар. И он любил войны!, ибо в войнах многих жен добывал окроплял седлал.

И он говорил: «От войн сладкие медовые густые дщери и сыны рождаются, ибо испуганное невольное семя бежит как загнанный обреченный зверь и оттого сладит и восходит сильней.

Царь, от войн имперья-зверь сильней!..

Царь, там жизнь бьет, как родник, где рядом смерть-ледник...»

И дарил царю для неизведанных утех-охот крутых разноязычных разнотелых дочерей!..

И Азада имела много имен и царь звал ее Азада-Стрела, потому что была быстра и певуча и стройна и люта и страшна как монгольская тайная заспинная засадная хищная бессонная стрела...

И царь ее звал Азада-Рысь, потому что рысьи степные шалые беглые волчьих изумрудов глаза были у нее а ноги спелые сахарные ненасытные буйные бурные безумные вкрадчивые медновласые неслышно ступали у нее...

И царь звал ее Азада-Гюрза, Азада-Агама, Азада-Оса, потому что была гибка извилиста безумна в ночных и дневных соитьях как гималайская агама-змея, как хлесткая молниевидная переспелая скорпионова змея-гюрза...

И она была тягуча текуча как прутья ивы у ручья

И она была неверна как вешний новорожденный кудрявый мутный бегущий с гор ручей, что капризно своенравно меняет русла и лона свои.

Последняя среда

И она меняла ложа и постели и одеяла древних царей-владык, но тут на ложе Бахрам-Гура на молодых одеялах и яростных звериных гонных бессонных постелях его остановилось и застряло осиное змеиное ивовое рысье тело ее и стреловидная жизнь ее полегла в одеялах царя.

И она была текла билась вилась скользила виляла витала металась в соитьях с царем как капризный неверный ручей и царь не мог насытиться ей и укротить ее и забыть ее. И возил ее в одеялах в кочевых сладких постелях своих. И она как змея жалила как оса кусала жгла как рысь грызла тело царя и он был весь как медведь иль человек застрявший в разъяренном распаленном разворошенном пчельнике но не мог бежать и забыть меды ее. Ибо в постелях в волнах одеял с ним была летящая щекочущая стрела, и грызущая рысь, и жалящая змея, и обжигающая оса и неверный хладный ручей нес в измятых неистовых избитых одеялах его воды бешенья своя.

И Азада-Агама свистела, как суслик-тарбаган, как стрела, и визжала как рысь и мучила мяла лизала ломала душила давила доила царя, как в давитьях давят виноград, и вино соитья вязко шло и царя насмерть всласть дурманило туманило брало... О!..

И с Азадой царь вспоминал, как был агамой, как был гюрзой, как был рысью, как был осой...

И царь любил ее как змея любит яд! да! Аяя! Яяя!.. яя!..

И Бахрам-Гур Сасанид Шахиншах Царь Династии Сасанидов любил и алкал Азаду-Ад и не мог оставить ее...

А вторая жена в ночных одеялах постелях забвенных блаженных была Дилором-Чанги.

И царь звал ее Дилором-Лань! Дилором-Газель! ибо у нее были слезные полноводные очи лани что плещутся переливаются чрез тесные веки, но никак не расплещутся а сохраняются печально печально печально и у нее были печальные очи лани которую извечно стрела нагоняет нагоняет нагоняет настагает... Вот она!..

И у нее были дымчатые лазурные очи древних согдианок
иль моавитянок.

И царь звал ее Дилором-Камыш! Дилором-Бамбук! ибо
была бела и чиста и пряма как молодой певучий сквозной
шелковый девственный бамбук иль камыш в устьях
Герируда иль Джайхуна

И она была тихая медленная густоногая солнцеволосая
согдианка с лазоревыми сонными извечно дремными
загробными запредельными очами кладезями (куда глядят?
кого хотят? кому, бездонные, сияют? обещают?).

И у нее была головка как у змеи малая точеная маковая
бредовая а каждая грудь сахарная тучная снежная с
малиновой персиковой косточкой-зерном-соском была
боле головы ее и царь брал нежно млечно её груди ее
в руки в грубые охотничьи ладони в персты неистовые
длинные жадные мускулистые медвежьи каменные свои
и не хватало ему перстов и рук и его руки и ладони и
персты тяжко гibly уставали дрожали от этих избыточных
целомудренных живых девых нетронутых урожаяев...
И не мог он обнять объять охватить груди плоды дыни
тыквы хивинские неохватные сии... Йии... иии...
Айя!..

Царь и ты два дня бездонно колодезно беспробудно
беспутно спал спал спал... И не алкал во снах...
Но!..

Царь! и ты пробуждался молодой ярый напоённый чрез два
дня дня дня и за то время кусты древовидной жимолости
и жемчужной кудрявой алычи осыпали лепестки палые на
тебя на одеяла твои на жен бессонных готовых твоих.
И сонная охота твоя была свято погребена под палыми
цветами лепестками.

О умереть заснуть бы навека под палыми тихими
неслышными ласковыми цветами лепестками!..

О постели мои погребены забыты заметены под палыми
жемчужными цветами! айя!..

Последняя среда

Но где жены мои?

Азада-Агама! Азада-Рысь! Азада-Стрела! Азада-Оса!..
Потешь меня в утренних лепестковых незамутненных
чистых как волны реки Сиёмы одеялах одеялах одеялах!..
Ийя-я!.. Помогите мне Ахура-Мазда! укрепи утренний ствол
камень мой! отойди от меня Ангро-Манью!

И царь Бахрам-Гур Сасанид вставал в одеялах и брал
бухарскую тяжкую камчу-плеть с золотым визгливым
серповидным наконечником и хлестал резал вызывал ярил
Азаду-Агаму в ранних одеялах.
И она ползла к нему как рысь как гюрза как гималайская
агама.

И царь шептал ронял пенные слова как жимолость и алыча
неслышно лепестки роняла:

– Да!.. Жена должна ходить ползать на четырех руках ногах
лапах как рысь бессловесная иль снежный стелющийся
барс!

И только такая дикая жена лакома! Ибо жена ближе к земле,
а муж – к небесам!

И так будет в веках!

А когда жена встанет восстанет – тогда муж сгинет
зачахнет!..

Да!.. Жена великий колодезь бездонный тайный! жена –
древляя тайна! и она должна таиться за стенами, за глухими
паранджами, чадрами, слепыми платками, кибитками,
мужами! и не иссякнуть запечатанному колодезю и не
обнажиться тайне, как зародышу в утробе согревающей
питающей! и жена – ловушка яма охотничья – и в нее
каждый муж охотник зверь тайно сладко обрывается
проваливается утопает!

Блажен колодезь!

Блаженна жена-рысь грядущая ползущая раба пред мужем
повелителем на четырех покорных лъстивых лапах!

Блаженна жена тайна ловушка охотничья крутая
безысходная западня святая мужей яма яма яма...

И царь шептал опуская роняя жгучую судорожную огненную как горящий кизяк камчу на нагое ползущее уготованное разъяренное прекрасное тело Азады-Агамы:

– И после первого соитья жена должна навсегда отходить от мужа с замесом со плодом во чреве яростно зачатым! аяя!

И у жены есть одна ночь – ночь святой завязи! ночь святого крутого зачатья!

И нет других ночей у жены! А у мужа много жен и много ночей зачатья!

Но!

Азада-Агама что так долго вьешься визжишь ползешь ублажаешь томишь тратишь ты меня в моих царских одеялах?

И столько жен и одеял сменил я, а тебя не изгоняю...

И царь шептал сокрушенно в шелковых волнах одеялах:

– Жена должна любить! рождать! и хоронить! И Бога блюсти!..

И нет иных путей у жены!

А иные пути грешны и в ад ведут раздольные гулливые они!..

Азада-Рысь Азада-Стрела Азада-Агама и что в тебе плод не завязывается не сотворяется не совершается?

И что ты только любишь соитье а царя мне не рождаешь?

...И царь страдал и бросал напрасную огненную камчу в бескрайние бесплодные одеяла и она шипела остывала в одеялах как горящая ветвь головня шипящая ореховая ввергнутая брошенная в ледяную горную реку реку реку.

И царь отходил остывал как камча как ветвь огненная палящая как звезда падающая в ледяной реке

И тоскливо стало царю от Азады-Агамы и терпкого неурожайного ненасытного тела нагого ее.

И тогда глядел он на Дилором-Лань! на Дилором-Газель!

Дилором-Бамбук! Дилором-Камыш возлюбленную свою!

О Ахура-Мазда! о бог Зардушт зороастрийский мой! ой!

И глядя взирая на Дилором-Камыш царь ярился

распалялся!..

Кассандра! Уссандра! айя!.. Ксеркс! Артаксеркс!.. Дуккан-Дауд!.. Цари, помогите мне!..

И раздевая донага груди лона лядвии Дилором-Бамбук он наливался рушился на нея упал как волк со скал шахристанских на лань...

– Хатшепсут! Даидри Ассирийский, помоги мне! иль с древних пирамид Хеопса разбей развей меня об эфиопские зубчатые зубастые глыбы камни валуны...

О Ватофрадат-царь!.. Вахубарз-Парс-царь!.. Артахшатр-царь! Помогите мне! Поднимите с земли мое дерево цветущее палое, мой ствол!.. О...

И обнимая обвивая раздетые губы груди лядвии Дилором-Лани и припадая прилегая прилепляясь к лону ее – он враз вмиг хладел опадал стволом и утрачивал ярость крепость фаллоса-ствола.

– О Ахура-Мазда! о бог Зардушт! и что любовь не–мощна! и как вода ствол мой стал, когда я возлег на нагую мою Дилором-Лань?..

О царь Вахубарз-Парс! Помогите мне!.. Кто, кто рубит валит цветущее вешнее древо довременным варварским топором саранчовых наползающих набегающих степных звериных эфталитов племен?

И что похоть необъятна бесконечна и ствол мой как камень, когда Азады-Стрелы касаюсь?..

О!

О Дилором-Газель дева была и девственность единственная защита ограда стена ее была...

Огонный царь Бахрам пробивался продирался пробирался чрез любые заросли чрез любые лона гнезда пядвии а здесь сокрушался и не мог пройти чрез девственность Дилором-Лани.

И во всех женах и девах были гнезда ему и стволу алчущему его а здесь не было.

И тогда царь Бахрам-Гур Шахиншах всех миров и всех охот и всех человеков и всех жен брал в губы в зубы свои губы и зубы и груди и соски персиковые Дилором-Лани а телом соплетался и метал в лоно Азады-Агамы и кричал стенал: – Дилором-Лань ты родишь мне царя, потому что я беру обвиваю как дикий виноград тебя я мечу в тебя семян водопад я сокрушаю девственность стену твою я лечу рвусь мчусь чрез мраморные первозданные нетронутые лядвии твоя твоя твоя...

Дилером, где девья кровь твоя?.. Айя!..

Где зерна гранатовые что радостно текут по алчущим разбуженным ногам?..

Но она шептала ему:

– Нет царь! Ты не расколел не разбудил не открыл гранат! И не текут рубиновые зерна по моим беломраморным живомраморным ногам.

Я не рожу тебе царя! и невредима и не шатнулась не пала стена девственность моя! и ты терзаешь мучишь меня а мечешь семена в лоно неурожайное Азады-Рыси старшей сестры моей родной!..

Сестра моя Азада-Агама! я люблю тебя, но боле я люблю царя!..

Но!..

Царь я не рожу тебе царя.

Царь не для тебя девственность моя.

Не суждена тебе девья плева пелена моя...

И ты святой изумрудный Паук, что ловит пеленает изумрудных блаженных мух в иных паутинах сетях пеленах!..

И я муха не твоя...

Но!..

Царь я люблю тебя.

И Бахрам-Гур, царь Имперьи тосковал.

И брошенный Трон Златой Имперьи необъятных Сасанидов вспоминал.

И тут!

Последняя среда

И тут на третий день на ущелье Рамит-Ситора-Звезда пошли вешние вольные неохватные лепетливые говорливые ветры ветерки с хребтов Коктау и с озера Каракуль-Катта.

О ветры Коктау!

И они принесли понесли нанесли на ущелье святых перелетных вешних птиц золотистых и серебристых и изумрудных щурков и царских пятнистых удонов и арчовых дубоносов.

И тут на ущелье Рамит-Ситора-Звезда пошли потянули вешние необъятные сладимые ветры с хребтов Каратау и они принесли белобрюхих и черных стрижей и сизых и белоспинных скалистых диких голубей и райских длиннохвостых мухоловок и пеночек и певчих славок и синих лазоревых каменных дроздов...

И тут на ущелье Рамит-Ситора-Звезда пошли хладноснежные ветры с хребтов Чалтау и Хирманджоу и Хазратишох и они принесли хохлатую чернеть и свиязь и чирка и лебедея-кликуну и индийскую камышовку и лесного конька и садовую овсянку и сыр-дарьинского ремеза и тяньшаньского крапивника и скалистого поползня и краснокрылого стенолаза...

И хладный великий Ветр с Заалайского Алатау принес снежного грифа и черного грифа и болотного луня и скопу и орла-бородача и орла-ягнятника и орла-могильника. И хладный Ветр Заалайского Алатау принес высокородного высокогорного орла-могильника и он встал над ущельем Рамит-Ситора-Звезда и чуял и ждал средь райского несметного многостайного птичьего летучего неоглядного певучего родящего стада.

Чует муха, где струп, чует ворон, где труп... да!..

Но неоглядные певучие трескучие стаи веяли средь цветущих алычей миндалей шиповников жимолости урюков груш яблонь и осыпали лепестки летучие необъятные белопенными ливнями дождями.

И лепестковые ливни витали летали и ущелье Рамит-Ситора-
Звезда заносили погребали заметали
И стаи вешних птиц летали над коврами одеялами
постелями Бахрам-Гура Сасанида и над Азадой-Рысью и
Дилором-Ланью летали витали пели дышали уповали.
И метели блаженных веющих лепестков летали витали
Но холодный заалайский орел-могильник стоял ждал над
ущельем.

...Царь Бахрам-Гур Сасанид! гляди уж над тобой над
младой ярой жизнью твоей уж несметный необъятный
высокородный орел-могильник стоит!
Царь! но текут твои блаженные волны шелковые одеяла псы
кони стрелы охоты жены твои!.. Йездигирт!
Йирт!..
Но!

Но прокисает вянет горчит в торсуках-кувшинах и кумыс
монгольских младых скуластых волконогих донебесных
роскошных кобылиц!..

Но!

Царь!

Ты!

В одеялах необузданно неоглядно дремно свято алчно
хищно лежишь!..

Гляди, царь, в волнах одеял не утони!

Но! Но! Но!.. Йо!..

Но!

Весной даже хрупкая летучая лазоревая стрекозка мечтает
грезит об ослином фаллосе стволе! йе!

И царь нагой в одеялах лежит и Азада-Агама и Дилором
вьются у тела его.

И у дутара две струны и они звенят поют когда меж ними
ходит бродит кочует палец перст бегучий певца!

Азада-Рысь и Дилором-Газель две родные сестры – две
струны дутара а меж ними как перст, ходит ищет рыщет
свищет царь, и они звенят...

Последняя среда

Царь! Гляди по телу твоему ползут роятся роятся скитаются
вешние ярые мухи и пчелы и муравьи

Царь! Гляди – над телом твоим летают райские мухоловки
и индийские камышовки и павлиньи удоды и хотят собрать
пчел и мух и муравьев с тела твоего, но Азада-Гюрза не дает
им и гонит отстраняет отметаает их.

Азада-Агама не дает птицам а гладит мнет тело Царя и
сметает свергает с него муравьев и мух и пчел.
И от нее от перстов змеиных ее идет телесное ласкание
сияние забвенье на царя и царь блаженно засыпает
замирает.

И тогда Азада берет рыжего ражего ярого буйноногого
муравья, и приставляет к сонному фаллосу стволу Бахрама
и царь просыпаясь от блаженной муки сонно гонно терпко
кличет Азаду-Рысь и окропляет ублажает ея разъяренным
вечноужаленным стволом-фаллосом, а потом отходит
отползает, как осенняя квелая заснеженная пчела муха,
смиряется, но Азада-Гюрза нового муравья на него
напускает.

Царь, неисчислимы сладимы муравьи земли!
Иль не знаешь?

Царь Бахрам-Гур Сасанид! Шахиншах! иль не знаешь что на
всех дорогах тропях твоей Империи уже уж готовятся ярятся
враги Империи массагеты, турки, китайцы, индусы, арабы?

...Я царь! Я Шахиншах-Чубин Имперьи Сасанидов
неоглядной!

Я знаю!

Но!

Но пусть снимут со всех границ моей Имперьи со всех
дорог и тайных троп пусть снимут кровавые бессонные мои
заставы!

Пусть на всех дорогах тропях расстелют праздничные
обильные застолья-дастарханы!

И не поперек дорог краткие застолья пусть готовят а вдоль
дорог долгие дастарханы!

Пусть там певцы и ивовые плясуньи пляшут и играют и
пришельцам уступают улаждая!
Пусть режут каракулевых первобарашков!
Пусть вина мидийские пехлевийские парфянские
селевкидские хузистанские отворяют разливают щедро
бредово вкушают пьяными перстами проливают...
Пусть пекут в золотых танурах-печах золотые кунжутные
лепешки пышущие самаркандские и самбусы бухарские!
Пусть дороги засыпают ранними розами астрабадскими...
Пусть и други и враги вешние дни скоротечные возлюбят
провожают празднуют!
Разве весной враги бывают?
Разве весной кровь человека проливают?

О Ахура-Мазда! Бог мой!
Сегодня я на всех дорогах тропах моей необъятной
сладкой Имперьи Сасанидов всех несметных врагов друзей
принимаю угощаю одаряю улаживаю!
Я царь не войн и кровопролития, а я царь винопролития а я
царь хмельных скоротечных пиров праздников! Айя!..
Я пьяный пьяный неоглядный царь и моя Имперья
неоглядно пьяная хмельная!
Я голова, а имперья – тело.
Голова пьяная – тело пьяное....
А иначе все империи не стоят и одного рыжего муравья, что
в моем стволе-фаллосе гневно рьяно пьяно застрял...

И царь рыдал от счастья.
А сказано: «Блаженны плачущие, ибо утешатся».
И царь утешался...
Но орел-могильник витал стоял над его головой пианой, над
его пиаными женами, конями, стрелами, одеялами...
Но!..

Вспомним дни как волны в бурю набегающие!..
Царь, вспомним дни грядущие непроглядные...

В раю шел снег в аду была весна...

БЕНЕФИС

АНДРЕЙ ПУСТОГАРОВ

ЗДРАВСТВУЙ, АЗИЯ!

* * *

здравствуй Азия!
запахов сено
рек зеленые вены
дерево
на щеке обрыва
пыли грива
воздуха
желтое пламя
облака знамя

* * *

шелест игл и молчание глин
замираешь у пропасти синей
в пересохшие русла равнин
сколько нежности стелет пустыня

чтоб с печалью ее тягаться
Азиатской железной дороге
прокаженных не хватит акаций
городов протянувших ноги

а закат отекает тоской
рикшу тела на волю отпустишь
звезд осыпет листвою
оскопленную пустошь

тепловоз будто ангел трубит
что же выпадет – в рай или в ад?
ночь задумчиво цедит как кит
звонкий мусор цикад

Азия

* * *

я люблю тебя Гур-и-Амир
смерти чую проказу
мы посмотрим спокойно на мир
сумасшедшим подкрашенным глазом

на крошащихся глин языке
закричав грусти речи
в прибывающей мрака реке
мы стоим неподвижно по плечи

неба око желтеет как кость
скупю
мою выласкав злость
ночь обхватит твой купол

* * *

пусто в воздухе невозвратимом
желтизны все бесстрашнее рык
красок тающим дымом
меня лижет заката язык

так густы смерти речи
и безумие глин
сотрясает предтечей
среди щербатого счастья руин

завтра спины подставят железные звери
я увидеть хочу хоть умри
солнце дня как сыграет мистерию
на мелеющих водах Дарьи

Последняя среда

* * *

здесь базара волна бьет в обломок мечети
здесь чудовищем купола времени рев
я пылинкой плясал в заката балете
море рыжее сумерек мой улов

ночь

трава шевелит плавниками
я крадусь вдоль остатков стены
и в меня сверху бросили камень
бесноватой луны

* * *

здесь о чуде воды
грезят хриплые русла
облетая цветут запустенья сады
душа в шелест погрузла
золотой лебеды.

пока в жилах шумит
желтых сумерек море
ветра ласки святы
прохожу под ветвями
походкою вора
обрывая дары нищеты

ДЕНЬ АРХЕОЛОГА

Господа археологи, браво!
Вы старьевщики в лавке времен.
Рухлядь памяти лечит потраву
и витийствует, как Цицерон.

Черепок поправляет: Cicero*.
На развилке неверных дорог
под двурогой луной Искандера
в нас ударил восторга горох.

* – [Кикеро]

Азия

Праха вкус средь пустыни не робок,
шелест звездного рая не тих.
Совершая раскопки раскопок,
пусть потомок почувствует их.

* * *

кладбищ оспой исклеваны склоны
время палкой пробило куполов черепа
а земля беззаконна
смерть слепа

цитаделей клыки стали вздохом рельефа...
когда крошится страсть
сердце радость кусает как эфа
чтоб обняться упасть

содрогается ночь от восторга цикады
тени быстро бегут по траве
и худая корова отбившись от стада
осторожно подходит к моей голове

как легко засыпать на окраине рая
средь созвездий колючек камней сквозняка
что над полем теряет
материнская Божья рука

* * *

автостанция поле закат
желчь и пепел тоска Тамерлана
выбираться пора нам солдат
но темнеет так рано

где автобус где автомобиль
не гляди все угнали «на хлопок»
придорожную сладкую пыль
подгребу себе под бок

Последняя среда

слишком долго бродил среди руин
целовался с кустом тамариска
потому и остался один
прямо против тяжелого диска

словно кроны тугих райских роц
изразцовое небо Аллаха
нервно дышит цыганская ночь
и до лезвия в сердце полшага

* * *

ты кишлак нарисуй-ка
на зрачках у меня
дыма вытекла струйка
из ладони огня

спирта синего выпиты фляги
и небес зеленеет вечерняя медь
и осталась одна только парню-рубаше
радость – семенем в ветре лететь

* * *

ты покорно на корточки сядь у дороги
жди попутку гляди как кончается день
и от пыльного солнца охрипли отроги
и по саю* тревожная тянется тень

кроной машет закат солнца капают смолы
покатилась заря как круги по воде
тонкий тополь в зеленой рубашке до пола
выбегает к звезде

страсть стареет тяжелого жара
осыпается красок пыльца
желтизны догорели пожары
до конца

* – пересохшее русло, овраг

Азия

* * *

так акации крона жестка
возле дома из глины и мела
по земле шарит жилистой тени рука
подбирая закатную мелочь

с хриплой степи цвета сносит прочь
гонят мрака стада катят ветра колеса
черным медом течет самаркандская ночь
и в глаза звезды жалят как осы

* * *

в горьких в землях Хафиза
человеку хватает простора
и луна подымается из-за
золотых сорняков косогора

и один среди ночи кочевья
я ложиться на глину привык
бушевали ветров голубые деревья
ничего их не значил язык

САМАРКАНД

я цеплялся за миг тормозя тобой Азия
я колючкою цвета расцарапал зрачок
я забыл по какую я сторону глаза
пыхнув в степь желто-синей горелкою газа
день истек

открываю шершавую дыню
эта мякоть как сладкий наркоз
ворох звезд зажужжит над пустыней
словно рой растревоженных ос

Последняя среда

а когда горло улицы хриплой
захлебнется вдруг резкой луной
из-под вяза кудрявые хиппи
будто ангелы выйдут за мной

* * *

Ветер черный, морочащий, сладкий,
шевеливший могильников грядки.

И, сгорая в его лихорадке,
ты ждала на песке у палатки.

Наугад, оступаясь, пустыня брела,
нас осыпала звезд голубая зола,

в ласке ветра дождем неожиданной дрожи
засмеялась от радости кожа...

Без зазора вложи меня снова в узор:
я – обломок, раздор...

* * *

азиатская полночь пахуча
беззастенчиво пышет трава
туча
краем проводит по круче
голова

покатилась монетой
за дорогу в канаву в сорняк
в теплом прахе согдийского лета
отлежаться как старый медяк

ПИР В ПУСТЫНЕ

Здесь в раскаленном колючем саду
глины сухарь в неба синем меду

мы обмакнули и облака клок
плыл точно райских садов лепесток.

Я прижимался щекой к изразцу –
слово любви прошепчи пришлецу...

Выпьем! Покатится спирт по нутру,
будто качим* на горячем ветру.

Или мелькнет, точно яркий платок,
жизнь, что уходит, как русло в песок.

ПРОГУЛКА ПО ПУСТЫНЕ

Этот цветверху до боли синь.
Облако, как первенец творенья,
бродит над поверхностью пустынь
на ладонь лишь до прикосновенья.

И под ветром черный солончак
шепчет, точно сутру или суру:
«Здесь простора глиняный костяк
можешь взять и написать с природы.

И лови глазами это свет,
молодой и жгучий, как богиня.
И стены и башен силуэт
прочитай как «Смерть» на фоне синем.

И назад иди сквозь долгий день –
лагеря вдали увидишь точки.
Там в палатке укрывает тень
и привозят воду в желтой бочке.

* – перекаати-поле

Последняя среда

И когда под вечер станут петь
и огонь запляшет на равнине,
позабудь про солончак и смерть
пред лицом смеющейся богини».

В АЗИИ

Как скота к водопою поход,
шорстких гор желто-бурые шкуры.
Лед с зазубренных пиков сверкнет,
как змеиные зубы Тимура...

До утра над пустыней горит
семафора кровавое око.
Бултыхается ночь, будто кит,
шелестит и скрипит одиноко.

Только света рассыпется звон,
и на кромке степи разогретой
затанцует, паря, горизонт
за латунную солнца монету...

Зной ярится, ноздрею сопя,
и рога его остры и длинны.
И, как время, глядит на тебя
в тамарисках цветущих руина.

МИГРАНТ

Предвоенной весной он родился в горах,
там, где облаком бродит над гребнем Аллах.
Он растет, занимается выпасом коз,
ждут его уже армия, свадьба, совхоз.
Но империя тихо уходит домой.
Рядом бой, и становится плохо с едой.
Он берет у отца его старый рюкзак,

мать целует, и так покидает кишлак.
И до станции парня подвозит КАМАЗ
с перерывом в пути на ремонт и намаз.
Стаей юркой беспаспортных птиц
караван их проходит сквозь пару границ,
и в конце длинной лестницы рельсов и шпал
видит Кремль. Это значит – Казанский вокзал.
Видит город, который зачищен под ноль,
и его бьет по почкам случайный патруль.
Он кирпичную кладку кладет не спеша,
и хозяин не платит ему ни гроша.
И в Малаховке где-то он строит забор,
слышит ночью созвездий ликующий хор,
к продавщице ларька на свиданье спешит,
нож втыкает в него подмосковный фашист.
Он хрипит, но больница его не берет,
он в ментовском «козле» на рассвете умрет.
Но зато в алычевых хмельных небесах
уже ждут его Будда, Христос и Аллах.

* * *

*Ми приїхали поночі, рухаючись крізь п'тьму,
караваном із трьох позашляховиків,
обійшли перевал, що лежав у густому диму
і прострілювався одним із піхотних полків.*

С. Жадан

Мы приехали ночью, выключив фары,
караваном из трех грузовиков,
обойдя перевал, где горели пожары
и зачистка шла кишлаков.

А младенец лежал в саманной пристройке,
огонек в очаге то взвивался, то гас.
И, когда подошла наша тройка,
мать взяла его на руки, защищая от нас.

Последняя среда

А хозяйка двора принесла плов на блюде,
в керосиновой лампе затеплила свет.
– Твой ребенок, сестра, – инкарнация Будды.
Мы пришли, чтоб его переправить в Тибет.

Мать смотрела на нас недовольно и строго
и в молчании думала пару минут.
– Я готова. Но надо еду взять в дорогу.
Здесь его обломают, посадят, распнут.

Для него мы насыпали угли в жаровню,
расстелили по кузову пару ковров.
И отец в небесах провожал свою ровню
яркой россыпью звездных даров.

И покуда по ровному вилась дорожка,
мать дала несмысленшу грудь,
и, в брезентовом тенте расшторив окошко,
отыскала глазами вверху Млечный путь.

НЕУЖЕЛИ

когда ровно четверть века назад
разгневанная начальница экспедиции
вошла в комнату где в оконных проемах
выходивших в тенистый внутренний двор не было рам
а на кровати лежали блестя голыми грудями
две присмирившие девушки неужели это я
затаив дыхание стоял за дверью
прижимаясь голым задом к колючей саманной стенке?

КОНЦЕРТ

На концерте Пако де Лусии
я увидел, как Тео
раздирает апельсиновые
сумерки пустыни
голосом гитары.
Вечером мы ставили стулья
прямо на ее растрескавшийся,
идуший во все стороны до горизонта
глиняный пол,
и у нас за спиной
тени ползли в синюю мглу
и шуршали в колючках,
как маленькие змеи.
В амфитеатре неба
прямо перед нами
играли мистерию заката,
а острый звук гитары
вонзался в истекающий красками простор,
и над далекими кустами
вдруг, как дельфины из воды,
выпрыгивали
влюбленные антилопы.

ТАДЖИКИ

Я ехал на электричке с дачи в Москву –
встретиться с сыном, который на пару дней
прилетел из Люксембурга.
Стояла мягкая солнечная погода
самого конца октября.
На даче на верхушке розового куста
на маленьком остром бутоне
чуть разошлись зеленые листья

Последняя среда

и проглянула красная полоска цветка.
В полупустом вагоне впереди меня
сидели два таджика в возрасте около тридцати.
Я видел шоколадное лицо
под вязанной шапкой с поблескивающими
золотыми коронками на передних зубах.
Сквозь вагон проходила бойкая караванная тропа.
Один из таджиков купил у бродячего торговца
обложку для какого-то документа, наверное, для паспорта
и теперь, поглаживая пальцами, вертел ее в руках.
Через вагон на коленях прошел безногий.
Он неслышно возник у меня из-за спины,
не оставив мне время на раздумья,
да и после покупки шариковой ручки у глухого
у меня уже не осталось мелких денег.
Похоже, во всем вагоне подали безногому
только таджики. Я вспомнил,
что когда я однажды вылетел на машине
с двухметровой насыпи на Кутузовском проспекте,
только лица «кавказской национальности»
подбежали посмотреть, что со мной,
остановив на обочине свои «Жигули».
Потом за спиной у меня началось движение –
это появились контролеры.
Таджики отступили в передний тамбур
и, когда на остановке открылись двери,
пробежали мимо меня по платформе
в золоченом осеннем воздухе.
Через некоторое время они снова
появились в вагоне, сели примерно
на то же место и ехали дальше
сквозь сбрызнутый солнцем осенний пейзаж.
За двадцать минут в их жизни были: приобретение, милость
и приключение с бегством и спасением от опасности.
Это им досталось все золото этого дня
в самом конце октября

УГОЛОК ПЕРЕВОДЧИКА

ТАМИМ АНСАРИ

ЗАГВОЗДКА ПЕРЕВОДА

Несомненно, английский язык может принять в свой состав любое слово, если говорящие на английском сочтут его полезным. Это именно то, что делают все языки. Но как только слово попадает в английский, оно сразу оказывается в существующей английской языковой ситуации – письменной или разговорной – и устанавливает связи с языком, что и делает его органической частью общения англоговорящих. Эти связи и ассоциации – своего рода капиллярные сосуды смысла, делающие слово частью живой плоти английского языка. У любого слова в языке есть эти усики-отростки, связывающие его с остальными словами. Мы их не замечаем, но чувствуем: они – часть значения слова.

Вот это и поражает меня всякий раз, когда я ввязываюсь в перевод. К примеру, как-то я пробовал перевести на английский газель Хафиза, написанную в 14 веке на персидском (он же фарси, он же дари).

Первые две строки в переводе звучали следующим образом:

*Когда душу мою турчанка Ширази своюю подхватит рукою,
За индийскую мушку на лице ее сразу отдам Самарканд с
Бухарою.*

(перевод на русский А.Пустогарова)

Эти строки входят в мистически-эротический резонанс с сердцем любого, говорящего на фарси. Но в этом – особенно, что касается эроса – не легко убедить английского читателя.

Почему же так много теряется при переводе? Помимо всего прочего, половина слов в этих строках – это названия. Они означают одно и то же на фарси и на английском. Самарканд, Бухара и Шираз – это города, которые вы легко найдете на английской карте.

И даже турчанка по-английски тоже будет турчанкой, а Индия – Индией.

Кое-кто из переводчиков целый день хлопотал бы над ритмом и рифмами, надеясь воспроизвести музыку оригинала. Однако в этом не много проку. После дня работы вы по-прежнему не будете знать, что делать с этой турчанкой. И с этой мушкой.

В этом-то и загвоздка. Английское ухо улавливает в этом двустихии ассоциации с Западной историей и литературой. Для него турок звучит как серьезная угроза на границе христианского мира. Конечно, турки состоят из мужчин, женщин и детей, но невидимые капилляры смысла сводят значение слова «турчанка» к соплеменнице смуглого молодца с ятаганом в руках.

Персидское ухо улавливает в турках более сложные ассоциации. Ведь турки на протяжении восьми сотен лет являлись правящим классом всех мусульманских государств от Дели до Стамбула. И для персидского уха это не смутный Чужой, маячащий по ту сторону границы. Это своя могучая элита, жалующие и милующие короли и королевы. Для соплеменников Хафиза турки означают примерно то же самое, что для Запада – американцы.

И в этих же самых государствах персы также обладали значительной долей влияния, основанной на более древней, чем у турок, изощренной культуре. С ними ассоциировались поэзия, искусство, изысканные ароматы, садовое искусство – и Шираз воплощал собой романтический персидский город. Своего рода Венецию персидского мира.

Самарканд и Бухара для западного слуха – это просто населенные пункты, но азиатское ухо ловит в них тот же мистический блеск и декадентскую роскошь, которыми в западной культуре обладают Византия, Вавилон или Рим. Индия просачивается в западное восприятие сквозь фильтр колониального наследия, но для персов индусы были частью одной с ними цивилизации – частью важной, соединенной с ними многими узами, но несмотря на это ... экзотической.

Западный человека подобные чувства испытывает к японцам: они, несомненно, часть современной индустриальной цивилизации, но ... часть экзотическая.

И, наконец, эта мушка. Западные люди не ставят себе мушки. Просто не ставят. Тем более индийские. Мы просто предпочитаем обходиться без мушек. Вне зависимости от наших вкусов. Честно говоря, тридцать лет тому назад я предстваить себе не мог, что элегантная молодая американка может наколоть себе татуировку, а молодые люди будут считать татуированную девушку привлекательной.

Короче говоря, чтобы передать все намеки, которые сделал Хафиз в этом двустии, переводчику следовало бы перевести его следующим образом:

*Когда америанка в Венеции «люблю» скажет мне втихомолку,
Вавилон и Рим я тут же отдам за ее японскую наколку..*

Можно ли это считать переводом? Мы, возможно, обрели капилляры, но потеряли сами слова. В этом-то и загвоздка.

С английского

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

ВЗЯТИЕ САМАРКАНДА

В 2013 году исполнилось 145 лет со дня взятия Самарканда русскими войсками в ходе присоединения Средней Азии к Российской империи.

Мы публикуем воспоминания, сделанные участниками событий, находившимися по разные стороны фронта.

Рассказ Магомета Суфи, самаркандского жителя, ткача шелковых материй.

Мне было лет двадцать, когда русские брали Самарканд. Отец мой Магомет-Джон был муллою и имамом в мечети.

За несколько дней перед приходом русских отец приехал (верхом на ишаке) из города в сад, крайне взволнованный. Он рассказал, что был на сходе в медресе Тилла-Кари. Там узнал он, что бухарский эмир Музафар вместе с самаркандским беком Шир-Али-Инаком продали Самарканд русским и не хотят защищать свою родину, веру и святые мечети, но народ собирается собственными силами помериться с неприятелем. Решено, что всякий честный человек должен вооружиться и идти по первому зову вместе с другими на Чупанаты встретить непрошенных гостей, и что мы, как и другие честные люди, также идем.

Конечно, обвинение эмира в продаже Самарканда оказалось клеветою. Но мы поняли это только тогда, как мы увидели, что бухарское войско, стоявшее лагерем близ Самарканда в числе 12.000 человек, вышло с нами на Чупанаты, Да, кроме того, к нам прибыли два полка, один из Корков, другой из Чарджуя.

В назначенное время мы с отцом двинулись к сборному пункту и встали под начальство Усмана. У нас было несколько человек русских, но я помню ясно только двоих: длинного худого Усмана и невысокого толстого Богданова с белым лицом и румяными щеками. Богданов, как артиллерист, поднялся на гору, где были поставлены наши пушки. Усман со своим войском встал за горою.

Я хорошо помню, как пришли русские, как переправились через реку Зеравшан, и как в них стреляли с горы. Мы все хорошо видели, но русские нас не видали. Голова нашего войска скрывалась за кустами, а хвост был за горой. Мы долго стояли и не двигались, и не стреляли. Усман строго запретил нам подавать хотя бы малейшие признаки жизни. Вот, наконец, осталось немного солдат, как я узнал потом, один 6-й батальон и весь обоз. Усман проехал вдоль своего войска и сказал, что теперь настало время нам поработать, рассеять оставшихся солдат и овладеть обозом. Он скомандовал: «айда», и с криками: «ур-ур!» бросились мы из своей засады. Нас увидели казаки и не допустили близко к обозу, а солдаты в нас стали стрелять. Наши рассеялись по полю и из-за кустов и из камышей стали стрелять в русских в одиночку. Отец был ранен в ногу и упал. Я с товарищами подхватили его и унесли. Мы хотели занести его в городскую саклю, но он приказал нести себя в камыши, подальше от Чупанат. Мы положили его в такие высокие камыши, в которых человек верхом мог бы свободно скрыться. Хотя там и было безопасно, но отец всячески удерживался, чтобы не стонать, а нога у него сильно болела; он метался, не находя места, как бы удобнее ее положить. Я хотел уйти посмотреть, какой обоз достался нашим, и что сделалось с русскими. Но отец взял меня за руку и потянул вниз, приказывая жестом лечь рядом с ним. В камышах то тут, то там слышались осторожные голоса: оказалось, что многие прятались там. Вскоре выстрелы смолкли, но послышался конский топот, который все приближался к нам. Сквозь камыши мы увидели бухарских сарбасов, которые скакали напрямиком через камыш, куда глаза глядят. Казалось, они думали только о том, как бы подальше уйти. Они не похожи были на победителей, мы это поняли.

Мимо нас пробежал сосед. Я узнал его и остановил. Он так запыхался, что первое время не мог говорить, а потом рассказал, что самаркандцы и войска бежали, а русские заняли Чупанаты. К нам подползли осторожно еще сарты. Отцу принесли воды, он очень пить хотел, обмыли ему рану и перевязали ногу. Кто-то раздобылся лепешками. Вечером из русского лагеря грянул такой пушечный выстрел, что, казалось, вся земля под камышами вздрогнула.

Утром отец еще не мог вставать и меня не отпускал от себя. Некоторые сарты из камышей осторожно пробирались в город, другие приходили из города к нам и рассказывали все, что там делается. Так, не бывши в Самарканде, мы узнали, что войск в Самарканде не было, все бежали, что жители понимали бесполезность дальнейшего сопротивления и решили пригласить генерала занять город без боя, а старшины и выборные представители ходили на Чупанаты изъявить генералу Кауфману покорность городского населения. Теперь отец не удерживал меня более. Я убежал в город, на базар. На всех улицах, а главное, на базаре толпился народ. Все ждали проезда генерала. Люди волновались, каждому хотелось пробраться вперед. Вот наконец торжественный въезд достигнул базара. Впереди ехали наши выборные в богатых одеждах, за ними генерал с переводчиком, а потом шло войско. Генерал был невысокого роста и худощавый. Он отвечал на поклоны сартов и внимательно смотрел в толпу. Посреди базара он остановился. Выборные окружили его, переводчик встал рядом. Вот что сказал он через переводчика: «пусть жители не боятся, пусть каждый примется за свои занятия, пусть промыслы и торговля идут тем же путем, как и прежде. Скажите беглецам, чтобы спокойно возвратились в свои жилища. Русские не будут разорять вас, а напротив спасать от разорения. Наши войска будут оберегать Самарканд от внешних врагов».

Речь генерала на всех произвела сильное впечатление, все поверили ему. Отец был очень доволен, когда я прибежал к нему в камыши и передал слова генерала. Тотчас же он попросил перенести его в городскую саклю. Прежде всего, в город возвратились те, что прятались в камышах и в соседних садах, а затем стали появляться беглецы и из дальних мест. Я сходил за женою в соседний кишлак, куда отвез ее за день до прихода русских. Заскрипели арбы с женами и детьми, потянулись воза с имуществом, опустелые сакли стали наполняться людьми. Открылся базар, и мы зажили, как прежде.

Русские расположились лагерем неподалеку от крепости, а в крепости положили больных и раненых, устроили там лазарет. В городе было совсем спокойно, но в волостях жители поднимали

восстание, как, например, в Мухалинской волости и в Ургуме. Генерал посылал отряд и умирал их.

Отец долго болел, но, несмотря на боль в ноге, он все-таки через неделю начал вставать и ходил, прихрамывая и опираясь на палку. Недели через три только он мог ездить в город и исполнять свои обязанности имама и муллы.

Мы жили в саду. Я почти каждый день возил на ишаке русским офицерам фрукты. Они всегда брали все, что я привозил, да еще часто заказывали то персиков, то винограду, то дынь. Им же я продал два куска шелковой материи, которая у меня оставалась от прошлого года. Они заплатили мне гораздо дороже, чем наши купцы. Вообще наша торговля поднялась. Русскому войску нужно было доставлять и мясо, и рис, и муку, и клевер, и ячмень. За все они хорошо платили.

Прошло около месяца. Отец что-то стал возвращаться из города хмурым. Я думал, у него опять нога сильнее разболелась. В городе стали ходить слухи о новом восстании, но кругом было так спокойно, русские так хорошо обращались с нами, что я на эти слухи не обращал внимания и с отцом по этому поводу ничего не говорил. Я никак не думал, что эти-то толки именно его и беспокоят.

Из многих городов, завоеванных русскими, до нас доходили слухи, что победители религии не трогают, ни у кого ничего не отнимают, а за всё платят деньги, что они добрые и веселые люди, а вот на войне их все боялись, они были страшны. То же самое было и в Самарканде. Пока восстание не начиналось, наши храбрились, а когда вошли в город ополченцы с Омаром-Хаджей и беки со своими войсками, то прежде всего все начальники попрятались в минареты, а войска боялись тех, которые были в крепости, боялись подступать к стене. Мы привыкли стрелять из-за дувала, из сакель, или выскочить на коне, пальнуть и поскорее ускакать, спрятаться, а тут приходилось нападать на открытой площади. Впрочем, как было и не бояться, за стеною сидела гроза. Там заключился после ухода генерала 6-й батальон. Я с товарищами ходил смотреть на осаду крепости, и мы видели, как платились сарты, которые были посмелее. На наших глазах

сарты сожгли бухарские ворота крепости и ухватились за пушку, как русские отняли пушку, избили прикладами передних и выстрелом из той же пушки рассеяли толпу и уложили десятки, а ворота были тотчас же заложены мешками с землею. Я видел, как через стену из крепости бросали сартов и убитых, и живых, забравшихся в крепость через пролом. Я слышал стоны умирающих и калек. Как-то мы узнали, что Усман поведет партию подрывать стену крепости. Вместе с товарищами я пошел смотреть. Работа пошла было, слышался стук китменей и железных лопат, но с крепости, со стены стали бросать гранаты: многие были убиты, другие разбежались. Стена стала нам казаться заколдованною, а осажденные – колдунами. Многие толковали, что проникнуть в крепость невозможно. Войска беков стали роптать, сами беки потеряли терпение, рассорились с Омаром-Хаджею и ушли со своими сарбасами, разграбив с досады Самарканд. Вообще, горячность наших стала остывать, и приступы к стене пошли слабее.

Возвратился генерал Кауфман из Катта-Кургана и послал войска пройти по городу, очистить улицы. Тут, говорят, были жаркие схватки, но я не видал: опасно было ходить по городу, солдаты могли принять за мятежного сарта и пристрелить.

По слову генерала Кауфмана, на другой же день сарты стали возвращаться в свои жилища. Мы с отцом также приехали посмотреть свою городскую саклю. Она оказалась цела, потому что, к счастью нашему, никто там не прятался и из сакли в русских не стрелял. Надо удивляться, как скоро все пришло в порядок. Все стали работать и торговать, начали строить новый большой базар, так как старый русские сожгли, принялись штукатурить те места мечетей, где выпали изразцы, приступили к постройке русского города, проводили улицы, подрядчики взялись строить русским дома.

Текст воспроизведен по изданию: Рассказы очевидцев о завоевании русскими Самарканда и о семидневном сидении // Исторический вестник. № 9, 1904

Наше движение на восток

(По поводу 25-летия взятия Самарканда русскими войсками).

В середине 60-х годов мы уже прочно утвердились в Туркестане и заняли Ташкент. В 1867 году туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками генерал-адъютант Кауфман, видя, что со стороны бухарцев делаются непрерывные нападения на наши границы, начал готовиться к походу на Самарканд, где эмир формировал армию. Весна 1868 года началась тревожно. Эмир объявил газават (священная война) и усилил свои нападения. Вскоре вооруженные скопища бухарцев появились по всем направлениям, так что почту приходилось отправлять при сильных конвоях; волнение в народных массах росло, и наше положение во вновь завоеванном крае становилось опасным. К счастью для нас, генерал-адъютант Кауфман был столь же искусным военачальником, как и способным администратором. Совершенно правильно рассудив, что для обороны обширного края у нас войск недостаточно, от решился действовать наступательно; быстрый удар на бухарцев был единственным средством спасти наше дело. В виду этого у Джизака было собрано 25 рот пехоты, 7 сотен казаков и 16 орудий, всего 3500 человек; 1-го мая отряд двинулся в Зарявшанскую долину. Бухарская армия в количестве 40-50 тысяч человек при 150 орудиях была расположена на Чанаиатинских высотах у Самарканда. Позиция бухарцев прикрывалась с фронта быстрой и многоводной рекой Зарявшан с тонкими берегами, перерезанными множеством арыков. Отряд наш выступил с ночлега, стал приближаться к полудню к реке Зарявшан и был встречен неприятелем в садах, которые тянутся по обоим берегам этой реки: наши стрелковые цепи постепенно теснили бухарцев и подвигались вперед с небольшою перестрелкой. В это время в наш отряд явился парламентар, но генерал Кауфман заявил ему, что остановит свои войска только

на биваке на той стороне реки. Подойдя к Зарявшану и увидев массы бухарцев, расположившихся на горе и, по-видимому, решившихся защищать переправу, командующий отрядом приказал сообщить через присланного парламентаря, что если эмир не отведет свои войска через час, то русские возьмут позицию штурмом.

Между тем на нашем право фланге собирались массы бухарцев, так что генерал Кауфман принужден был послать полковника Штрандмана с 4 сотнями казаков и 4 орудиями, чтобы рассеять их. Невзирая на орудийный огонь с противоположных высот, казаки лихо атаковали бухарцев, сбили и гнали их несколько верст.

Уже прошло более 2-х часов, а посол эмира не возвращался с ответом, и не видно было никаких приготовлений со стороны бухарцев к отступлению. Напротив того, они открыли огонь из орудий и начали стягивать свои войска для ближайшей защиты переправы через р. Зарявшан. Тогда генерал Кауфман двинул наши войска вперед двумя колоннами: генерал-майора Головачева и полковника Абрамова. Под сильным ружейным и орудийным огнем, угрожаемые к тому же атаками с флангов, обе колонны перешли по грудь в воде несколько рукавов реки Зарявшан и отважно пошли на приступ неприятельской позиции, которая вся изрыта была траншеями для стрелков.

«Странный вид представляли эти горсточка наших солдат», читаем в «Обзоре войн», «окруженные и разъединенные тучами бухарских всадников, все подвигавшиеся к позиции, признававшейся неприступной и занятой в десять раз сильнеешим противником. Но такова сила духа, такова не знающая невозможного отвага русских войск, что уже одно это безостановочное движение вперед наших колонн поколебало сердца бухарцев, стало представляться и им неотразимым. Действительно, когда наши войска, перейдя последний приток, с криком «ура» бросились на длинные линии бухарцев в штыки, все бежали, оставив нам 21 орудие и массу оружия».

Потери наши были крайне незначительны, всего до 40 человек убитыми и ранеными. Жители Самарканда не пустили бе-

жавшие бухарские войска в город и сдали на следующий день, 2-го мая, свою священную столицу без выстрела.

В тесной связи со взятием Самарканда находится его геройская защита нашими войсками против бухарцев, окончательно закрепившая за нами этот важный город.

Для упрочения нашего положения в долине Зарявшана генерал Кауфман отправил в разные места отряды для разбития бухарских скопищ и для овладения некоторыми укрепленными пунктами. Наконец, и сам командующий войсками принужден был двинуться 30 мая против эмира, оставив в Самарканде небольшой отряд.

Между тем, взятие священного города дало новый сильный толчок мусульманскому фанатизму. Составился обширный заговор с целью произвести поголовное восстание мусульман в наших владениях тотчас же после отобрания Самарканда обратно от русских. Однако в самом Самарканде не видно было приближения собиравшейся грозы. Жизнь в городе с первого же дня его занятия стала принимать свой прежний характер; лавки открылись, и между русскими и городскими жителями, по-видимому, начали устанавливаться добрые отношения.

Но с уходом генерала Кауфмана жители Самарканда, видя малочисленность оставленного гарнизона, легко поддались агитации мулл. Уже утром 1 июня жители города приняли угрожающее положение; на улицах видны были горожане с батиками, перебежавшие из сакли в саклю; на базаре шумела толпа и летели в русских с крыш камни, а за городскими стенами собирались огромные скопища неприятеля, число которого, как потом оказалось, простиралось до 65 тысяч человек.

В Самарканде остались 4 роты пехоты, одна рота сапер, 2 орудия и 2 мортиры. Гарнизон состоял под командою майора Штемпеля и представлял силу в 658 штыков, считая в том числе больных и слабых, не взятых генералом Кауфманом с собой. Самарканд окружен был полуразвалившейся глинобитной стеной в 3-4 сажени вышиной, которая шла вокруг города в виде неправильного многоугольника. Внутри городской ограды, в северо-западном конце ее, на возвышенном месте стояла цита-

дель с такими же глинобитными стенами, находившимися тоже в полном разрушении. В цитадель вели двое ворот: бухарские и самаркандские. К стенам цитадели близко подходили городские постройки, и потому впереди их не было свободного пространства. Внутри цитадели находился дворец, представляющий довольно большие выгоды для обороны, как последний оплот.

Не имея возможности защищать город по незначительности своих сил, майор Штемпель отступил в цитадель и распорядился приведением ее в оборонительное положение. В цитадель удалились множество еврейских семейств и наши купцы, принимавшие деятельное участие в ее обороне, как то Хлудов, Трубочанинов, Иванов и другие, а также наш известный художник Верещагин.

2-го июля неприятель, потрясая воздух дикими криками, при звуке зурн и барабанов ворвался в город и разлился по всем направлениям; кое-где виднелись развевавшиеся значки начальников. Вскоре неприятель, не взирая на наш огонь, огромными толпами бросился на стены цитадели, цепляясь за них железными кошками.

Особенно стремительное нападение произведено было на самаркандские ворота, которые удалось неприятелю поджечь; но благодаря энергии прапорщика Мамика и мужеству русских, удалось отбить несколько штурмов. Главные усилия неприятеля обращены были против бухарских ворот, которые тоже были подожжены с помощью брошенных под них двух мешков с порохом. Прибывший на этот опасный пункт полковник Назаров, оставшийся по болезни от похода, нашел ворота и прилегающие постройки в огне; горящие угли перебрасывало на камышовые крыши соседних сакель. Для тушения горевших ворот вызваны были охотники.

«Нельзя было надивиться этому поистине молодецкому подвигу», пишет очевидец, поручик Черкасов. «Осыпанные градом пуль, охваченные пылающим огнем, охотники успели снять ворота, бросить на землю и, таким образом, потушить их. Между тем орудие наше, поставленное позади ворот, почти неумолкаемо действовало картечью по толпам неприятеля, бросавшегося в ворота».

На глазах неприятеля с страшными усилиями и потерями была устроена перед воротами баррикада из земляных мешков, и орудие помещено за ней для лучшего обстреливания улиц города. Надо заметить, что множество неприятельских трупов, обгорая в огне зажженных городских сакель, издавали невыносимое зловоние, так что с трудом можно было оставаться на баррикаде. Не прерывавшиеся в течение целого дня штурмы прекратились с наступлением темноты, и ночь прошла спокойно. Для уведомления генерала Кауфмана об отчаянном положении осажденных ночью был послан один преданный нам джигит, который для этого переоделся нищим.

На следующий день с рассветом опять начались те же отчаянные приступы и те же усилия неприятеля раздавить горсть русских людей, но непобедимая энергия и стойкость защитников вновь спасли дело. Ожесточенные штурмы продолжались до 3 часов, но без всякого успеха. К защите ворот и брешей в стене привлечены были больные и раненые. Многие, перевязав свои раны, добровольно вновь возвращались назад, многие, получившие по несколько ран и залитые кровью, не хотели покидать своих товарищей и оставались в рядах. Вечером, около 6 часов, штурмы возобновились. Комендант, майор Штемпель, решил, в случае необходимости, отступить во дворец, который поэтому деятельно приводился в оборонительное положение. При невозможности устоять перед напором неприятеля и в этом последнем оплоте, решено было, по общему согласию, взорвать все на воздух, для чего в ночь на 4-е июня во дворец свезен был весь порох и снаряды. 4, 5 и 6 июня неприятель хотя и предпринимал частные приступы, но энергия его, видимо, ослабела. В виду этого наш храбрый гарнизон стал сам делать вылазки и жечь городские сакли.

7 июня от генерала Кауфмана было получено известие о том, что он идет на выручку форсированным маршем. Тотчас же эта радостная весть облетела многострадальный гарнизон; громовое «ура» раздавалось по всей цитадели, и защитники поздравляли друг друга с благополучным окончанием осады.

Последняя среда

8 июня неприятель стал поспешно очищать, и последние его толпы были атакованы гарнизоном цитадели. Вскоре показались передовые казаки, а за ними генерал Кауфман с отрядом вошел в город и горячо благодарил храбрый гарнизон, потерявший более трети своего состава, за геройскую защиту цитадели.

В наказание жителей приказано было сжечь городской базар, как главную часть города. Так кончилась эта славная страница истории русской военной славы и доблестей русского офицера и солдата.

(Нива, 1893, №19(2), с. 450-452)

ЭКОНОМИКА ПРОЦВЕТЕНИЯ

АНДРЕЙ ПУСТОГАРОВ

ГАСТАРБАЙТИЧЕСКОЕ ЧУДО

Вначале несколько тезисов из моей статьи «Почему Гитлер начал войну и почему распался СССР?» («Последняя среда». тема «Прошлое»).

Всю эпоху Нового и Новейшего времен в основе борьбы за мировое лидерство лежал движитель, который можно сравнить с электрической батареей, два полюса которой – нищета и достаток. Осуществив массовый сгон крестьян с земли, Англия 17 века создала армию пролетариев, вынужденных за гроши напряженно трудиться на английских мануфактурах, отрабатывая свой скачок из нищеты сельской в более обеспеченную городскую жизнь. Процесс развивался по стандартной схеме: сгон крестьян с земли – получение за счет их труда рекордных прибылей – достижение экономического и финансового лидерства в мире\регионе – осуществление технической революции.

Техническая революция всегда есть результат этого процесса, его завершающая – а отнюдь не начальная – стадия. Так же было в Пруссии и России. В США было немного не так. Получив первоначальный импульс от труда чернокожих рабов в хлопковой промышленности (где и началось техническое перевооружение), экономика США в дальнейшем росла за счет труда иммигрантов.

«В большой степени резерв рабочей силы пополнялся теперь за счет иммиграции. Место квалифицированных ремесленников занимали вчерашние крестьяне, приехавшие из Европы: их обучение проводилось быстрее и дешевле, стандартизация производства сделала рабочую силу взаимозаменяемой. Это побудило крупный бизнес активнее использовать переселенцев на крупных фабриках, в том числе, и в борьбе с рабочими организациями, что в конце концов привело к снижению их активности в крупных промышленных центрах. Начиная с 1820-х гг.

количество иммигрантов, приезжающих в Соединенные Штаты, стало резко расти. Столкнувшись с проблемами войны, бедности, дискриминации, иммигранты надеялись на лучшую жизнь в Америке». (С.Плетнев. Нэтивизм в общественно-политической жизни США на исходе XIX столетия. МГУ, Кафедра новой и новейшей истории зарубежных стран, Диплом, М.1996).

Всего же в 1870 – 1890 годах в США въехали около 14 млн. человек. Вслед за притоком иммигрантов в США устремился и капитал из Европы – только в 1870 – 1880 годах 3 млрд. долларов. Оба эти фактора и «запустили» бурный рост промышленности. Заметим, что при этом широко использовались технологии, уже освоенные до этого в Англии. К середине 1890-х годов США вышли на первое место в мире по объему промышленного производства. После этого в начале 20 века США выходит на передовые позиции в науке и технике, развивая автомобильную, химическую, электротехническую, строительную и другие отрасли.

Запомним эту особенность развития США. Подчеркнем, что определяющим является само наличие зазора нищета-достаток, а не источник его появления. Источником прибыли, идущим на экономическое развитие, могут стать результаты войны или экономического кризиса, приведшие к обнищанию значительной части населения. Для примера скажем, что именно результаты Великой Депрессии позволили Гитлеру за счет низкой оплаты труда рабочих военной промышленности осуществлять милитаризацию Германии. К концу 30-х – началу 40-х зарплата в Германии подошла к предкризисному уровню, возникли экономические проблемы, Гитлер решил, что тянуть с Большой войной нельзя. (Напомним, что ресурс сгона крестьян с земли был Германией давно исчерпан – доля городского населения превышала 75% – а колоний с нищим населением у Германии не было).

Как это ни парадоксально звучит, но Вторая Мировая, принесшая Германии значительные разрушения и убытки, стала основой для ускоренного роста ФРГ в послевоенные годы. К факторам роста можно добавить еще значительное количество беженцев из советского сектора оккупации.

К 1951 году промышленное производство в ФРГ достигло

довоенного уровня: в 1948 его прирост составил 50%, в 1949 и 1950 – по 25%, в 1951 – 18%. В качестве факторов роста называют мобилизацию внутренних ресурсов, поддержание на низком уровне народного потребления, большие резервы высококвалифицированной рабочей силы. При этом наблюдался активный рост монополий: в конце 1953 года на 2,3% от общего числа предприятий работало около половины рабочей силы и выпускалась половина продукции страны.

Принято, правда, в первую очередь, объяснять этот, названный чудом, рост либеральными реформами министра экономики (впоследствии канцлера) Людвиг Эрхарда.

Однако, несмотря на сохранение либерального курса, рост экономики в конце 50-х замедлился: в 1960-м прирост составил 8,8%, в 1964 – 5,5%. На наш взгляд, объяснение в том, что исчез созданный войной ресурс нищеты – благосостояние немцев «превысило уровень лучших предвоенных лет».

(Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и так называемый план Маршалла. Однако по нему Западная Германия получила в общей сложности 1,3 миллиарда долларов, что составляло 2% от ВВП 1948 года и 1% от ВВП 1950-го. В дальнейшем мы покажем, что даже прибыль от использования гастарбайтеров в течение всего лишь одного года сопоставима с размером этой помощи. В послевоенной Германии с большой долей нищего населения прибыль от ресурса нищеты была, конечно, значительно больше американской помощи).

В 1966 экономический рост в Германии практически прекратился, а в 1967 произошло падение производства. Казалось бы, немецкому экономическому чуду пришел конец. В начале 70-х Германия вышла из рецессии, но в 1974-1975 годах происходит очередной кризис с падением промышленного производства.

Однако, несмотря на это, ФРГ в 1970-х годах удалось провести структурное преобразование своей экономики – осуществить переход к наукоемким технологиям. Для решения этой задачи были существенно увеличены расходы на науку и на опытно-конструкторские разработки: к 1970-му они увеличились в 5,2 раза по сравнению с 1960-м.

В результате Германия вышла на лидирующие позиции в металлургии, станко- и автомобилестроении, химической промышленности, средствах связи, строительстве атомных станций. Все это, несмотря на кризисы начала 80-х и середины 90-х годов, позволило ей в период с 1983 по 1990 годы достичь устойчивого роста экономики, да и в настоящее время в условиях мирового кризиса оставаться «локомотивом Европы», приводящим в движение китайские товарняки.

За счет каких ресурсов было проведено это структурное преобразование?

Наш ответ: за счет гастарбайтеров из Турции, Югославии, Италии.

Численность иностранных рабочих в ФРГ возросла с 668 тысяч в 1963 году до 2,35 миллионов в 1973-м. Попробуем подсчитать, какую выгоду получала Германия от использования труда гастарбайтеров. Считается, что экономия германских предприятий на каждом рабочем месте, занятом мигрантом, по сравнению с оплатой немецкого рабочего составляла около 32 марок в день или 8448 марок в год (немец получал за аналогичную работу вдвое больше). В пересчете на общее число гастарбайтеров сумма составит почти 20 миллиардов марок в год, то есть около 7,5 млрд. долларов.

Вот это та прибыль, которую правящий класс ФРГ получил от использования труда гастарбайтеров, и которую он мог тратить по своему усмотрению, в частности на реструктуризацию германской промышленности.

Много это или мало?

ВВП ФРГ в 1973 году составил 385 млрд. долларов. То есть прибыль, полученная от гастарбайтеров, составила чуть менее 2% от ВВП. Подчеркнем, что это не доля ВВП, созданная гастарбайтерами, а та добавочная прибыль, которую немецкие работодатели получили от их труда. 2% – это вроде немного. Но посмотрим какая доля ВВП вообще возвращается обратно в экономику (величина этой доли как раз и является фактором, определяющим скорость развития экономики). Для США она в последнее время равнялась 15%, для Японии – 31%, для ФРГ – 22%. Таким

образом, прибыль от гастарбайтеров в 2% от ВВП равняется примерно одной десятой всех средств, возвращаемых в экономику в результате годового цикла. Это само по себе не мало. Но давайте взглянем на долю ВВП, которую ФРГ тратило на научные разработки. В 1975 году эти траты составили 1,6% от ВВП страны. То есть, прибыль от труда гастарбайтеров в 2% от ВВП с лихвой перекрывала все затраты ФРГ на научные разработки, на основе которых и проводилась реструктуризация экономики. Можно сказать, что гастарбайтеры оплатили эту реструктуризацию, обеспечив ФРГ роль «локомотива Европы».

Уникальна ли в этом отношении Германия? Да нет, конечно. В начале 70-х число иностранцев вместе с семьями составляло в ФРГ 4 миллиона человек. При общем населении около 59 миллионов человек это дает 6,7%. Во Франции в 1976 году число иностранных мигрантов составляло те же 4 миллиона человек, то есть уже 7% населения.

В связи с этим можно вспомнить следующий анекдот: «– Почему немецкие автомобили лучше французских? – Потому что турки работают лучше алжирцев». И эту шутку, в которой, как известно, есть доля шутки, можно отнести к общему влиянию трудовых мигрантов на развитие страны.

Итак, имеющая более высокий по сравнению с соседями уровень жизни – и, соответственно, зарплат – страна привлекает из-за рубежа трудовых мигрантов и, во-первых, увеличивает свой отрыв от этих самых соседей, а, во-вторых, за счет труда гастарбайтеров получает в свое распоряжение ресурс, дающий шансы в гонке за мировое\региональное лидерство. Причем, как мы показали, этот ресурс вполне может обеспечить технологический рывок.

Перейдем теперь непосредственно к России. В статье «Почему Гитлер начал войну и почему распался СССР?» мы изложили наш взгляд на причины распада Советского Союза: ресурс или энергия труда крестьян, «вымываемых» из нищеты деревни в город была исчерпана в СССР к середине тех же 70-х, когда уровень урбанизации приблизился к 60% и произошел существенный рост доходов населения. Возможный ресурс, связанный с долей прибыли от вовлечения под советским техническим руковод-

ством в промышленное производство масс китайских крестьян, был утрачен СССР в конце 50-х в результате разрыва отношений с КНР. Этот ресурс китайской нищеты был, начиная с 80-х, использован США, после чего крах СССР в гонке за мировое лидерство стал неизбежен.

Выход из тяжелого кризиса был найден на пути встраивания в мировую систему эксплуатации китайского ресурса в качестве источника энергоносителей. Именно это, по существу, имел в виду Горбачев, когда заговорил об «общечеловеческих ценностях». В качестве цены за это вхождение в мировую экономику, по всей видимости, и была названа дезинтеграция СССР. Можно называть эту дезинтеграцию трагедией, однако она, на наш взгляд, стала неизбежной после разрыва с Китаем и это уже был только вопрос времени. Дезинтеграция СССР, тем не менее, привела к появлению у России ряда потенциальных возможностей для роста.

Вначале это было просто общее обнищание населения в начале 90-х, за счет которого (то есть крайне дешевого труда) и происходил переход экономики на новые рельсы. Как только к этому ресурсу добавилась прибыль от продажи энергоносителей – начался стойкий экономический рост. Заметим, что непрерывный экономический рост, продлившийся до 2009 года, начался еще в 1999 году, когда цена на нефть, хоть и прошла уже минимум, но была ниже, чем в 1996 и 1997 годах. То есть начало экономического роста в России, на наш взгляд, произошло именно на основе ресурса нищеты, образовавшегося в начале 90-х.

За 1999-2009 годы уровень реальных доходов населения, согласно официальной статистике, вырос примерно в 2,5 раза и превысил уровень 1991 года. Таким образом, постсоветский ресурс нищеты для России был исчерпан. Однако, образовавшийся более высокий уровень доходов населения по сравнению со многими соседями – бывшими странами СССР открыл перед Россией возможность использования ресурса трудовых мигрантов.

Приведем данные ФМС на декабрь 2012 года о находившихся в России иностранных гражданах: граждан Узбекистана – около 2,3 млн., Украины – 1,4 млн, Таджикистана – 1,1 млн., Азер-

байджана – 620 тысяч, Киргизии – 540 тысяч, Китая – 200 тысяч, Исходя из этого, число трудовых мигрантов в России (вместе с семьями) можно оценить примерно в 6 млн. человек. Итого 4,2% к общему числу граждан России. Сопоставление с 6,7% и 7% для ФРГ и Франции в середине 70-х показывает, что эти страны для своего технологического рывка привлекали по крайней мере в полтора раза большую долю гастарбайтеров.

Здесь мы в очередной раз должны заметить, что, на наш взгляд, в течение всего Нового и Новейшего времени опережающее развитие страны всегда происходит за чей-то счет: определенных групп своего населения (тех же крестьян), населения колоний\неоколоний, гастарбайтеров. Собираемая за их счет повышенная прибыль инвестируется далее в развитие науки и технологий, обеспечивающих глобальное лидерство. На наш взгляд, пока нет другого пути и для России, если она хочет быть конкурентноспособной в окружающем мире. Задача граждан России – добиться того, чтобы образующаяся в России прибыль от продажи энергоносителей и труда иностранных рабочих не уходила из страны, а шла на ее развитие.

Заметим, что, как и сам труд гастарбайтеров, прибыль от него изначально поступает непосредственно в экономику России, создавая возможность для ее модернизации. Для сравнения – в 2008 году (с максимальным уровнем таких доходов) доходы нашего бюджета от продажи углеводородов за рубеж и налогов на их добычу составили около 110 миллиардов долларов. При числе гастарбайтеров в России в 7% от всего населения и при прибыли, получаемой от использования гастарбайтера вместо россиянина, в 500 долларов в месяц (что вполне сопоставимо с аналогичной прибылью ФРГ в 70-х), величина общей прибыли от труда мигрантов будет равна 60 миллиардов долларов в год. Причем, в отличие от бюджетных денег, эта прибыль уже изначально будет находиться в экономике страны. Еще для сравнения: расходы на науку в бюджете России в 2012 году – около 10 миллиардов долларов.

Таким образом, правильное использование ресурса гастарбайтеров вполне может обусловить российское экономическое

чудо. И отказываться от этого ресурса – означает заведомо похоронить все надежды на экономический прорыв.

Нельзя, конечно, не сказать о социальных напряжениях в обществе, возникающих при значительном количестве гастарбайтеров. Объективно наличие гастарбайтеров приводит к увеличению уровня безработицы и снижению\ограничению роста зарплат местного населения. В принципе, это ограничение роста зарплат и потребления также может быть использовано, как ресурс для рывка, как это было во время «экономического чуда» в Германии. Поэтому более серьезной, на наш взгляд, проблемой, является безработица.

Приведем данные о безработице в ФРГ времен структурной модернизации: в 1970 году она составила 0,6%, в 1975 – 4,3%, в 1980 – 3,5%, в 1984 – 9,2%. Для Франции соответствующие цифры; 1,3%, 4,15%, 7,2% и 11,1%. Безработица в России в последние годы колеблется на уровне 6-7 % от трудоспособного населения. Что почти в два раза превышает уровень безработицы в ФРГ во второй половине 70-х, когда шло массовое использование труда гастарбайтеров.

Исходя из этого, повышение доли гастарбайтеров в России, должно сопровождаться созданием новых рабочих мест, без чего неизбежен уровень безработицы, угрожающий социальными и межэтническими конфликтами.

У меня есть надежда, что российское правительство понимает все те вещи, о которых я написал в своей статье. Хорошо бы, чтоб их понимало и российское общество.

06.08.2013

МУЗА ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

ЕКАТЕРИНА БЕЛАВИНА

МУЗА ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ.

Гумилев и Сандрар

Памяти моих любимых учителей

Г.К. Косикова и Л.Г. Андреева

Два поэта, два великих путешественника, Николай Гумилев и Блез Сандрар были друг другу современниками, почти ровесниками по году рождения: в 1886 году Гумилев появился на свет в Кронштадте, Сандрар – в 1887, в городе Ла-Шо-де-Фон, в Швейцарии. В их биографиях совпадения дат или направлений путешествий кажутся удивительными, как будто все это происходило в каких-то разных мирах, настолько различны их голоса и их судьбы: жизнь Гумилева была прервана расстрелом в 1921 году, Сандрар скончался в 1961 году в Париже, вскоре после получения Большой парижской литературной премии. Книги Сандрара переведены на многие языки, а во Франции его стихи были и остаются неизменной «книгой в дорогу», которую можно найти в газетном киоске на каждом вокзале. Стихи Гумилева не печатались на родине с 20-х годов XX века, и только в конце восьмидесятых стало возможно его литературное «возвращение».

Творчество Гумилева и Сандрара – яркий пример пересечения литературных путей России и Франции. Россия влекла Сандрара, Франция – Гумилева. Обе страны оставили свой след в творчестве поэтов-путешественников, но их пути пролегли далее, на восток, на юг, на запад.

В 16 лет Гумилев опубликовал первую книгу стихотворений «Путь конквистадоров», запечатлевший юношеские грезы над страницами Жюль Верна, Луи Жаколио, Майн Рида, Фенимора Купера.

В свои 16 лет Сандрар впервые увидел Россию, до этого побывав с родителями и в Египте, и в Италии, и в Англии.

Гумилев с 1906 года живет в Париже, слушает лекции в Сорбонне, издает литературный журнал «Сириус», в котором будут опубликованы первые стихи Анны Ахматовой. В стихотворении «Франция», написанном в 1907 году, есть строки, исполненные патриотизма, но обращенные не к России, а к земле «где пел Гюго, где жил Вольтер, страдал Бодлер»:

Лишь через наш холодный труп
Пройдут враги, чтоб быть в Париже. [2, с.357]

В 1909 году Сандрар возвращается в Россию, здесь был издан перевод его «Легенды о Новгороде», авторство которой до сих пор вызывает бурные споры среди специалистов, поскольку французский текст так и не был найден. В 1913 году в Париже выйдет его поэма «Проза о Транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской», которая породит новый миф современности: с тех пор в европейцах живет мечта увидеть Сибирь из окна поезда*.

Для Гумилева – Франция, для Сандрара – Россия были только началом, отправной точкой географического освоения мира. После европейских поездок – по Бельгии и Англии – Сандрар направится в Америку Северную и Южную, в Африку. Гумилев побывает в Греции, Турции, Александрии и Каире, примет участие в трех длительных экспедициях по Египту и Абиссинии (последняя из них – научная командировка от Академии Наук).

У двух покорителей пространства есть строки, зовущие в путь, призывы «Музы дальних странствий» (если воспользоваться выражением Гумилева). Сандрар пишет семисложниками, которые складываются – как речь – только без учета немого [э], свойственного классической силлабике:

Quand tu aimes il faut partir
Quitte ta femme quitte ton enfant [2, с.11]

– и с совершенно другой интонацией откликаются безупречные хорей Гумилева:

Свежим ветром снова сердце пьяно,
Тайный голос шепчет: «Все покинь!» [2, с. 242]

* Она нашла отражение в 2010 году, в рамках года Франции в России и России во Франции, в проекте “Поезд Блез Сандрар”, на котором французские писатели и деятели культуры совершили путешествие вглубь России

Акмеизм и симультанизм

Гумилев и Сандрар, оба – первопроходцы, первооткрыватели новых путей поэзии. Гумилев провозгласил акмеизм в 1912 году. Он стоял у истоков этого направления, развившегося в противовес символизму, как его преодоление. Акмеизм противопоставил мистике и метафизике, устремленности в «au de-là;» осязательность образа, предметность, точность слова. О предметности, но совсем иного свойства, говорил и Сандрар, отстаивавший свой метод: симультанизм (от фр. *simultané* – одновременный). Аполлинер в статье «Симультанизм-либреттизм» проводит четкую границу между либреттизмом – наложением нескольких голосов, и настоящим симультанизмом – искусством представления (*presentation*) в отличие от описания. [5, с.974-979]. У Сандрара человек, смотрящий на предмет, и этот самый предмет сливаются в одно: «Именно в ощущении вся сила, а слово лишь составляет с ним единое целое. Нет ни малейшего зазора между ощущением и словом. Среди слов – никаких украшательств, ничего бесполезного. [...] Здесь мы прикасаемся к поэзии *à l'état brut* (фр. – в чистом виде)». (*Lettre à Smirnoff, Paris 23 d;c. 1913*) [6].

Сандрар стремился к фиксации впечатлений, к документальности, к достоверности свидетельства. В его стихах почти всегда есть указание на время и место, есть стремление запечатлеть свою-встречу-с-миром. В сборнике «Дорожные листки» («*Feuilles de route*») по названиям стихов можно восстановить его маршрут: «В скором поезде в 19.40», «Бильбао», «Ля-Корунья», «Вилла Гарсиа», «На берегах Португалии», «в пути на Дакар» и др. («*Dans le rapide de 19.40*», «*Bilbao*», «*La Corugna*», «*Villa Garcia*», «*Sur les côtes du Portugal*», «*En route pour Dakar*») [8].

Четкое самопозиционирование по времени и пространству принципиально для Сандрара. Множество обстоятельств места появляются в его стихе не из любви к экзотическим словам, отнюдь. Обстоятельства времени тоже многочисленны и разнообразны, условные – человеческие, безусловные – астрономические. Прежде чем говорить о чем-либо, Сандрар позиционирует свой дискурс, приведем первые строки стихотворений «Дорожных листков»:

Последняя среда

Je passe la grande partie de la nuit sur le pont [8, p. 30]

Я провожу большую часть ночи на палубе

Il fait dimanche sur l'eau [8, p.36]

Воскресная погода на воде

Une heure de taxi le long de la plage [8, p.42]

Час в такси вдоль пляжа

Le soir tombe sur la coté américaine [8, p. 43]

Вечер падает на американский берег

La cote montagneuse est éclairée á giorno par la pleine

Горное побережье освещено как днем полной

Lune qui voyage avec nous [8, p. 44]

Луной, которая путешествует с нами.

Il est quatorze heures nous sommes enfin á quai [8, p.50]

Четырнадцать часов мы наконец на пристани

Обстоятельства времени и места выражают стремление оставить след своего неукротимого движения во времени и пространстве.

В одном из стихотворений поэт указывает точные координаты:

«35;57; северной широты, 15;16; западной долготы»

Сегодня это случилось.

С начала пути ожидал я событие это.

Море было красивым, нас волны качали.

С утра было тучами небо покрыто.

В четыре часа пополудни

За домино я сидел.

Неожиданно вырвался крик у меня из груди,

Я на палубу бросился:

Вот оно! Вот оно!

Синева ультрамариновая.

Синева попугая небесного.

Жаркий воздух.

Как это случилось, понять невозможно и

Невозможно название этому дать,

Но во всем изменилась тональность.

Вечером четырехкратное я получил тому

Подтверждение:
Небо стало прозрачным,
Заходящее солнце на колесо походило,
Луна казалась другим колесом,
А звезды стали значительно больше,
Значительно больше.
Эта точка находится между Мадерой по
Правому борту и Касабланкой по левому
борту.
Началось!
(Перевод М. Кудинова) [4, с.101]

В переводе сразу же бросается в глаза наличие знаков препинания, от которых Сандрар отказался сознательно. Приведем несколько строк, чтобы разница стала очевидной:

Il était 4 heures de l'après-midi
J'étais en train de jouer aux dominos
Tout à coup je poussai un cri et je courus sur le pont
C'est ça c'est ça [8, p. 19]

Легко видеть, что в русском варианте слог поэтизирован за счет инверсий, приглажен пунктуацией. Единственный признак книжности слога в этом стихотворении Сандрара – это использование письменного времени *passé simple*. Синтаксис прост, к концу стихотворения описание уступает место отдельным мазкам, царит безглагольность:

Le soleil couchant comme une roue
La pleine lune comme une autre roue
Et les étoiles plus grandes plus grandes [8, p. 19]

Повторы создают неловкость необработанной, не заготовленной заранее речи.

Само событие остается именно моментом, неотделимо от его обстоятельств, воспринимающий центр – «я» поэта постоянно присутствует в «Дорожных листках» Сандрара.

У Гумилева путешествие – наполовину греза, ему предшествующая.

О Франция, ты призрак сна,
Ты только образ, вечно милый,

Последняя среда

Ты только слабая жена
Народов грубости и силы.
(Франция [2, с. 355])
Как картинка из книжки старинной,
Услаждавшей мои вечера,
Изумрудные эти равнины
И раскидистых пальм веера.
(Египет [2, с. 94])

Если любимый жанр Блеза Сандрара – это дневник, то у Гумилева – экфразис (описание произведения изобразительного искусства литературными средствами), любой пейзаж видится ему картиной. Как пишет Леонид Быков в статье «Слово среди земных тревог»: «В отличие от большинства коллег Гумилев стихотворения не датировал: «Не прикован я к нашему веку...» Он не хотел и не умел быть подотчетным Истории. Время в его стихах поверяется не хронологией, а природными циклами или человеческим возрастом: весна, лето, осень, детство, отрочество, юность...» [1, с.22].

Стихотворения Гумилева не похожи на бортовой журнал. Как песчинку – перламутром, реальные детали, отправные точки, обволакивает воображаемое:

Вот таким ты увидишь Египет
В час божественный трижды, когда
Солнцем день человеческий выпит
И, колдуя, дымится звезда.
(Египет [2, с. 95])

Названия сборников дают представление о его географических перемещениях и пристрастиях; пробежавшись по оглавлению, мы увидим Китай, Индокитай, Красное море, Египет, Сахару, Суэцкий канал, Судан, Абиссинию, Сомалийский полуостров, Либерию, Мадагаскар и т.д.

Для того, чтобы понять соотношение реального момента жизни и момента чтения для Гумилева, стоит упомянуть одну биографическую легенду: «отвечая на вопрос, что он испытал, попав в Сахару, Гумилев (вообще-то, до знаменитой пустыни не добравшийся), сказал, что он и не заметил ее, поскольку сидел на верблюде и – читал Ронсара». [1, с.24].

Две поэмы

В 1912 году выходят две поэмы, связанные с Америкой, ее историей и современностью: три песни поэмы «Открытие Америки» Гумилева (в составе книги «Чужое небо») и поэма Сандра-ра «Пасха в Нью-Йорке».

«Пасха в Нью-Йорке» представляет собой 205 строк, объединенных попарной рифмовкой и разбитых на неравные строфы. Это горестный монолог, формально обращенный к богу, это тревоги одинокой, мятущейся души в праздничную ночь. В поэме, вскрывающей острые социальные проблемы, события ночи Страстей господних переживаются вновь, пропущены через «я» как нечто, происходящее теперь, в замкнутом в христианской цикличности времени:

Seigneur, c'est aujourd'hui le jour de votre Nom,
J'ai lu dans un vieux livre la geste de Votre Passion,

Et votre angoisse et vos efforts et vos bonnes paroles
Qui pleurent dans le livre, doucement monotones.

Je suis comme ce bon moine, ce soir, je suis inquiet.
Dans la chambre á coté, un être triste et muet

Attend derrière la porte, attend que je l'appelle!
C'est Vous, c'est Dieu, c'est moi, c'est l'Eternel. [7]

Стратегия рифмовки в поэме – иронический кивок в сторону традиции, религиозной секвенции: рифмы бедные, неточные, ассонансы соседствуют с богатыми, но стертыми традицией, банальными рифмами:

Les fleurs de la Passion sont blanches, comme des cierges.
Ce sont les plus douces fleurs au Jardin de la Bonne Vierge. [7]

Преобладающие цвета поэмы соответствуют церковному празднику: белый, алый, золотой. Но сравнения и метафоры придают цветам иное звучание, передают болезненное, тревожное состояние:

Votre flanc grand-ouvert est comme un grand soleil
Et vos mains tout atour palpitent d'étincelles.

Les vitres des maisons sont toutes pleines de sang
Et les femmes, derrière, sont comme des fleurs de sang,

Последняя среда

D'étranges mauvaises fleurs flétries, des orchidées,
Caliches renverses ouverts sous vos trois plaies. [7]

Зловещие ассоциации, смешиваясь с впечатлениями, скользят по грани галлюцинации, эхом «Цветов Зла» и «Заката» («Soleils Couchants» Верлена): «et d'étranges rêves comme des soleils couchants sur les grèves, fantômes vermeils défilent sans trêves» ... Те же цвета в поэме Гумилева обретают совершенно иную тональность: «Сыплется в узорное окно//Золото и пурпур повечерий».

«Открытие Америки» состоит из 43 строф по 6 строк с разнообразными комбинациями рифмовки. У Гумилева «я» поэта тоже присутствует в тексте как бы свидетелем отдаленных исторических событий:

Мы с тобою, Муза, быстроноги,
Любим ивы вдоль степной дороги,
Мерный скрип колес и вдалеке
Белый парус на большой реке.
Этот мир, такой святой и строгий,
Что нет места в нем пустой тоске. [2, с.242]

У Гумилева – Муза также включена в «реальность», также телесна, как «в дорогой кольчуге Христофор», разбирающий чертежи со старым приором:

Лишь когда в сады спустилась мгла,
Стало тихо и прохладно стало,
Муза тайный долг свой угадала,
Подошла и властно адмирала,
Как ребенка, к славе увела
От его рабочего стола. [2, с.245]

У Сандрара, особенно в поэме «Пасха в Нью-Йорке», виден прием, напоминающий многократное экспонирование в фотографии. В пространстве одного кадра просвечивают друг сквозь друга два плана: реальный – бесцельное блуждание больного поэта по ночному Нью-Йорку и ночь Распятая.

Seigneur, quand vous mour;tes, le Rideau se fendit,
Ce que l'on vit derrière, personne ne l'a dit.
La rue est dans la nuit comme une déchirure,
Pleine d'or et de sang, de feu et d'épluchures.

Ceux que vous aviez chassés du temple avec votre fouet,
Flagellent les passants d'une poign;e de méfaits. [7]

Говоря о плачевном положении иммигрантов в Америке, о евреях и падших женщинах, Сандрар вновь ставит вопросы, отказываясь принимать ответы, предоставленные религией. Упрек, во всей поэме обращенный к богу, переносится на само общество. Рассказчик, как бы отворачиваясь от бога, заканчивая с ним разговор, переносит всю тяжести ответственности на людей, на каждого:

Je pense, Seigneur, á mes heures malheureuses...

Je pense, Seigneur, á mes heures en allées...

Je ne pense plus á Vous. Je ne pense plus á Vous. [7]

Гумилев «оберегает стихи от повседневности и потому не впускает в них тоску и меланхолию» [2, с.26]. Став свидетелем всех этапов революционных событий в России, Гумилев не посвящает им ни строчки. Он без страха, во всеуслышание, продолжает говорить о своих монархистских убеждениях после 1917 года. Некоторое время это воспринимается как шутка.

В соположении двух поэм 1912 года видна не только непохожесть двух поэтов, но различие путей развития поэтических систем России и Франции. На этом синхроническом срезе Гумилев использует живое богатство возможностей силлабо-тонической системы, Сандрар рифмует, дистанцируясь от приема (au second degr;), выбирая «крайние формы», использует повторы, неточные или традиционные предсказуемые рифмы.

Гумилев выбирает строфы по 6 строк, постоянно варьируя рисунок рифмовки. Его рифмы точны, богаты, безукоризненны, он рифмует всерьез и с наслаждением. Его новаторство – внутри метрики. Основываясь на скрупулезных статистических анализах, В.С. Баевский утверждает: «[...] в метрике Гумилёва заключены все основные тенденции русского стиха XX в. И если тактовики, акцентные стихи, верлибры его немногочисленны или единичны, то совсем иное дело – дольник: "временем окончательного формирования современного русского дольника можно считать 1910-1920-е годы; это формирование связано по преимуществу

с именами Ахматовой, Гумилёва, Маяковского, Есенина, Багрицкого" [10]. Известно, что "верлибр Гумилёв использовал редко и считал, что хотя тот и завоевал "право на гражданство в поэзии всех стран. Тем не менее, совершенно очевидно, что верлибр должен использоваться чрезвычайно редко"» [3].

Неудивительно, что Гумилев, знакомый с поэзией своих французских современников, предпочитает перевести на русский язык Теофиля Готье. Именно его перу принадлежит полный перевод «Эмалей и камней». Г.К. Косиков объясняет этот выбор: «Вот здесь-то и вставала проблема традиции, предшественников, на опыт и авторитет которых можно было бы опереться». «Всякое направление, – писал Гумилев, – испытывает влюбленность к тем или иным творцам и эпохам. Дорогие могилы связывают людей больше всего. В кругах, близких к акмеизму, чаще всего произносятся имена Шекспира, Рабле, Виллона и Теофиля Готье. Подбор этих имен не произволен. Каждое из них – краеугольный камень в здании акмеизма, высокое напряжение той или иной стихии. Шекспир показал нам внутренний мир человека, Рабле – тело и его радости, мудрую физиологичность. Виллон поведал нам о жизни, нимало не сомневающейся в самой себе, хотя знающей все, и Бога, и порок, и смерть, и бессмертие; Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм. Соединить в себе эти четыре момента – вот та мечта, которая объединяет сейчас между собой людей, так смело назвавших себя акмеистами» [11].

К предельной зримости, к отточенности каждого образа Парнасской школы стремился Гумилев, не отрекаясь от любимых поэтов; даже когда приходилось занимать «36 полен» для обогрева жилья у К. Чуковского, Гумилев уходил со словами: «Вы знаете о Леконте Де Лиле? Так почему же не знать о нем рабочему и крестьянину?» [1, с. 25].

В сторону свободного стиха

Отказ от рифмы Гумилев пробует, испытывает, но для него нужен особый повод, семантическая обусловленность неустойчивости, отсутствие твердой опоры:

Моя любовь в тебе сейчас – слоненок,
Родившийся в Берлине или в Париже
И топающий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца.
(Слоненок [2, с. 44])

Верлибр появляется, если это необходимо для передачи разнородности:

Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, веселой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.
(Мои читатели [2, с. 60])

У Сандрара каждая встреча с миром дает такой повод. Примечательно, что у “Пасхи в Нью-Йорке” есть продолжение “Journal”, первое из “19 эластических стихотворений”, где само название говорит о значимости свободной формы для Сандрара,

Christ

Voici plus d'un an que je n'ai plus pensé á Vous [7, с. 69]

Интонация создает форму стихотворения, между строками разнообразной длины трижды повторяется обращение-анафора Christ, прежде чем его отголоском становится крик – Cris.

Далее, в третьем стихотворении этого цикла Сандрар эксплицитно выражает свой принцип письма:

L'unité

Il n'y a plus d'unité. [7, с.74]

Единство

Больше нет единства.

Разнородность становится основным принципом стиха, длина строк варьируется, и разбиением синтагм, неожиданной задержкой дыхания структурируется поэтическая речь. Пауза становится несущим элементом стиха, отказавшегося от опоры на паронимическую аттракцию.

М. Мюра пишет: «Если раньше, поэтическая речь структурировалась по строкам с финальными рифмами, цезурами, то теперь только сегментация, интонационное членение создает поэтический дискурс» [9, с. 35].

Исследователь обращает внимание на синтаксические особенности стиха Сандрара: «... стих навязывает себя, не только переносами, но и искусственной группировкой слов, которую он производит. Он воздействует на синтаксис, создавая невозможные конструкции, подобные оптическому обману. Строка «Il pleut les globes électriques» кажется похожей на гиперболу «il pleut des cordes», но это ложный путь». Мюра утверждает, что нужно дожидаться строки «Tout est halo», которая снимает двусмысленность. [9, с. 47-48].

Любопытно, что французский исследователь понимает электрические шары, как степень интенсивности дождя, хотя в идиомах предметы, с которыми сравнивается дождь, метафорически обозначают толщину струй – *pleuvoir des cordes, des halberdes*. Кроме того, артикль определенный, так что мне в первой строке видится не сравнение и не начало перечисления, а синкретическое единство впечатления встречи-я-с-миром. Это и дождь и фонари. Как они даны в одном акте восприятия, так и даны читателю – в одной строке.

Формально русский акмеизм наравне с футуризмом принадлежит к модернистским течениям начала XX века, также как и французский симультанизм. Если отвлечься от дат, кажется, что стихи Гумилева написаны раньше, его поэтика ближе к Парнасу. Разнообразие ритмики Гумилева гнездится внутри силлабо-тоники: как развитие общества, так и поэзии Гумилеву видится не в революции, а эволюции, оно пролегает через подспудное, почти незаметное изменение форм.

Сандрар, безраздельно принадлежащий модернизму, зачарованный «красным Христом русской революции», ищет форм без заметных звуковых опор. Его поэму «Пасха в Нью-Йорке» можно вполне было счесть ангажированной, переводить и публиковать в СССР. Однако в большинстве своем ангажированные поэты предпочитали рифмованные и ритмические формы,

поскольку они больше подходят для внушения идей, используя древние мнемотические свойства ритмической речи.

Неизвестно, каким бы стал поэтический слог Гумилева, если бы его жизнь не оборвалась в 35 лет, но из того, что нам оставлено историей, явственно видно, что Гумилев остается верен силлабо-тонике, а Сандрар уже первых строк – за пределами силлабики. Возврат к ней в «Пасхе в Нью-Йорке» несет семантическую нагрузку: силлабика – традиция, которую он ставит под вопрос, как и саму религию.

Верлибр возникает во Франции на обломках силлабики, расшатанной внутренней музыкой стиха, подточенной спорадическими рифмами и ассонансами Верлена и Рембо, как поиск более живой разговорной формы, в которую бы укладывалась образ, мысль, поэтическое слово. Формы, более подходящей для передачи процессов мышления, восприятия, воображения.

Сосуществование и соотношение в творчестве Сандрара верлибра и силлабики, а в творчестве Гумилева – силлаботоники и верлибра представляют собой характерный пример культурных взаимовлияний поэзии России и Франции без личного контакта участников литературного процесса.

Литература

1. Быков Л. Слово среди земных тревог// Гумилев Н. стихотворения и поэмы. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1997.
2. Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1997.
3. Гумилев Н. Интервью. Газета New Age v. XXI № 9.
4. Сандрар Б. По всему миру и вглубь мира. М. Наука, 1974.
5. Apollinaire G. Œuvres en prose complètes. Paris: Gallimard Pléiade 1977-1993.
6. Cendrars B. Tout autour d'aujourd'hui – œuvres complètes (édition en quinze volumes établie sous la direction de Claude Leroy) P. Ed. Denoël, 2001-2006.
7. Cendrars B. Du monde entier. Poésies complètes 1912-1924. Gallimard, 1967.
8. Cendrars B. Au cœur du monde. Poésies complètes 1924-1929. Gallimard, 1997.
9. Murat M. Le Vers libre. P. Honoré Champion, 2008.
10. Баевский В.С. У каждого метра своя душа. [Электронный ресурс]. <http://www.gumilev.ru/about/24/>
11. Косиков Г.К. Готье и Гумилев. [Электронный ресурс]. http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Kosikov_GautierGumilev.htm

AMARCORD

НИНА ЛЕОНТЬЕВА

МОЯ СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Со Средней Азией у меня были две встречи-касания, жизненно очень важные. Первое посещение относится к детству, во время войны и эвакуации из Москвы (с 1942 по 1946 год). Второе произошло в зрелом возрасте, когда я пыталась убежать от филологии в геологию, и оно длилось всего полгода.

ДЕТСТВО В ТАДЖИКИСТАНЕ

В этот очень давний период были ещё города Алма-Ата, Ташкент, Сталинабад, Фрунзе – столицы наших республик в Средней Азии – туда эвакуировались во время войны многие москвичи. В Таджикистане уже жили мои бабушка с дедушкой и часть наших родных, вытесненных по разным причинам с Севера или из больших городов. Отец ушел добровольцем на фронт, даже не успев сообщить семье, жившей за городом; брата увезли в Сибирь с хором Александрова, а мама со мной пятилетней чудом вырвалась из уже пылающей столицы: мы уехали на самом последнем поезде от Союза писателей и добирались полтора месяца до улицы Шота Руставели в центре города (теперь Душанбе). Итак, Таджикская ССР, предгорья Памира, очень тепло и даже (о, чудо!) сытно, всё мирно, нет страшных бомбёжек и душного бомбоубежища. Вокруг соотечественники и друзья, там я пошла в детский сад, а потом в школу. Мы не различали национальности ни в саду, ни в школе, ни у ребят во дворе, с которыми играли в лапту, пасли вместе коров в предгорьях Памира, бегали босыми ногами по обжигающему песку, такому, что в нём можно было сварить яйцо. А во время редко выпадающих дождей все бросались по арыкам, счастливые тем, что можно было охладить ноги водой. Когда объявили об окончании войны и в городе устрои-

ли салют, вместе пели, плясали и собирали падающие гильзы на площади. Помню, как мы собрались вокруг соседа, который вернулся с войны прямо из Германии, и я не могла надышаться волшебным новым запахом из открытого им чемодана, где лежали ряды отточенных цветных карандашей – невиданное чудо для детей, не имеющих игрушек и потерявших многих родных во время войны.

Мы не вникали особенно в трудную жизнь взрослых, но всё же какие-то отзвуки будоражили, например, о «чёрной кошке»: раз я, выйдя на веранду ночью, увидела чёрную кошку, она лезла в открытую форточку – и я криком разбудила весь дом. Позже узнала, что речь шла о банде под именем «Чёрная кошка», а милая соседская кошечка была тут не виновата. Другой раз я проснулась ночью от суеты и увидела, что на меня падает наша высокая круглая печь чёрного цвета. Оказалось, это было землетрясение; меня кто-то схватил на руки и прямо с одеялом вынес во двор, где мы и пробыли до утра. Один раз наша злая корова (и звалась-то она Малюта) прошлась рогами по спине Юрки-сироты, который полез за её жмыхом в коровник. Но всё это (включая болезни и наказания) воспринималось как приключения.

Мама работала бухгалтером в геологической экспедиции на Памире, а когда отряд возвращался в город, то сидела в конторе с отчётами до поздней ночи, так что видели мы её очень редко. В одну из ночей я не могла уснуть и горько плакала, как оказалось, не зря: в середине ночи вдруг ударил свет в окна. На шум колёс выскочили все – это привезли маму с костылями после аварии в горах: их машина в горах сорвалась в пропасть, несколько человек погибли, лишь шофёр и мама чудом остались живы, – её и привезли домой. Долго после этого она ходила на костылях, но продолжала работать, хотя возвращаться домой ночью через глубокий овраг было страшно.

Но и радостей у этого детства тоже было немало: мы ели вкусные цветы белых акаций, раскрывали и лизали какие-то сладкие большие стручки, отрывали в земле то ли чеснок, то ли ещё что-то съедобное, обирали паслён и плоские «лепёшечки» с кустов, таскали из коровника жмыхи, и т.д. Иногда проезжав-

шие на ишаках таджики угощали нас тутовником, прося взамен кусок хлеба, и мы тайком выносили из дома, что у кого было. Вывернутые наизнанку зёрна кукурузы мы почему-то называли «шашлыком» (теперь это попкорн). А что за радость это (до-) и военное мороженое между двух колёсиков вафель, – его надо было съесть очень быстро, иначе растает. И ещё сладчайшие мятные пряники, которые иногда приносил дед, мы хранили их, как ценный подарок на день рождения. В конце учебного года в школе нам выдавали по буханке серого хлеба и кулёк сахара или «подушечек» с повидлом внутри – гостинец на всё лето.

Кроме игр на широком просторе (в казаки-разбойники, прятки, лапту, скакалки, лямбду, классики), была ещё радость – купаться в маленьком пруду (мы звали его «хаус»), что в конце нашей улицы. Плавали, кто в чём был; один раз мальчик на берегу крикнул другу: «Эй, у тебя трусы порвались!», а девочка из воды в его защиту: «Ну, и что: попки у всех одинаковые!» Но самой большой радостью было показанное однажды кино с Чарли Чаплином; с тех пор мальчишки долго копировали его, а «чарличаплиными» называли не только клоунов, но и всех артистов. Приятным было и поручавшееся мне и упомянутому Юрке «дело» – носить молоко от нашей коровы Малюты в Дом артистов (видимо, приезжавших на гастроли). Путь был далёкий, через базар и дальше; мы бежали босиком от деревца к деревцу, чтобы обняв его, уместить по одной ноге каждого из нас на хилый кусочек травы под деревом – это был и отдых, и необходимое охлаждение ног. Раз мы уронили и разбили одну бутылку, но артисты нас обласкали и успокоили: дома так и не узнали. А на мой день рождения бабушка сплела мне лапти из мягкой верёвки – и я бегала по улице на зависть ребятам. Зимой мне поручали, идя в школу, подойти к дому моей пожилой учительницы и поставить на окно бутылку молока от той же Малюты.

Нашей семье везло: работали не только мама, но и тётя (у неё убили мужа в самом начале войны); бабушка обшивала нас и ещё шила платья для девочек, которые уносила на базар. А дед был бухгалтером на хлебозаводе; каждый день он приносил с работы небольшую буханку хлеба для семьи из восьми человек,

из них четверо детей, в том числе и взятый в дом сирота. Однажды дед заболел, а мы поняли после заводского гудка, что теперь хлеба не будет. Но вдруг над забором появилась рука – это рабочий принёс нам стандартную буханку. Так продолжалось всё то время, пока дед Павел Андреевич болел: рабочие очень любили его. (Дед умер от инфаркта, принеся домой с базара стог сена – это было уже после нашего отъезда). Вот вернулся из Новосибирского госпиталя раненый отец – вместе с сыном (и моим старшим братом) Толей, которого он отыскал в Сибири в составе хора Александрова, где пел брат. Отец стал работать с мамой в той же памирской экспедиции, взяв с собой Толю. В горах Памира они поимели ещё много приключений – тяжелейшие переходы, опасные встречи с басмачами, болезни, и т.д.; но это отдельная история. Пару раз мне привозили от них вкусные длинные бусы из сухофруктов; обмотав их вокруг шеи, можно было продолжать игры и угощать других, у кого не было в горах родителей. Я жила себе, как все вокруг, и считала, что это и есть моя всегдашняя жизнь. В дальнейшем, переехав в Москву, я очень скучала по Таджикистану и улице Шота Руставели, по пыльному базару, где продавались огромные сочные персики. До сих пор волнует запах огородов, мы ходили туда через поля кукурузы, – это запах спелых помидор, полыни, мяты и всего растущего вдоль арыков.

ЭКСПЕДИЦИИ

Вторая встреча со Средней Азией всё же состоялась, – и это бегство из института, длившееся всего полгода, было счастливейшим из всех моих жизненных приключений. Брат поступил в Москве в геологоразведочный институт (МГРИ) по профилю «геолог-геофизик», был послан советником в Китай, после китайской «культурной революции» исходил ногами много гор, включая Алтай – его китайскую, сибирскую, монгольскую части. Он так увлёк меня рассказами и письмами оттуда и провёл такую интересную экскурсию по музеям, что я тоже влюбилась в камни, их историю и т.д. и решила поступать в тот же МГРИ. Благо-разумные взрослые посоветовали мне сначала почитать книжки и самой съездить в экспедицию, а потом решать, бросать ли мне

свой историко-филологический факультет ради геологии. Я сдала досрочно зачёты и экзамены за 2-й курс, изучила брошюру про «шлиховку» (это промывание песка в поисках крупинки золота, – к такому занятию я была готова) и в апреле 1954 года стала наниматься в геологическую экспедицию.

В ТЯНЬ-ШАНЕ (КИРГИЗИЯ)

Меня согласились взять в формировавшийся тогда отряд в качестве рабочего, обеспечивая лишь пропитанием и ж/д билетами – вместо зарплаты. Отряд должен был проводить разведку в горах Тянь-Шаня в поисках золота и редких металлов и составлять карту региона. На базе в г. Талас (Киргизия) были наняты местные рабочие, а также лошади для работы в горах. Мне как самой молодой в отряде из 15-17 человек досталась старая опытная лошадь с жеребёнком, но потом её сменили на самую молодую и, видимо, почти необъезженную лошадку (сейчас я имя забыла). Обучение было коротким: не успела я вставить ноги в стремяна, как её хлестнули сзади кнутом – и она понесла... На мои крики «Помогите, упаду, остановите!» и тому подобное все только смеялись... Потом она перешла на рысь, и тут мне удалось нащупать музыку ритма. В маршрутах молодая лошадь всего пугалась, особенно запаха бензина и толи, оставленных кем-то до нас, попадала в болотца-ловушки, вдруг возникавшие под травой, сбрасывала меня; но потом мы подружились, я лечила её стёртые бока и баловала сахаром и солью, которой горным лошадям всегда не хватает. В дальнейшем я познала и галоп и ... даже аллюр, на который лошади переходили, когда оказывались рядом: они любили соревноваться.

Итак, из Таласа отряд поехал в долину реки Сусамыр, несущую грязно-жёлтые воды на границе Киргизии и Казахстана, переехали на машинах перевал (имени не помню) на высоте 4 тысячи метров, и стали работать в районе высокогорных пастбищ Киргизии. В маршрут я выезжала в паре с кем-то из геологов, собирала пробы тех пород, на которые указывал геолог, часто отбивая их геологическим молотком, и упаковывала в бумажные конвертики, сразу же отмечая на аэрофотоснимках место взятия и название породы. Потом, в «камеральный день», все эти сведения переноси-

сила на карту, связав одним номером точку и образец. Так собиралась огромная коллекция, которую весь год затем обрабатывали в Институте физики земли им. Шмидта, чтобы задать следующие цели, написать отчёты, готовить статьи и монографии и т.д.

Каждый день маршруты выезжали в очередное ущелье (долину, или *сай*). На пути встречались юрты, добрые киргизы звали выпить кумыс, а иногда угощали чем-то своим; больше всего я боялась, что это будут «бурсоки» (сваренные в бараньем жиру толстые мучные подушечки длиной в мизинец); несмотря на постоянный голод, я физически не могла их есть и прятала в рукав, улыбаясь и благодаря хозяев («Болды, рахмат», т.е. спасибо, достаточно). Где-то в глубине юрты сидела старая марджа (жену они никогда не показывали гостям). Геологов-женщин они называли *инженеры*, у нас в отряде была одна опытная геолог и две девчонки (Алла, студентка 3 курса на практике, и я – рабочий). Конечно, мы подружились с Аллой и очень просили, чтобы нас отправили вместе в маршрут. Один раз начальник не выдержал и отпустил Аллу как геолога, начальника надо мной. И с этим связано самое памятное приключение.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ 1. ЛОШАДИ СПАСЛИ

Мы с Аллой получили задание «прочесать» один сай, поднявшись до самого истока речки, образующей этот сай. Радостно поскакали, перешли по известному нам и лошадям броду через широкую и бурную реку Арамсу (в переводе *бешеная вода*), вышли на нужный сай и начали работу. Приходилось часто спешиваться с лошадёй, особенно мне, чтобы забрать образец, но была и другая причина остановок: каждый встреченный ручей звал напиться вкуснейшей горной воды. Чем больше пили, тем больше хотелось пить (взрослые геологи вообще не разрешали пить во время маршрута, а тут-то мы оторвались по полной; лишь недавно я осознала, что скорее мы хотели есть: нам выдали на целый день по куску серого хлеба и одну банку сгущенки на двоих; это быстро съедалось). Встретили двух аксакалов у своих юрт, – они угостили нас кобыльим кумысом, который утоляет жажду, и вкусным айраном (баранье густое кислое молоко). Один из них на нашу просьбу поиграть на домбре пригласил

войти в дом-юрту и с удовольствием играл, а на мой вопрос «А где его марджа/жена?» ответил, что это у него уже шестая жена, пять до неё умерли. Немудрено: женщины там быстро стареют от тяжёлой работы и уходят из жизни раньше своих мужей. Но самой замечательной была встреча с двумя молодыми братьями-красавцами карачаевцами; они были выселены Сталиным во время войны и всё это время тосковали по своему родному Кавказу. Они так и не привыкли к кочевой жизни, говорили о своей нелюбви к «грязным киргизам и казахам», ждали, что скоро вернуться на родину (шло лето 1954 года, когда выселенным народам разрешили вернуться «домой»).

Но вот все пастухи с отарами, аксакалы с бурдюками кумыса и грустные карачаевцы остались внизу, мы шли вверх по саю. Перед последним участком до верховья, когда пошли нагромождения больших камней, где лошади не могли бы пройти, мы спешились, стреножили по всем правилам своих лошадок (концы верёвок закрепили за валунами) и оставили их пастись на хорошей лужайке, а сами полезли наверх. Но недолго любовались самым истоком реки: увидели надвигающуюся грозовую тучу. Лошади ведь очень боятся грозы; по короткому общему крику «Гроза!» мы полетели вниз. Мы **летели** буквально, делая огромно-неправдоподобные прыжки с одного уступа на другой, уже под дождём, моля бога задержать лошадей. Успели в последний момент: лошади, хоть и стреноженные, оторвали привязи и быстро шли назад. Вскочив в сёдла, мы едва отдышались, с трудом осознав, как это мы не разбились во время полёта. Стало очень темно и холодно (а мы были в кофточках с короткими рукавами), дождь не переставал, но лошади всегда знают дорогу домой, поэтому особой тревоги не было. Вот уже подъезжаем к Арамсу, остаётся метров сто до брода – и вдруг обе лошади резко повернули влево. Разворачиваем их обратно, делаем так несколько кругов, но на том же месте обе упрямо ведут непонятно куда. У нас уже не осталось сил воевать с ними, мы покорились: везите куда угодно, только скорее. Через какое-то время они всё же подошли к реке и стали осторожно переходить её – так, что сверху оставались только их головы. Выйдя на другом берегу, лошади помчались, соревнуясь в скорости, тем самым аллюром, кото-

рый психологически уютнее галопа. Была уже глубокая ночь, когда они почуяли лагерь, увидели костры и на бешеной скорости достигли цели. Мы с Аллой были два застывших комка, нас едва оторвали от сёдел, на руках занесли в палатку, заставили глотнуть спирта и запихнули в спальники. Утром мы узнали, что это было в 3 часа ночи, что с самого начала дождя нас искали, с вечера жгли костры, а что вода Арамсу в месте привычного брода поднялась на один метр. ... Но как могли знать это лошади, нашедшие другой брод и тем самым спасшие нас? Когда мы проснулись, был яркий день, а вокруг нас полукругом сидел весь отряд... Но что значил строгий выговор по сравнению с таким полноценным ощущением прожитого накануне счастья!? Правда, после этого события одних женщин (тем более двух девчонок) в маршруты не выпускали. А счастье и не должно повторяться.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ 2. КИРГИЗСКИЙ ПРАЗДНИК — ТОЙ

Нас пригласили на какой-то большой сбор («той») всего киргизского кочевого края. На этот главный праздник лета поехал весь отряд. По пути в обозначенную долину мы пересекли несколько серьёзных подъёмов и спусков. Лошадей мы берегли больше самих себя, поэтому поднимались верхом, а перед спуском спешили и вели лошадей под уздцы, чтобы не натереть им спины. Но ... перед последним спуском в долину, самым крутым, начальник приказал оседлать лошадей и гордо съехать вниз – иначе хозяева «не поймут» и будут презирать. Нас встретили торжественно, расседлали и отвели отдыхать и кормить лошадей. Тут наступило замешательство в «президиуме» праздника, где сидели и советские начальники: ведь среди нас как гостей были три женщины (главный геолог Галина, Алла-студентка и я). А женщины у киргизов на праздники не допускаются. И когда Главный распорядитель тоя поднял брови: «Женщины?!», встречавший нас второй главный быстро нашёлся: *«Это НЕ женщины – это ИНЖЕНЕРЫ»*. Так мы трое и сидели среди мужчин-аксакалов. Красивые девушки обошли всех, полив водой из кувшинов руки перед едой, – и исчезли. Мы, голодные, отвели душу за настоящим прекрасным пловом, который ели руками (нас научили захватывать горстку риса

ладонью и проталкивать большим пальцем в рот), был ещё и беш-бармак (хоть он и означал *пять пальцев*, справиться было труднее), и лился рекой кумыс (от него хмелели: ведь 5-6 градусов). И всё это время (или после еды – я не помню, но долго) шла лекция: женщина-лектор, присланная «из райкома», читала доклад «О вреде алкоголя на высокогорных пастбищах». Когда она кончила, её и начальство посадили в райкомовскую машину и увезли в город.

Тогда развернулся праздник. Сначала выступали аксакалы (*аксакал = белая борода*). Каждый пел песню в сопровождении своей *домбры* (не путать с дОмрой, на ней я играла школьницей в струнном заводском оркестре). На каждой песне я спрашивала соседа-киргиза: «*О чём он поёт?*». – «*О любви*» – отвечал он. Ещё через 5 песен: «*А эта песня о чём?*» – «*О любви*» – был такой же ответ. (Когда я вернулась домой, у меня вдруг сама собой сложилась киргизская песня с мотивом – конечно, тоже о любви).

Отдав дань старшему поколению, выступили молодые ребята, джигиты. Боже, что тут началось! ... Соревновались силой, ловкостью, скоростью, врукопашную, на лошадях. Но высшей точкой кипения страстей была игра *козлодрания* (немного напоминает футбол, но только на лошадях). Маленького барашка надо было отвоевать в толпе соревнующихся и донести до стоящей в середине поляны штанги с флагом. Кони хрипели, наездники визжали, поднимая с земли пыль и перекидывая бедного барашка друг другу, пока его, бездыханного, не бросил победитель к основанию штанги. Почему это был баран, а не козёл, я не знаю, может быть, у козла рога мешают, а барашек больше похож на мягкий мяч. Говорят, его потом съели, но мы уже уехали. До сих пор этот праздник *козлодрания* стоит перед глазами, хотя прошло больше 50 лет.

КОНЮХ КАДЫРБЕК И ПРОЩАНИЕ С ОТРЯДОМ

При арендованных нами лошадях состоялся конюх из местных, звали его Кадырбек. Это был довольно тихий юноша, дела у него было мало (лошадей мы сами холили и лечили), и мы его почти не замечали. Он совсем немного говорил по-русски, но часто

повторял: *«Гая, у тебя лошадь седло туда пошёл»*, и вот почему. Главный геолог Галина была крупной и полной женщиной, и лишь за её лошадью ухаживал этот хитроватый конюх. Ему нравилась сцена, когда старая и тоже хитрая лошадь Гали надувала бока во время засупонивания, чтобы ей не было туго, а когда выпускала воздух, седло и сбруя скашивались на бок, часто падала и наездница. Если же хозяйка сама взнуздывала, лошадь кусала её за живот, иногда очень больно. Кадырбек часто приставал ко мне: *«Нина, я говорю русский, ты почему не говоришь киргизский?»*, *«Нина, давай познакомимся по телефону»*. Н.: *«Кадырбек, да зачем телефон, мы и так знакомы. Что ты хочешь сказать?»*. К.: *«Я хочу сказать ... дроля, ты знаешь, что это? Это несчастная любовь. Я могу тебя умыкнуть. Я соберу калым»*. Н.: *«Нет, Кадырбек, ничего у тебя не выйдет: мне надо, чтобы за мной приехали на тройке с бубенцами ...»*. К.: *«Нет, я хочу познакомиться с тобой по телефону»*... – и снова та же песня. Видимо, когда-то его поразил телефон или он вообще не видел его.

«Тройки с бубенцами» так и не было, но мимо наших палаток проезжала ещё одна экспедиция – пока из трёх человек. Её начальник стал звать меня с ними – в пустыню Кара-Кум, плато Усть-Урт, искать источники воды. *«Ты никогда больше не выедешь в Азию, хватит тебе и трёх месяцев в горах, а с нами увидишь, что такое настоящая пустыня»*. Соблазн был большой, тем более что предлагалось быть не рабочим, а техником-вычислителем. Я ответила, что если он уговорит моего начальника отпустить меня, я поеду с ними. Кадырбек тут выступил, что за такую «кызынку» (девочку) киргизы дают калым в 10 тысяч, но за меня будет дешевле, т.е. 8 тысяч, поскольку я «кучёная» (на его языке – *испорчена*). Он подбивал начальника получить на этом знании выгоду, в том числе и себе. Я и не знала, что целую ночь два начальника играли в карты, договариваясь, и новый начальник выиграл, а на каких условиях, мне было безразлично. Утром мне объявили, что могу уезжать; я простилась с лошадкой и плакала, когда сели в машину. А с двумя Борисами, студентами старших курсов МГУ и МГРИ, я расставалась суше, советуя «соблюдать принципы Панча Шида», широко обсуждаемые тогда в политике, напирая на принцип «невмешательства в частную

жизнь другого». Они не столько ревновали, сколько злились («*Лошадь целует, а люди...*»). Ну, как объяснить, что мне никакая любовь не нужна, что я полна этим краем, воздухом, горами, реками, звёздами? Простившись с отрядом, я уехала искать новых приключений со своими новыми коллегами.

В ПУСТЫНЕ (ТУРКМЕНИЯ)

Сначала пустыня не показалась мне страшной. Поставили палатки, приготовили оборудование, объяснили мне мои обязанности. Мужчины забивали какие-то два анода-катода на расстоянии примерно 1 км, пускали ток, а я должна была вычислять (на логарифмической линейке) величину сопротивления и строить график. Занятие мне нравилось, было легко, но смешно: я не верила, что так можно найти воду. В отряде была повариха, которая кормила очень вкусно, так что через 2 месяца я растолстела. Главная трудность была с пресной водой, нам доставляли её на самолётике и давали каждому по банке воды в неделю: хочешь – пей, хочешь – голову мой. Я, конечно, берегла для головы, ибо от солёной (её-то было вдосталь) волосы вставляли колтуном, потом оставалось только наголо остричь. Так что чай мы пили солёный, тело зудело от солёного душа, никакого облегчения. Я даже не спрашивала, какая температура вокруг, всё принимала как данность, с которой надо жить. Наши лица были все облеплены листьями, иначе сгорят; поперёк носа незаживающая трещина, губы так воспалены, что смеяться мы не могли – очень больно. Как-то раз привезли огромные арбузы, но они были такие солёные, что их не ели. А вот дыни почему-то не впитывали соль, тоже огромные, до метра в длину, они были бесконечно сочные и сладкие (я запомнила слово Кзыл-Шарк, видимо, это посёлок, откуда их привозили, так я их и называла, а потом в Москве пыталась найти, но увидела лишь раз на ВДНХ). Как я не научилась киргизскому языку от единственного киргиза в отряде, так и здесь был один рабочий-туркмен, который не говорил с русским отрядом на своём языке. Но каждое утро он задавал мне вопрос: «*Нина-кыз, имртка птка будешь?*» (*имртка птка* означало у него (*куриное*) *яйцо*, а дословно – *яйцо петуха будешь есть?*).

При всём однообразии жизни приключения всё же были. Мы выезжали к Каспию купаться, ходили по зеркалу сплошной соли озера Баскунчак (сейчас его, наверное, уже нет: превратилось в одну соль), катались на верблюдах. А раз в перелёте на базу лётчики пригласили меня в кабину, так как меня укачивало в крошечном салоне. Я сидела между главным и его помощником, а они забавлялись моими «Ахами», когда нарочно летели прямо на скалу или башню, взмывая вверх в последнюю секунду. Это чудо, но меня тогда ничуть не укачало: ведь это я сама летела в небе, а стекла передо мной как будто и не было.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ 3. (ОХОТА)

Не слишком далеко от нашего отряда расположилась ещё одна геологическая экспедиция; что она искала в пустыне – я не знаю. С их начальником, одноруким Шараповым (руку он потерял на войне, но никогда о войне не вспоминал), мы с азартом играли в шахматы. Именно эти соседи-геологи устроили ночную охоту на эликов (или джейранов – кто как называл; они гораздо меньше оленей, скорее как козлы или архары). Однажды меня спросили, не хочу ли я поучаствовать в такой охоте, хоть это и опасно. – «Конечно, хочу!». Выехали тёмной ночью в кузове ветхого грузовика, справа и слева от меня стояли, прислонившись к кабине, 6 или 7 мужчин с ружьями наготове. Машина летела на большой скорости по плато, которое днём мне казалось совсем плоским и ровным, но тут оно оказалось изрыто перепадами и трещинами, через которые шофёр перелетал, не задумываясь. Машину и нас швыряло так, что едва удерживались за борта и кабинку. Как только не выстреливали ружья от огромной скорости? Но охотники были опытными – не первый раз, чай, выезжали.

Вот показалось стадо оленей, впереди – самец с большими красивыми рогами. Шофёр повёл машину наперерез, чтобы ослепить животных фарами – тогда они цепенеют и стоят в ожидании. Но вожак увернулся, и стадо помчалось в другую сторону, шофёр так же резко развернулся в погоню. Это повторялось не раз, охотники вошли в раж и ни за что не соглашались остановиться. И в какой-то момент машина оказалась напротив вожака. Зажгли

все фары. Стадо замерло. Охотники не торопились, они посоветовались, выбрали двух или трёх самых жирных (но не молодых) животных и подбили их. Оставшиеся красавцы ускакали. Подобрали убитых животных и поехали в лагерь, уже спокойнее. Это было незаконно: позднее мне сказали, что животных разрешается убивать только для защиты своей жизни. – «А как же ...?» – «Ну, как-то оформляют, что на них напали»). Думаю, что и охотникам было жаль зверей, но по полгода жить в экспедициях только на консервах им тоже тяжело. Да, пару дней мы ели вкусный плов из внутренностей этих дивных животных. Мясо, видимо, коптили и увозили домой начальники. (То же оказалось и с Киргизией. Ведь горные реки были полны хариусами, или мелкой форелью. Мы на досуге ловили рыбу рубашками, завязав рукава, и в такой «мешок» попадало много рыбы. Я не помню, чтобы мы ели её, хотя рыбу вялили постоянно на наших глазах). На базе я увидела, что некоторые увозили домой мешки сушёной рыбы и вяленое мясо.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ещё в Тянь-Шане я получала письма от однокурсников, которые звали вернуться, один раз даже прислали посылку с конфетами и фотографиями (вот ведь как почта работала!). Мне хотелось остаться в Средней Азии, было так хорошо, как никогда раньше (да и потом тоже). Даже на основной базе в пыльном Таласе, куда мы прибыли и откуда все разъезжались в начале ноября, я радовалась хорам соловьёв и лягушек. Но стало грустно, когда поговорила с бывальыми женщинами-геологинями: все они тихо плакали, потому что дома оставались одни на полгода муж, дети, родители. Там и появились трезвые мысли: вот и я только на следующий год поступлю в геологоразведочный, 5 или 6 лет учёбы, да я уже буду 30-летней старухой! И буду ныть, как многие женщины: «*Ах, я не пойду вброд, ах, я боюсь верблюдов, лошадей*» и т.д. Неужели я буду такая же? – нет, это невозможно. ... И я послала прямо из Таласа заявление (письмом) в свой Институт, просила не только восстановить меня в Институте, но и перевести на вечернее отделение (твёрдо знала, что только учиться уже не смогу – я пойду работать).

Поезд шёл в Москву долго, около недели, со многими остановками, проехав через все азиатские республики и многие города; меня особенно поразил Самарканд с его кружевной архитектурой. У меня была с собой только большая кзыл-шарковская дыня, которая лопнула, а значит, до встречающих я её не доведу. В Ташкенте я вынесла её, чтобы кому-нибудь отдать. Было рано, только одна узбечка мела платформу; пробормотав что-то, я отняла у неё метлу, положила ей на руки дыню и убежала к поезду. Поезд сильно опоздал, было темно, встречающие меня однокурсники разошлись, мне пришлось одной грустно добираться до дома за городом. Но зато в первый же день, когда я пришла в группу уже вечернего обучения, мне предложили работу в академическом Институте русского языка. Начались другие включения, и они оказывались не менее интересными. Выезжая в командировки в южные (бывшие наши) республики – Армению, Грузию, а также в Крым, – я везде находила запахи Средней Азии и другие её атрибуты (дувалы из кизяков, печи во дворе, лепёшки, снятые со стенок этих печей, азиатский плов и настоящие фрукты, не говоря о родственных цветах и травах).

К таджикам я отношусь хорошо до сих пор – они ленивые и мягкие. Добрых киргизов – как было не любить? Но они сами на пастбищах не любили казахов, считая их жадными. И мы один раз на границе с Казахстаном встретили казахов, которые сразу стали спрашивать, есть ли у нас «алтын-малтын», – в горах их интересовали деньги. Туркмены показались мне философски настроенными. Но я всех их мало видела. А нас, четверку студентов (два Бориса, Алла и я), встретившихся в Москве после окончания всех экспедиций, не интересовали ни материя, ни философия – мы были просто полны жизнью.

Незабываемая моя Азия, прощай! Я больше не попала туда. И хотя я родилась в тундре, в далёком и холодном Нарьян-Маре, именно жаркую Среднюю Азию я считаю своей настоящей родиной: она меня отогрела.

(Вспомнила и записала в ноябре 2013 г.)

Журнал
«Последняя среда»
тема номера «Средняя Азия»

Редактор – А. Пустогаров
Оформление обложки – О. Глухарева
Корректурa/верстка – О. Бабина.

Свидетельство о государственной регистрации
ОГРН 309774627800931
Издатель ИП Ракитская Э.Б. «Э.РА»

Формат 60 x 84/16
12 уч. изд. л.
Тираж 50 экз.

Москва
2014

Контактные координаты издательства
тел. в Москве:
+7-962-704-68-73

Наши адреса в интернете:
Сайт издательства Э.РА: www.era-izdat.ru
Как издать книгу: <http://era.gufo.ru>
Книжный магазин: <http://knizh.gufo.ru>
Почта: era-izdat@mail.ru